

С. Х. КЯМИЛЕВ

МАРОККАНСКИЙ
ДИАЛЕКТ
АРАБСКОГО
ЯЗЫКА

633697

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1968

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

После смерти Г. П. Сердюченко публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н. В., *Амхарский язык.*

1960 г.

Андронов М. С., *Тамильский язык.*

Дворянков Н. А., *Язык пушту.*

Дмитриев Н. К., *Турецкий язык.*

Дорофеева Л. Н., *Язык фарси-кабули.*

Зограф Г. А., *Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.*

Иванов В. В., Топоров В. Н., *Санскрит.*

Катенина Т. Е., *Язык хинди.*

Мазур Ю. Н., *Корейский язык.*

Мячина Е. Н., *Язык суахили.*

Наджип Э. Н., *Современный уйгурский язык.*

Насилов В. Н., *Язык орхон-енисейских памятников.*

Петруничева З. Н., *Язык телугу.*

Рубинчик Ю. А., *Современный персидский язык.*
Санжеев Г. Д., *Современный монгольский язык.*
Смирнова М. А., *Язык хауса.*
Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебо-
ва И. И., *Вьетнамский язык.*
Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., *Индонезийский язык.*
Тодаева Б. Х., *Монгольские языки и диалекты Китая.*
Толстая Н. И., *Язык панджаби.*
Фельдман Н. И., *Японский язык.*
Фролова В. А., *Белуджский язык.*

1961 г.

Бабакаев В. Д., *Ассамский язык.*
Горгониев Ю. А., *Кхмерский язык.*
Коростовцев М. А., *Египетский язык.*
Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П.,
Солнцев В. М., *Китайский язык.*
Курдоев К. К., *Курдский язык.*
Охотина Н. В., *Язык зулу.*
Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф., *Тайский язык.*
Рерих Ю. Н., *Тибетский язык.*
Секхар Ч., Глазов Ю. Я., *Язык малаялам.*
Сердюченко Г. П., *Чжуанский язык.*
Теселкин А. С., *Яванский язык.*
Шарбатов Г. Ш., *Современный арабский язык.*
Яковлева И. П., *Язык ганда (луганда).*

1962 г.

Андронов М. С., *Язык каннада.*
Дымшиц З. М., *Язык урду.*
Соколов С. Н., *Авестийский язык.*

1963 г.

Аракин В. Д., *Мальгашский язык.*
Завадовский Ю. Н., *Арабские диалекты Магриба.*
Иванов В. В., *Хеттский язык.*
Катенина Т. Е., *Язык маратхи.*
Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагуно-
ва И. М., *Бирманский язык.*
Насилов В. М., *Древнеуйгурский язык.*
Оранский И. М., *Иранские языки.*
Пашков Б. К., *Маньчжурский язык.*
Тенишев Э. Р., *Саларский язык.*
Теселкин А. С., *Древнеяванский язык (кави).*
Шифман И. Л., *Финикийский язык.*
Яковлева В. К., *Язык йоруба.*

1964 г.

Вентцель Т. В., *Цыганский язык (северно-русский диалект)*.

Выхухолев В. В., *Сингальский язык*.

Еланская А. И., *Коптский язык*.

Карпушкин Б. М., *Язык ория*.

Липин А. А., *Аккадский язык*.

Меликишвили Г. А., *Урартский язык*.

Санжеев Г. Д., *Старописьменный монгольский язык*.

Токарская В. П., *Язык малинке (мандинго)*.

Церетели К. Г., *Современный ассирийский язык*.

1965 г.

Андронов М. С., *Дравидийские языки*.

Аракин В. Д., *Индонезийские языки*.

Герценберг Л. Г., *Хотаносакский язык*.

Дьяконов И. М., *Семитохамитские языки*.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., *Язык пали*.

Ефимов В. А., *Язык афганских хазара (якаулангский диалект)*.

Королев Н. И., *Язык непали*.

Павленко А. П., *Сунданский язык*.

Савельева Л. В., *Язык гуджарати*.

Сегерт Ст., *Угаритский язык*.

Эдельман Д. И., *Дардские языки*.

Юань Цзя-хуа, *Диалекты китайского языка*.

Яхонтов С. Е., *Древнекитайский язык*.

1966 г.

Бауэр Г. М., *Язык южноаравийской письменности*.

Быкова Е. М., *Бенгальский язык*.

Егорова Р. П., *Язык синдхи*.

Крус М., Шкарбан Л. И., *Тагальский язык*.

Расторгуева В. С., *Среднеперсидский язык*.

Тенишев Э. Р., Тодаева Т. Х., *Язык желтых уйгуров*.

1967 г.

Завадовский Ю. Н., *Берберский язык*.

Крупа В., *Язык маори*.

Старинин В. П., *Эфиопский язык*.

Шеворошкин В. В., *Лидийский язык*.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Центр, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Изучение живых диалектов арабского языка представляет собой одну из актуальных задач современного арабского языкознания, имеющую как теоретическое, так и прикладное значение в условиях роста связей Советского Союза с арабскими странами.

В отличие от восточных диалектов арабского языка его западные (магрибские) диалекты только начинают включаться в сферу научного изучения в отечественной арабистике. В зарубежной литературе исследование этих диалектов началось в конце XIX в. трудами немецких ученых А. Социна (A. Socin), А. Фишера (A. Fischer), Б. Майснера (B. Meisner) и др.¹ После установления над Марокко протектората Франции на первый план выдвигаются представители французской школы арабистов-диалектологов, основанной В. Марсэ (W. Marçais).

С 40-х годов к исследованию магрибских диалектов обращаются и американские ученые, в частности З. Харрис (Z. S. Harris), Р. Харрелл (R. S. Harrell).

К настоящему времени по магрибским диалектам вообще и по марокканскому диалекту в частности накоплен значительный материал. В первую очередь следует выделить сборники диалектных текстов, составленные такими крупными специалистами, как Аларкон-и-Сантон (Alarcon-y-Santon), В. Марсэ, Э. Леви-Провансаль (E. Lévi-Provençal), Л. Брюно (L. Bruno), Ж. Колен (G.-S. Colin) и др. Сборники эти отличаются точностью фонетической записи, богатством тематического содержания и могут служить надежными источниками для научного изучения диалекта.

Самым выдающимся из них, по всеобщему признанию, считается сборник В. Марсэ «Арабские тексты из Танжера», изданный в 1911 г. Этот классический труд, являющийся, по выражению Л. Брюно, «настойной книгой специалистов по марокканской диалектологии»², до сих пор служит свое-

¹ Здесь и далее см. библиографию.

² Hespéris, 1927, p. 485.

образным образцом при оценке подобных работ других авторов. Изданием своих «Текстов» В. Марсэ открыл новую эпоху в изучении арабских диалектов вообще и диалектов Магриба в особенности. Исследователи магрийских диалектов до сих пор следуют в основном единому методу, который был дан в фундаментальном труде В. Марсэ.

В 1913 г. вышел сборник Аларкон-и-Сантона «Тексты на арабском говоре Лараша». С изданием этого сборника северные городские говоры танжерского ареала — ларашский, сеутский, тетуанский — оказывались изученными наиболее полно по сравнению с другими говорами страны. Следует вообще отметить, что до 20-х годов только городские говоры Марокко были объектами научного изучения.

В 1920 г. Ж. Колен опубликовал «Заметки по арабскому говору северной части области Таза», положив начало научному изучению сельских говоров. По глубине и цельности исследования работа далеко выходит за рамки «заметок» и представляет собой систематический и законченный труд по говору горского племени бранес (Branés). «Заметки» Ж. Колена впервые выявляют близость сельских и городских говоров Северного Марокко, их постоянное и глубокое взаимовлияние. Л. Брюно в рецензии на работу писал, в частности: «Изучение этого говора (племени бранес. — С. К.) еще раз показывает, что берберы, которые говорят по-арабски, говорят на этом языке примерно одинаковым образом. В Северном Марокко, конечно, существуют различия между говорами Танжера, Рабата, Феса и Бранес, но основные черты, особенно идентичная фонетика, в целом оказываются общими для северных говоров Марокко»³. Например, тенденция к эмфатизации согласных слова при наличии в нем эмфатического корневого согласного, отмечаемая Ж. Коленом, обнаруживается во всех без исключения говорах Марокко и составляет одну из их общих отличительных черт. Равным образом и в морфологии говор Бранес за небольшим исключением характеризуется чертами, общими для большинства городских и сельских говоров Северного и Западного Марокко. В этой связи Л. Брюно приходит к интересному выводу о том, что «монографическое исследование по говору Феса было бы очень похожим на исследование по говору Бранес или Уарга»⁴.

В 1922 г. вышла работа Э. Леви-Провансаля «Арабские тексты из Уарга». Южный район горного массива Джебель, где собирал материалы Э. Леви-Провансаль, оказался сопредельным с тем районом Таза, которому посвятил свои «За-

³ Hespéris, 1921, p. 352.

⁴ Ibid., p. 351.

метки» Ж. Колен. Таким образом, ареал изучения сельских говоров Марокко заметным образом расширился. Работа Э. Леви-Провансаля еще раз подтвердила близость сельских и городских говоров. «Любопытно отметить,—писал Л. Брюно в рецензии на „Тексты“ Э. Леви-Провансаля,—насколько этот говор горцев как по фонетике, так и по морфологии ближе к говору горожан, чем собственно арабские говоры жителей равнинных областей...»⁵. В равной степени это относится и к лексике. Словарь-комментарий, которым снабжены «Тексты», показывает, что лексический состав сельских говоров, за исключением специальных терминов, мало отличается от говоров городских. Больше того, «частые сравнения, которые проводит автор с лексикой Танжера, Лараша, Рабата и Феса, с достаточной убедительностью обнаруживают существование марокканского койне»⁶.

В 1931 г. Л. Брюно издает «Арабские тексты из Рабата», труд, в котором он «постарался максимально следовать „Текстам“ В. Марсэ, что, впрочем, не означало пассивного подражания учителю...»⁷. Тексты в сборнике Л. Брюно короче, а количество их больше, чем в сборнике В. Марсэ; Л. Брюно пользуется более простой транскрипцией. Что касается глоссария к текстам Л. Брюно, то он вышел только в 1952 г. Если В. Марсэ в своем глоссарии стремился дать представление о месте говоров Марокко в обширном арабоязычном мире, то Л. Брюно ставит задачей определить и охарактеризовать говор Рабата, не выходя за рамки страны. Такой подход позволил Л. Брюно, в частности, уделить больше внимания сравнению марокканского диалекта с берберским языком и сделать вывод о том, что «если арабская лексика стремится вытеснить берберскую, то фонетика и стиль, напротив, по всей видимости, даже в городских арабских говорах остаются берберскими»⁸.

Особое внимание Л. Брюно уделяет проблемам ударения, долготы гласных, редуции слогов. «Несмотря на все мои поиски в этой области,—сетует автор „Рабатских текстов“,—мне не удалось найти какого-либо правила или системы правил, которые позволяли бы с уверенностью определять место ударения и его влияние на слоговую экономию (*l'économie syllabique*); слоговое ударение и ударение фразовое, как мне кажется, часто смешиваются, и я остаюсь убежденным, что в ритме фразы или ритме мысли следует искать ключ к проблеме...»⁹.

⁵ Hespéris, 1922, p. 347.

⁶ Ibid., p. 349.

⁷ L. Brunot, *Textes arabes de Rabat*, p. II.

⁸ Ibid., p. III.

⁹ Ibid., p. III.

Своеобразной обобщающей работой по городским говорам Марокко явилась «Марокканская хрестоматия», выпущенная Ж. Коленом в 1939 г. В ней наряду с текстами, собранными в Рабате и Танжере, имеется большое количество текстов, записанных от носителей южных говоров, а также сельских говоров Северного Марокко. Весь собранный материал прошел специальную обработку и адаптацию, в частности, «язык был нормализован с таким расчетом, чтобы представлять промежуточный говор (*le dialect moyen*), на котором говорят и который понимают в крупных городах Севера: Рабате, Сале, Мекнесе и Фесе»¹⁰. Даже материал, заимствованный из «Арабских текстов из Уарги» Э. Леви-Провансаля (басни, начиная с XIII и по XXIII включительно), подвергся соответствующей адаптации автором «Хрестоматии». Таким образом, эта книга оказывается сборником текстов на марокканском диалектном койне, в основе которого лежат городские говоры страны. Это — первый крупный и успешный опыт создания работ подобного рода, подготовленный предшествующим многолетним и плодотворным развитием магрибской диалектологии.

В 1955 г. «Марокканская хрестоматия» была переиздана. Что касается обещанного ее автором большого марокканско-французского словаря, который «включил бы в себя основную лексику городских говоров Марокко»¹¹, то до сих пор остается только надеяться, что этот уникальный труд, готовый, по всей видимости, к изданию, все же увидит свет.

Из опубликованных работ исследовательского характера наибольшее количество статей и отдельных этюдов посвящено лексике диалекта.

Менее обширен, но все же достаточно полон список работ по вопросам фонетики и фонологии. Фонологическую структуру марокканского диалекта пробовал проанализировать крупный представитель структурной лингвистики З. Харрис. К сожалению, попытка его во многом оказалась неудачной, и объясняется это тем, что З. Харрис не учел результатов соответствующих исследований, проведенных раньше другими учеными (А. Фишер—1898, 1899, 1917; Г. Кампфмейер—1908; Ж. Кантино—1941 и др. См. библиографию). Большая статья З. Харриса «Фонемы марокканского диалекта арабского языка» вызвала суровую, но справедливую критику Ж. Кантино в его ответной статье «К вопросу о фонологии марокканского диалекта арабского языка». Ошибка З. Харриса, по мнению Ж. Кантино, заключалась прежде всего в том, что для своей лингвистической анкеты он избрал говор города Касабланки, «го-

¹⁰ G.-S. Colin, *Chrestomathie marocaine*, p. VIII.

¹¹ Ibid., p. IX.

рода с относительно новым и разнородным населением (XVIII, XIX и особенно XX вв.) и, таким образом, малопригодного для проведения исследования»¹². Это повлекло ряд фактических ошибок и «просто ляпсусов», вызванных практическим незнанием З. Харрисом марокканского диалекта. Кроме того, Ж. Кантино возражает З. Харрису по ряду «важных вопросов теории и метода»¹³. Имеются в виду различия между американской и пражской школами лингвистов в теории и методе выделения фонем. Преимущественное внимание к «окружению» в ущерб «фонологическим оппозициям, основанным на различительных признаках», служит, по мнению Ж. Кантино, главным источником принципиальных ошибок З. Харриса при исследовании им фонологической системы марокканского диалекта. Особенно большие разногласия между З. Харрисом и Ж. Кантино возникают по вопросу кратких гласных фонем. З. Харрис насчитывает четыре краткие гласные фонемы: /i/, /u/, /a/, /ə/, тогда как, с точки зрения Ж. Кантино, их оказывается в марокканском диалекте всего две: /ə/ и /u/, равным образом — вместо четырех долгих гласных фонем: /ī/, /ū/, /ā/, /ā̄/, в этом диалекте имеется только три: /ī/, /ū/, /ā̄/. Что касается согласных фонем, то Ж. Кантино считает анализ З. Харриса «в целом удовлетворительным».

По сравнению с лексикой, фонетикой и фонологией проблемы грамматики марокканского диалекта не получили еще достаточного освещения. Почти совершенно не разработан синтаксис. Отсутствуют пока и обобщающие научные работы по марокканскому диалекту, хотя накопленный материал не только позволяет приступить к их созданию, но уже давно настоятельно требует этого.

Характеризуя развитие марокканской диалектологии и определяя ее задачи, Ж. Кантино еще в 1956 г. писал: «Особенный недостаток ощущается в научных грамматиках; существующие грамматики, очень немногочисленные, чаще всего рассчитаны на нужды практического обучения...»¹⁴. «Краткая практическая грамматика марокканского диалекта арабского языка» Р. С. Харрелла, вышедшая в 1962 г., — одна из последних известных нам работ подобного рода. «Грамматика» предназначена прежде всего для практического овладения марокканским диалектом и отличается большой методической четкостью и доступностью. Вместе с тем она оказы-

¹² См. J. Cantineau, *Reflexions sur la phonologie de l'arabe marocain*. Впервые статья опубликована в 1950 г. в *Hespèris*, XXXVII; в 1960 г. включена в Мемориальный сборник, посвященный Ж. Кантино, — J. Cantineau, *Etudes de linguistique arabe*, pp. 241—255. Здесь и далее статья цитируется по этому сборнику.

¹³ *Ibid.*, p. 242.

¹⁴ J. Cantineau, *La dialectologie arabe*, — сб. «*Etudes de linguistique arabe*», p. 272.

вается очень интересным и полезным трудом и для тех, кто занимается научными исследованиями в области арабской диалектологии. Дело в том, что Р. С. Харрелл не ограничивается выводами, которые имеются в предшествующих аналогичных работах¹⁵, но проводит целый ряд самостоятельных наблюдений и обобщений, обогащающих науку новыми данными. Особенно удачным представляется раздел «Сложное предложение» (стр. 162—172). Хорошо обобщены такие вопросы фонетики, как эмфатизация согласных (стр. 89), огубление согласных (стр. 9—10) и др.

Все рассуждения автора «Грамматики» подкрепляются большим числом убедительных и надежных примеров. Работа имеет приложение, состоящее из 42 текстов, предоставленных Р. С. Харреллу Л. Брюно.

* * *

Специфика марокканского диалекта как объекта научного исследования заключается в том, что его развитие в значительной мере определяется активным влиянием на него субстратов и адстратов, общих для Магриба и неизвестных в восточных арабских странах. Особенно большое значение имеет взаимодействие арабского языка с берберским, который в диахронии выступает как субстрат марокканского диалекта, а в синхронии — как его адстрат. Влияние берберского языка на арабские диалекты различных районов Магриба неодинаково. Во многом оно зависит от количественного соотношения арабского и берберского населения и степени арабизации последнего. Если в Тунисе берберы составляют всего около 1—1,6% от общего числа жителей, то в Алжире и Марокко их количество резко возрастает, достигая соответственно 30 и 40—45%. В этих двух странах процессы взаимодействия арабского и берберского языков проявляются особенно рельефно и полно.

В марокканском диалекте выделяется три основных типа говоров: городские, сельские и бедуинские¹⁶. Настоящий очерк непосредственно касается двух первых типов¹⁷.

К городским говорам Марокко относятся гозоры Рабата,

---

¹⁵ L. Brunot, *Introduction à l'arabe marocain*; M.-T. Buret, *Cours gradué d'arabe marocain* и др.

¹⁶ Последующее описание территориального распределения этих говоров дается по Ж. Колену: G.-S. Colin, *L'arabe*, — в кн. «Initiation au Magoc», pp. 208—227.

¹⁷ В основу очерка положены материалы, полученные в результате диалектологических записей, сделанных автором в Рабате, Фесе, Танжере и Тетуане в 1963—1964 гг., а также материалы уже опубликованных текстов. Все примеры (за исключением лексических), взятые из текстов, документированы при помощи соответствующих индексов (см. стр. 129).

Сале, Феса, Тетуана, Тазы, эл-Ксара. Говоры Танжера, Уаззана и Шешауана также входят в эту группу, но отличаются более активным проникновением в них элементов из соседних сельских говоров.

Сельские говоры¹⁸ могут быть разделены на две подгруппы: 1) северные (от Гибралтарского пролива до восточных границ области Уаззан) и 2) южные (от Уаззана до Тазы). Расхождения между этими двумя подгруппами определяются в основном различием диалектов берберского языка, влиянию которых они подверглись.

Сельские говоры Марокко объединяются в одну группу с сельскими говорами Алжира (оранские говоры Трара и до некоторой степени говоры Восточной Кабилии).

Городские и сельские говоры, становление которых связано с первым периодом арабизации Марокко (VII—VIII вв.), не могут быть отделены друг от друга ни исторически, ни лингвистически. Арабский язык пришел к жителям горных районов из городов¹⁹; контакты между двумя группами населения всегда были достаточно оживленными; население городов постоянно пополнялось выходцами из окрестных горных районов.

Известные расхождения, которые обнаруживаются между городскими и сельскими говорами, не носят принципиального характера и, как уже отмечалось выше, касаются главным образом частных морфологических явлений, а также пластов лексики, соответствующих двум различным укладам жизни — городскому и сельскому.

К бедуинским говорам Марокко, история которых начинается с XII в., т. е. со второго периода арабизации страны, относятся говоры равнинных областей страны: приатлантическая равнина от Арзила до Могадора, бассейн реки Мулуйа, плато Восточного Марокко и часть марокканской Сахары (уэд-Гир, уэд-Зиз и др.). К этим же говорам принадлежат говоры Касабланки, Мазагана, Сафи, Могадора и отчасти Мекнеса и Мараккеша (население этих городов в массе своей бедуинского происхождения). Бедуинские говоры Марокко ближе к бедуинским говорам Западного Алжира, чем к собственно марокканским городским и сельским говорам.

Типичными особенностями бедуинских говоров оказываются: переход велярного смычного глухого /q/ в задненёбный смычный звонкий /g/, сохранение плоскощелевых (межзубных) /t/ и /d/, употребление служебного слова *ntāe* в генитивных конструкциях, отсутствие характерных для других современ-

¹⁸ Нередко их называют «деревенскими», или «горскими».

¹⁹ В работе «Арабские тексты из Такруны» («Textes arabes de Takrouna», p. 11) В. Марсэ характеризует сельские говоры как «арабский язык горожан, трансформированный сельскими жителями».

ных арабских диалектов специальных глагольных префиксов для образования дополнительных по сравнению с литературным языком видо-временных форм изъявительного наклонения глагола, сохранение категориальных форм женского рода множественного числа и др. Помимо этого бедуинские говоры в значительно меньшей степени, чем городские и особенно сельские говоры, подверглись влиянию берберского языка.

Между городскими и сельскими говорами, с одной стороны, и бедуинскими — с другой, располагается целая гамма промежуточных говоров, обнаруживаемых прежде всего там, где происходят постоянные контакты представителей основных групп говоров. С ростом политической, экономической и культурной интеграции Марокко после завоевания независимости растет взаимодействие различных говоров, и все определеннее проявляется тенденция к образованию внутринационального койне²⁰. С ростом грамотности населения заметным образом увеличивается степень влияния на диалект литературного арабского языка, все меньше остается людей, говорящих на «чистом» диалекте, или «диалекте неграмотных», и одновременно с этим увеличивается число говорящих на «диалекте грамотных»²¹. Росту влияния литературного арабского языка на диалект способствует и то, что для носителей арабского языка, независимо от степени их образованности, местные диалекты всегда были «порчей» классического арабского языка, единственного «благородного языка, на котором говорил пророк». В настоящее время этот язык оказывается еще и «языком всей арабской нации», одним из важнейших элементов ее единства; языковые проблемы ста-

²⁰ В качестве примера можно привести передачи марокканского центрального радио на диалекте, которые ведутся таким образом, чтобы быть понятными большинству населения; «язык» этих передач — своеобразный синтез основных марокканских говоров, в основу которого положены общие для них элементы, а также элементы литературного арабского языка. Интересно, что передачи танжерского радио на диалекте, не рассчитанные на общенациональную аудиторию, отличаются достаточно четко выраженным регионализмом.

²¹ Подробное объяснение и обоснование этого широко распространяющегося понятия дается в статье марокканского профессора Мухаммада Дауда (г. Тетуан) «Между языком ал-фусха и диалектом» (بين اللسان العربي), помещенной в журнале «Ал-лусан ал-араби» (الفصحي والعامية), Рабат, 1965, № 2, стр. 16—19). В статье, в частности, приводится следующее определение: «„Диалект грамотных“ — это то, чем пользуются в своей разговорной практике интеллигенция и лица, получившие в большей или меньшей степени какое-то образование. Это язык тех, кто читает арабские книги и прессу. Его можно назвать „говором интеллигенции“, или „обиходным литературным языком“. Он включает в себя много литературных выражений без сколько-нибудь значительных искажений или изменений. Это тот язык, который служит средством общения между интеллигенцией различных арабских стран, независимо от их удаленности друг от друга, независимо от их внутренних особенностей».

новятся составной частью крупнейших политических проблем в арабских странах, предметом государственной политики.

Современное развитие арабских стран характеризуется расширением межнациональных связей, что приводит еще к одному весьма важному моменту — растет не только интеграция диалектов внутри арабских стран, взятых отдельно, но и происходит известное взаимодействие диалектов различных регионов, причем влияние восточных диалектов на западные, очевидно, более активно.

Картина лингвистического описания Марокко будет неполной, если не принимать в расчет французский и испанский языки, оказавшие заметное влияние на лексический состав современного марокканского диалекта. Эти языки употребляются в Марокко весьма широко (особенно в центральных городах); до сих пор в ряде государственных и частных учреждений французский язык остается основным рабочим языком, на котором ведется делопроизводство; подобное положение сохраняется за испанским языком на севере страны.

Наконец, известное влияние (лексическое) на диалект мог оказать так называемый зинджский субстрат, включающий языки нилотической и чадской групп²².

* * *

СИСТЕМА ТРАНСКРИПЦИИ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

·	ؤ	أ	d	د	d	ض	k	ك
b	ب		d	ذ	t	ط	l	ل
t	ت		r	ر	d	ظ	m	م
·	ث		z	ز	ε	ع	n	ن
ġ	ج		s	س	g	غ	h	ه
h	ح		š	ش	f	ف	w	و
h	خ		š	ص	q	ق	y	ي

К этому списку добавляется ряд знаков, отражающих звуки, дополнительно обнаруживаемые в марокканском диалекте: ċ (ч), g, p, ž (жь), v (заднеязычный носовой).

Эмфатизация согласного обозначается при помощи точки под соответствующим ему буквенным знаком: t, d, s, z, l, r и т. п. (исключение составляет ħ).

²² См. по этому вопросу: Ю. Н. Завадовский, *Зинджский субстрат в Северной Африке*, — сб. «Семитские языки», вып. 2, М., 1965, ч. I, стр. 271—285.

Значок *•* под буквенным знаком передает аффрикацию или спондизацию согласного: соответственно *ṭ* и *ḅ*.

Значок *˘* между двумя согласными или в начале слова перед согласным обозначает наличие неударного слога с сильно редуцированным гласным или даже без него: *f˘d*, *ḷhla*.

Гласные обозначаются следующим образом:

<i>ā</i>	<i>i</i>	<i>o</i>	<i>ə</i>
<i>a</i>	<i>e</i>	<i>u</i>	
<i>ā</i>			
<i>a</i>	<i>u</i>		

Качественная характеристика этих гласных дается при описании системы вокализма (стр. 24—28).

Краткость и неопределенность долготы гласного в целом специально не выделяются. В особых случаях краткость гласного дополнительно передается значком *˘* над соответствующим буквенным знаком (*ā˘*, *i˘*, *ū˘* и т. п.), а неопределенность долготы гласного — значком *ˉ* над соответствующим буквенным знаком: *ā̄*, *ī*, *ū̄* и т. п.

Долгота гласного обозначается прямой черточкой *—* над соответствующим буквенным знаком: *ā̄*, *ī*, *ū̄*, *ō̄* и т. п.

Ударные гласные (в случае необходимости) выделяются значком *'* за соответствующим буквенным знаком: *lāqē't*.

Значок *—* под двумя гласными обозначает образование ими дифтонга: *au*, *ai*.

Редуцированные звуки передаются при помощи буквенных знаков, аналогичных соответствующим нормальным (полным) звукам, но уменьшенных в размере и приподнятых над строчкой: *εa^uwād*.

В морфологических формулах согласный или полугласный обозначаются через *C*, гласный — через *V*. *C*₁, *C*₂, *C*₃ и т. д. означают «1-й, 2-й, 3-й и т. д. корневые согласные или полугласные». Для литературного языка в аналогичных случаях сохраняется традиционное использование букв *f*, *ε*, *l*, где *f* = *C*₁, *ε* = *C*₂, *l* = *C*₃.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОЛОГИИ И ФОНЕТИКЕ

СОГЛАСНЫЕ

Основные особенности согласных, система которых схематически представлена в прилагаемой таблице²³, сводятся в марокканском диалекте к следующим.

²³ Принцип таблицы (для арабского литературного языка) предложен В. С. Сегалем. См. В. С. Сегаль, *Некоторые вопросы звукового состава и орфоэпии современного арабского литературного языка*.

/p/ — губно-губной глухой смычный. Это — заимствованный звук, который может образовывать достаточно контрастные фонологические оппозиции: *pumpra* 'насос' — *bumba* 'бомба'; *pni* 'автопокрышка' — *bni* (*eināq*) 'гигант'. Наиболее последовательно он сохраняет свое качество глухого согласного в северных говорах танжерского ареала: *pāla* 'лопата', 'заступ'; *plāša* 'место', 'площадь'; *plānča* 'утюг'; *spīrito* 'спички'.

Губно-губной звонкий смычный /b/ соответствует /b/ литературного языка, а также /v/ и /p/ в заимствованиях: *bā-bō'r* 'локомотив' (исп. *vapor*), *bōṣṣa* 'почта' (франц. *poste*), *sōbba* 'суп' (франц. *soupe*).

Характерной особенностью городских говоров марокканского диалекта, как и целого ряда других аналогичных говоров Магриба, является спирантизация *b*, в чем, по мнению Ж. Кантино, «безусловно следует видеть влияние берберского субстрата»²⁴. В. Марсэ в «Танжерских текстах» отмечает, что «первоначальная взрывность *b* сохранилась только: 1) при удвоении (*bb*, но не *bḥ*); 2) в позиции после *m* (*mb*, но не *mḥ*); 3) после *l* артикля (*l-bāḥ* 'дверь', но *bāḥ*); 4) спонтанно в некоторых словах (*āḥb^eea* 'четыре'; *qolb* 'сердце'; *kelb* 'собака')»²⁵.

/w/ — губно-губной звонкий (полугласный) — соответствует литературному /w/, иногда /ʃ/ в начальной позиции: *woqt* 'время'; *wahḥa* 'хорошо!', 'договорились!'; *wallaf* 'привыкать'.

Фонема /w/ артикулируется как полугласный *w* перед долгим гласным (*wāḥad* 'один'), перед гласным закрытого слога (*wurra* 'показать') и звучит редуцированно, приближаясь к гласному *u*, перед кратким гласным (*wūḥaḥ* 'лицо' < *wuḥaḥ*; *wūqār* 'траур' < *wuqār*) и в качестве второго элемента дифтонга (*klā^{wu}* 'они съели'; *ḥa^{wu}li* 'баран'). При удвоении *w*, которое возможно только после гласного, первый элемент геминированного *w* образует с этим гласным дифтонг и зву-

²⁴ J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, — в кн. «Études de linguistique arabe», p. 31.

²⁵ Интересно, что А. Фишер на основании своих наблюдений в Танжере, Рабате, Касабланке и Могadore пришел к выводу, что взрывной *b* подвергается спирантизации довольно редко (см. А. Fischer, *Zur Lautlehre des Marokkanisch-Arabischen*, S. 1). Ж. Кантино справедливо замечает по этому поводу: «...не следует забывать, что спирантизация *b* считается тем, чего стыдятся, и определенная часть информантов А. Фишера могла скрывать ее» (J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 31).

Согласные фонемы марокканского диалекта арабского языка

			Локальные признаки																	
			губно-губные		губно-зубные		зубные		передненёбные		средне- и задненёбные		велярные		фарингальные		связочные		главные	
Резонансные признаки	Тембровые признаки	Модальные признаки																		
		первой степени / второй степени	смычные	фрикативные	фрикативные	смычные	фрикативные	круглощелевые	аффрикаты	фрикативные	аффрикаты	фрикативные	смычные	смычные	фрикативные	фрикативные	смычные	фрикативные	латеральные	дрожание
неназализованные	неэмфатические	глухие	p		f	(t)	s	t	ʃ	č		k	q	b	ɸ	'	h			
		звонкие	b	w		d	z			ž		y	g		ʕ	ε			l	r
	эмфатические	глухие				t	ʂ													
		звонкие				d														
назализованные			m			n														

чит редуцированно, второй же, напротив, артикулируется без потерь: $\varepsilon a''wād$ 'лютнист'.

Зубные /t/, /d/, /d/ соответствуют аналогичным литературным /t/, /d/, /d/ и одновременно плоскощелевым /t/, /d/, /d/ (последние сохраняются во многих бедуинских говорах).

Характерной чертой городских и сельских говоров Магриба вообще и Марокко в особенности является регулярный переход смычного t в аффрикату t , что может быть объяснено влиянием берберского языка²⁶. Положение органов артикуляции во время подготовки (имплозии) такое же, как при произнесении взрывного t . Аффрикация является результатом тока воздуха, который прорывается через канал, открывающийся между самым кончиком языка и альвеолами верхних десен в месте произнесения t . В зависимости от индивидуальных особенностей говорящего аффрикация может иметь весьма различный количественный характер: происходить только во время взрыва (эксплозии); начинаться во время выдержки и даже иногда во время имплозии. В марокканском диалекте t по существу перестал быть смычным и перешел в группу аффрикат. Первоначальная смычность сохраняется как непозиционный вариант (отмечен в таблице в круглых скобках) в иностранных заимствованиях, в речи людей, старающихся говорить «правильно»²⁷.

Очень часто в заимствованных словах t и d соответствуют фонемам /t/ и /d/: $bōṣṭa$ 'почта', $fālṭa$ 'ошибка', $tṭomba$ 'волчонок', $dākō'r$ 'хорошо!', 'договорились!'. Подобное явление присуще не только марокканскому диалекту, но встречается в магрибских диалектах повсеместно²⁸. В большинстве случаев оно может быть объяснено, очевидно, тем, что многие из слов европейских языков, несмотря на свое регулярное употребление, воспринимаются как иностранные, а отсюда и произносятся более энергично, с эмфазой.

/п/ — так же, как и повсеместно в арабском языке, подвержен самым различным качественным изменениям. Ассими-

²⁶ J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 37.

²⁷ Для упрощения системы транскрипции смычного t и аффриката t передаются в последующем изложении одним буквенным знаком t .

²⁸ A. Fischer, *Zur Lautlehre des Marokkanisch-Arabischen*, S. 26—31; M. Cohen, *Le parler arabe des Juifs d'Alger*, pp. 419, 429.

лируюсь с последующим *b* по месту артикуляции, /п/ реализуется как губно-губной смычный назализованный *m*: *žumb* 'бок', 'сторона' (но мн. ч. *žnāb*). Подвергаясь аналогичной ассимиляции перед задненёбным смычным *k* и особенно перед велярным смычным *q*, а также перед велярным фрикативным *ħ*, /п/ артикулируется как веляризованный носовой смычный *v*: *wāla kḳ'īn m'v-kān* (Т. 43, 21) 'или любой другой'; *mǧē'-yōr-l-mḳkār* (Т. 480) 'зловредный'; *vqullək* 'скажу я тебе'; *aḡa vqā'llbōh!* (Т. 107, 20) 'давай общем его!'; *mōḥār* 'нос' (но *mḥār* 'носы')²⁹.

/ž/ — соответствует аффрикате /ǧ/ литературного языка и многих арабских диалектов; *ž* ассимилирует *l* определенного артикля и попадает, таким образом, в разряд «солнечных» согласных: *waḥd-əž-žūž d-əḡ-ḡ žāl* (<*əl-žūž*) 'двое людей'; *ž-žallāba* (<*l-žallāba*) 'джелляба (национальная верхняя одежда)'. В танжерском говоре удвоение *ž* приводит к образованию *dǧ*: *quḡḡa* 'масса волос', 'густая шевелюра', но мн. ч. *qžəž* (Т. 421); *ḥudǧa* (Т. 260) 'дело'; *dǧbəl* (Т. XIV) <*ž-žbəl* <*l-žbəl* 'гора'; *dǧūṭeya* (Т. 255) <*ž-žūṭeya* <*l-žūṭeya* 'барахолка'. В других городских говорах, в частности рабатском, этого не наблюдается: *f'žžbəl* (В. 57, 13) <*f'l-žbəl* 'в горной местности'.

В отдельных случаях *ž* артикулируется как задненёбный смычный *g*, когда имеют место диссимилиации *ž-s* > *g-s*, *žz* > *gz* или *ž-z* > *g-z*: *gləs* 'он сел'; *galsə* 'они сели'; *gzāya* 'жалование', 'вознаграждение'; *gāz* 'пройти'; *igūz* (Т. 444)³⁰ 'он проходит'.

Передненёбная глухая аффриката /č/ прослеживается как самостоятельная фонема в заимствованиях: *čallūq* 'тряпка'; *čāli* 'морское побережье'; *čāmi'r* 'нательная рубашка'; *čun-čār* 'небольшое свободное пространство перед краем печной горловины'; *činka* 'низшие игральные карты'.

В отличие от ряда восточных и других западных диалектов арабского языка согласный *č* не выступает в мароккан-

²⁹ В последующем изложении этот позиционный вариант /п/ специальным образом на письме выделяться не будет.

³⁰ Последний пример отличает говоры танжерского ареала; в других говорах Марокко в данном случае имеет место диссимилиация *žz* > *dz*: *dūz—idūz* 'идти'; *dūz* 'прошедший' (факт отмечен еще А. Фишером, см.: А. Fischer, *Marokkanische Sprichwörter*, S. 6).

ском диалекте в качестве позиционного варианта задненёбной смычный глухой /k/ ³¹.

Задненёбный смычный звонкий /g/ представлен в качестве самостоятельной фонемы главным образом в заимствованиях: *gōwul* 'бить в барабан'; *agwal* 'барабан'; *garro* 'сигарета'; *gurzyān* 'толстая нить для шитья'; *gurna* 'бойня'.

Количественная и качественная характеристика средненёбного фрикативного /y/ обуславливается в основном теми же факторами, что и /w/ (см. выше): *ya||a^h* 'давай!'; 'начали!'; *euuāt* 'дни'.

В группу велярных входят взрывной глухой /q/ (каф) и глухой и звонкий спиранты /ħ/ и /ğ/.

«Артикуляция /q/ — один из важнейших признаков для классификации современных диалектов арабского языка», — писал Ж. Кантино ³². Говоры, где эта фонема представлена глухими *q*, *k*, *k*, ' , относятся к городским; говоры, где она представлена звонкими *ğ*, *g*, *ğ* и т. д., — к бедуинским. Этот принцип, получивший наиболее четкую и полную разработку в трудах В. Марсэ, является общим для арабской диалектологии. Исключения из него — „глухая“ артикуляция кафа в бедуинских говорах (например, *gra* 'он учился'; *bqa* 'он остался' и т. п.) и „звонкая“ — в городских и сельских (*bagra* 'корова'; *gorba* 'бурдюк' и т. п.) — в действительности оказываются, как показал В. Марсэ, заимствованиями одних говоров из других ³³.

Городские и сельские говоры, с одной стороны, и бедуинские говоры — с другой, каждые в пределах своих групп, могут быть подразделены на подгруппы в зависимости от конкретных особенностей артикуляции /q/. Для городских говоров Ж. Кантино выделяет три такие подгруппы: 1) /q/=q, 2) /q/= ' и 3) /q/=k, k³⁴. Городские и сельские говоры Марокко, за редким исключением, могут считаться типичными

³¹ Явление, столь характерное, например для иракского диалекта: 'āni kunt 'я был', но *huwwa ḡān* 'он был' и т. п. (см. W. M. Erwin, *A short reference grammar of Iraqi Arabic*, passim); в магрибских диалектах подобное явление встречается реже; оно отмечается, в частности, в говорах Джиджелли (см. Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, pp. 18—19).

³² J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 68.

³³ См. W. Marçais, *Le dialecte arabe des Ūlād Brūhim de Saïda*, pp. 12—13; *Le dialecte arabe parlé à Tlemcen*, p. 17.

³⁴ J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 68.

представителями первой группы — /q/=q, т. е. говоров, имеющих преимущественное распространение в странах Северной Африки и противопоставляемых соответствующим говорам восточных диалектов арабского языка, для которых характерен второй вариант реализации /q/=’.

Что касается спирантов /g/ и /h/, образующих пару по звонкости — глухости, то в марокканском диалекте, как, очевидно, и во многих других западных и восточных диалектах не обнаруживается каких-либо принципиальных отличий от литературного языка. Это — одни из наименее подверженных комбинаторным изменениям фонем языка, их качество отличается наибольшей стабильностью. Редким, если не единственным, примером ассимиляции по глухости может служить *gs>hs*: *hsəl* (Т. 280) < *gsəl* ‘мыть’, ‘купать’, ‘стирать’.

Пара по звонкости — глухости фарингальных спирантов /ε/ и /ħ/ также отличается своей качественной стабильностью. Обычная в диалекте аккомодация *ε+h>ħħ* при присоединении местоименных суффиксов *-ha* или *-hum* к слову, оканчивающемуся на *ε* (*baħħa* < *baε+ha* ‘он продал ее’, *baħħum* < *baε+hum* ‘он продал их’ и т. п.), не является чем-то новым ни по сравнению с другими диалектами, ни по сравнению с литературным арабским языком.

Связочная фрикативная глухая /h/, как и повсеместно в арабском языке, подвергается ассимиляции с предшествующим *h*: *dbaħ-ħə* < *dbaħ-hə* ‘он зарезал его’; *dbaħ-ħəm* < *dbaħ-həm* ‘он зарезал их’. Выше была отмечена аккомодация *ε+h>ħħ*.

В диалекте, очевидно, в большей степени, чем в литературном языке, проявляется тенденция к редукции *h* местоименных суффиксов *-h* и *-hum* вплоть до его полного исчезновения: *ħtə^h* < *ħtuh* ‘его сестра’; *ħtüm* < *ħthum* ‘их сестра’; *ħütə* (Т. 287) < *ħütəh* ‘его братья’.

Известно, что связочный смычный /’/ (хамза) в современных арабских диалектах подвержен более или менее выраженной редукции вплоть до своего полного исчезновения или перехода в полугласные *ɤ* или *u*. Обе тенденции получают полное развитие в магрибских диалектах. Во многих из них в отличие от большинства восточных диалектов хамза перестает быть фонемой³⁵ и встречается в основном как заимст-

³⁵ Ibid., p. 84.

зование из литературного языка. Ж. Колен³⁶ в одном из своих писем Ж. Кантино приводит для марокканского диалекта следующие примеры: 'āṣal 'происхождение', 'исток', 'ālāf 'тысяча', dā'imān 'всегда', s'āl 'он спросил (по поводу научной проблемы)'. Наряду с этим в говорах северного типа произносится l-'ārd 'земля', 'почва', которое в говорах южного типа становится l-ṭārd. Почти повсеместно параллельно la 'нет!' встречается lā 'нет!' (более категоричное и сухое). В фесском говоре хамза оказывается иногда реализацией /q/. Наконец, этот согласный, по мнению Ж. Колена, может образовывать и фонологические оппозиции [s'āl 'спросить' — shāl 'стать легким', 'стать плоским, ровным (о земле)'] и поэтому должен быть включен в список консонантных фонем марокканского диалекта.

Плавный средний дрожащий /r/ обнаруживает тенденцию к эмфатизации с образованием в отдельных случаях фонологических оппозиций: rāb 'обвалиться (о крыше, потолке)' — ṛāb 'скиснуть (о молоке)'; rāib 'обвалившийся' — ṛāib 'кислое молоко', 'простокваша'; kbār 'вырасти', 'стать большим' — kbaṛ³⁷ 'больше', 'старше'.

Плавный латеральный /l/ часто ассимилирует предшествующий n: kaṭil-lfārṛan-dḡdīd (Т. 9, 24) 'имеется новая пекарня' — kaṭin > kaṭil; meḷ-l-gāba 'из леса' — meṇ > meḷ. Не исключена и обратная ассимиляция: u-imākḡen-n-hāh (Т. 43, 10) 'и дать брату возможность' — l-hāh > n-hāh. К этому следует добавить нередкие случаи спонтанных чередований n и l: ṣāṣāl > ṣānṣāl (С. 194) 'глина'; silsila > sānsla 'цепь', 'цепочка'; zilzila > zānzla 'землетрясение'.

ГЛАСНЫЕ

Вокализм марокканского диалекта характеризуется сохранением общей для арабского языка треугольной системы долгих гласных /ā/, /ū/, /ī/ и разрушением параллельной ей

³⁶ Цит. по: J. Cantineau, *Reflexions sur la phonologie de l'arabe marocain*, p. 254.

³⁷ Гласный a здесь — вариант фонемы /ə/, обусловленный влиянием на нее последующего эмфатического согласного. Интересно, что именно этот единственный пример послужил З. Харрису основанием для выделения фонологической оппозиции /ə/ — /a/: kbār — kbaṛ. Произошло это потому, что он не различил в данных словах качественной разницы между /r/ (kbār) и /r/ (kbaṛ).

системы кратких гласных. Здесь, как уже отмечалось выше, обнаруживаются только две краткие гласные фонемы /ə/ и /u/, из которых /ə/, соответствующая литературным /a/ и /l/, более частая, чем /u/.

Качественные признаки гласных (как долгих, так и кратких) позиционно изменчивы и определяются консонантным окружением. Различные группы согласных по-разному влияют на качество гласных (в зависимости от степени подъема, ряда, лабиализованности). Так, зубные *t, d, s, z, n*, переднеязычные *ʃ, ʒ, ʕ*, латеральный *l* не вызывают практически каких-либо существенных изменений качества долгих и кратких гласных. Губные *b, f, m* приводят к лабиализации гласных; язычные *k, g* вызывают палатализацию гласных с их заметным переходом в гласные заднего ряда; велярные *q, ɣ, ʒ*, фарингальные *ε, ɦ*, эмфатические *ṭ, ḍ, ṣ, ẓ, ḷ, ṛ* обычно «осредняют» гласные в отношении их подъема, т. е. делают открытые гласные более закрытыми и закрытые — более открытыми.

Обилие факторов, влияющих на качественную реализацию гласных, приводит к их многочисленным тембровым окраскам. В. Марсэ в «Танжерских текстах» различает 17 тембров гласных, Л. Брюно в «Рабатских текстах» — 13. Столь детальная транскрипция, которую Ж. Колен образно называет «импрессионистской» (*la transcription impressioniste*)³⁸, позволяет производить исключительно точную фонетическую запись, учитывающую не только все нюансы разговорной речи, но даже индивидуальные особенности произношения информантов³⁹.

В. Марсэ и Л. Брюно в этих работах выделяют четыре возможные реализации фонемы /ā/: *ạ̄, ā̂, ā̄, ā̇*.

ạ̄ — гласный переднего ряда низкого подъема, соответствующий в литературном языке «сильной имале» (*'imāla šādida*);

ā̂ — гласный переднего ряда (в меньшей степени, чем *ạ̄*) низкого подъема, соответствующий в литературном языке

³⁸ G.-S. Colin, *Chrestomathie marocaine*, p. VIII.

³⁹ Ж. Кантино тонко замечает, что увлечение французских диалектологов столь подробной фонетической транскрипцией во многом, возможно, обязано их родному, французскому языку, отличающемуся развитой системой вокализма (см. J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 111).

«средней имале» ('imāla mutawassiṭa). Оба гласных, близких друг к другу артикуляционно, встречаются практически в одних и тех же позициях, когда фонема /ā/ не подвергается сколько-нибудь заметному влиянию консонантного окружения. Эти гласные оказываются по существу «нормальными реализациями» фонемы /ā/, например: (Т. 101)⁴⁰ — *dāba* 'теперь', 'сейчас'; *gālsin* 'сидящие'; *hādi* 'эта'; *klām* 'слова', 'речь'; *dyālō* 'его'; *ktāfō* 'его плечи'; *hnāṣi* 'мешки'; *bāt* 'провести ночь', 'спать'; *gāzō* 'они прошли'. Ж. Колен в «Марокканской хрестоматии», Л. Брюно во «Введении в марокканский диалект», М.-Т. Бюре (М.-Т. Buret) в «Учебном курсе марокканского диалекта», Э. Леви-Провансаль в «Текстах из Уарги» и другие авторы не выделяют *ā̇* и *ā̈* специальными знаками и обозначают их в транскрипции одним *ā̄*.

Равным образом они не выделяют на письме *ā̄*, гласный заднего ряда самого низкого подъема и *ā̈*, гласный заднего ряда (большого по глубине, чем *ā̄*) низкого подъема. Оба этих гласных служат обычными реализациями /ā/ в соседстве с эмфатическими, велярными и фарингальными, например, (Т. 109) — *žā waḥ-ttālob* 'пришел (один) студент'; *d'gmā-εa* 'компания', 'группа'; *qā'dāra* 'способность'; *amšārno* 'его внутренности'; *kēiṣhā'b'lām* 'им кажется'; *bqā gālās* 'он остается (продолжает) сидеть'; *ṛāṣo* 'его голова'; *tāh* 'он упал'; *nhār* 'день'.

Обычной реализацией /i/ служит *ī* — гласный переднего ряда высокого подъема. В соседстве с эмфатическими, велярными и фарингальными /i/ реализуется как *ē̄* — гласный среднего ряда средневысокого подъема, например: (Т. 41) — *bnitāt* 'девочки'; *qlil* 'мало'; *mdīna* 'город'; *kāmlīn* 'полностью', 'все (вместе)'; *flīles* 'денежки'; *gēr* 'только'; *qṣṣāṛ* 'маленький', 'коротенький', 'коротышка'; *snīn* 'годы'; *kēib-da-igēyoṭ* 'он начинает играть (на духовом инструменте)'; *kēibge-bēṣum* 'он хочет продать их'; *bībā'n* 'двери'.

Для фонемы /ū/ можно выделить следующие возможные реализации: *ū̄* — гласный заднего ряда высокого подъема, *ṻ* — гласный заднего ряда среднего подъема, *ū̄̄* — гласный

⁴⁰ Здесь и далее условный индекс цитированного источника, помещенный перед группой примеров, означает, что все они взяты из этого источника с одной страницы.

заднего ряда средненизкого подъема, например: (В. 11) — *kaikūnu* 'они находятся'; *ukāiḷ qqnū lū* 'читают для него'; *kaiẓibūh* 'его берут'; *ḷūd* 'дерево'; *kaiẓbdū lu* 'тянут его'; *ṛāšō'l* 'пророк'; *bḥōr* 'ладан'; *ṛōho* 'его душа'; (В. 17) — *mūḷ ḍdār* 'хозяин дома'; *ẓitū'n* 'оливки'; *hūma* 'они'; *kaiṣū'fu* 'смотрят'; *qḅōr* 'могила'; *kaif̣ ṣṣḷōh* 'шьют (костюм)'; *iq̣ōḷo* 'они скажут'.

Нетрудно заметить, что в соседстве с велярными, фарингальными, ларингальными и эмфатическими /ū/ артикулируется в основном как *ō* и реже — как *ū*. В остальных случаях обычной реализацией этой фонемы оказывается *ū*.

Фонема /ə/, выступающая «представительницей» /a/ и /i/ литературного языка, отличается значительным разнообразием своих возможных реализаций: *a* (*ā*), *u*, *o*, *i*, *e*, *ə*.

a (*ā*) — краткий гласный заднего ряда низкого подъема — служит реализацией /ə/ в соседстве с эмфатическими, велярными и фарингальными: (Т. 9) — *ṭāṛf* 'кусок', 'часть'; *tasṭṭha* '(она) даст ее'; *baṣ̌ iεaddḷo* 'чтобы (они) сделала'; *ẓhaṛf* 'цветок (апельсинового дерева)'; *ṃhammsa* 'рука, приносящая счастье'; *iq̣ātṭεo* 'они режут'; *iεamḷo* 'они делают'; *ṃεallq̣ā* 'подвешенная'; *baṛra* 'снаружи'; *iq̣ṛābha rṛēh* 'продувает ее ветер'; *taṇža* 'Танжер'; *f̣ārṛān* 'пекарня'.

В соседстве с *h* и *ε* гласный *a* (*ā*) нередко обнаруживает тенденцию к сильному количественному сокращению: (Т. 9) — *kaṭg̣ou'ṭ ε^aḷū-immāha* '(она) просит свою мать'; *ḥtta <hatta* 'пока не'; *ufkull-q̣ānd-ḍḷharbūl* 'на обоих концах рулета'; *ṃn-wah^a-ḍg̣ēha* 'с одной стороны'.

u — краткий гласный заднего ряда высокого подъема — служит реализацией /ə/ в соседстве с *w*: *duwẉəb* 'растопить', 'расплавить'; *duwẉəz* 'провести (время)'; *ṃẓuwẉəž* 'женатый'; *wuld* 'сын', 'ребенок'; *huwẉəd* 'спуститься'.

o — краткий гласный заднего ряда среднего подъема — служит реализацией фонемы /ə/, когда она одновременно находится в соседстве с *w* и эмфатическими, велярными или фарингальными: *ḍow* 'свет'; *ḍowẉər* 'повернуть'; *g̣owẉət* 'кричать', 'звать'; *ṣowẉəb* 'устроить'; *ṣowẉər* 'заработать (деньги)', 'достигнуть', 'добиться'; *woṛqa* 'лист'; *woṣt* 'середина', 'центр'.

i — гласный переднего ряда высокого подъема — служит

реализацией /ə/ в соседстве с у: (В. 5) — *nās bārraniyīn* 'пришлые люди'; *hiya* 'она'; *siyid* 'святой'; *ibi'ituhūm* 'они оставляют их на ночь'.

/e/ — гласный среднего ряда высокого подъема — служит обычно реализацией /ə/, попадающей в соседство с у (за которым следует эмфатический): *tweuər* 'птичка'; *ṣeuuəd* 'ловить (зверей, птиц, рыбу)', 'охотиться'; *ṣeuuər* 'тратить', 'расходовать'; *ḥeuuət* 'шить (костюм, платье)'; *feuuəd* 'переполнить'; (В. 5, 1) — *katbeyəd* 'они объявляют имена (дарительниц)'; *lḡeyāṭa* 'музыканты (на народных духовых инструментах)'.

Наконец, «нейтральный» ə — гласный среднего ряда среднего подъема — служит реализацией /ə/, когда эта фонема не подвергается влиянию консонантного окружения (полугласные *w*, *y*; эмфатические, велярные, фарингальные, ларингальные). Гласный ə обнаруживает заметную тенденцию к количественной редукции вплоть до своего полного сокращения.

Фонема /u/ употребляется реже по сравнению с /ə/, да и круг ее возможных реализаций — *u*, *u*, *o* — уже, чем у /ə/. Качественная артикуляция /u/ определяется в основном теми же условиями, что и артикуляция /ū/.

Количественная характеристика гласных в марокканском диалекте характеризуется чертами, общими для большинства магрийских диалектов.

Долгие гласные отличаются в целом своей количественной стабильностью, за исключением немногих достаточно четко выделяемых случаев: они сокращаются в гласные неопределенной долготы в абсолютном исходе слова (*mšāt* 'она пошла', но *mša* 'он пошел'; *qrāt* 'она прочитала', но *qra* 'он прочитал')⁴¹, а также в закрытом слоге, если предшествуют *ε* или *ħ*: *drāε* > *draε* 'предплечье'; *krāε* > *kraε* 'бедро'; *šbāε* > *šbaε* 'палец'; *žnāħ* > *žnaħ* 'крыло'; *šāħəb* 'друг', но *šāħbi* 'мой друг'; *wāħəd* 'один', но *wāħda* 'одна'.

⁴¹ По этой причине, например, этимологически долгие гласные в суффиксах множественного числа *-na*, *-tu*, *-u* перфектных форм глагола (см. стр. 37) звучат как гласные неопределенной долготы, если указанные суффиксы находятся в абсолютном исходе слова. Когда они меняют это место, происходит четкое восстановление долготы гласных: *klēna* 'мы поели', но *klēnāh* 'мы съели его'; *žbərṭo* 'вы нашли', но *žbərṭuħa* 'вы нашли ее'; *qətlə* 'они убили', но *qətlūh* 'его убили'.

Наконец, имеются частные примеры редукции долгих гласных в числительных «три» и «восемь» (когда эти числительные входят в состав синтаксических комплексов): *tlāta* 'три', но *tālt d-ən nās* 'три человека'; *tmānya* 'восемь', но *waḥd-ət-tmānya d-la-ḥbīd* (С. 27 bis, XVIII) 'восемь рабов'.

Примеры полного сокращения долгих гласных в марокканском диалекте, как и в других арабских диалектах Магриба, крайне редки: *wāḍ* 'река' (лит. *wādi*), *mūs* 'нож', 'бритва' (лит. *mūsā*)⁴².

Если долгие гласные, за известными исключениями, сохраняют в целом свою количественную стабильность, то количественная характеристика кратких гласных отличается в диалекте значительной неустойчивостью.

Ударение, очевидно, одна из основных причин удлинения этимологически краткого гласного в двусложных словах (образованных от подобно-правильных или недостаточных корней): *ṣē'fa* 'качество', 'свойство'; *ḡī'ha* 'сторона', 'направление'; *lū'ga* 'язык'; *rī'ya* 'легкое'; *kō'ra* 'шар', 'мяч'; *gā'li* 'дорогой'; *qā'wi* 'сильный'. Перемещением ударения на предпоследний слог объясняется также, по мнению В. Марсэ⁴³, повсеместное распространение в диалектах Магриба (в марокканском диалекте в том числе. — С. К.) именной модели *CuCaCa*, соответствующей в литературном языке модели *fu-ḡalā*: *ḡeā'fa* 'бедные'; *ḡolā'ma* 'ученые', 'улемы'; *ḡuhā'la* 'глупцы'.

В целом ряде слов (заимствованных из литературного языка) удлинение этимологически краткого гласного может быть объяснено их подчеркнутым, нередко экспрессивным произношением (многие из этих слов относятся к часто употребляемым в обиходе религиозным терминам или входят в состав стандартных религиозных выражений): *rāṣū'l* 'пророк (Аллаха)' (лит. *rasūl*); *un-nābi* 'клянусь пророком' (лит. *nabi*); *ṣālāt* 'молитва' (лит. *ṣalāt*); *ḡūḡor* 'полуденная молитва' (лит. *ḡuhr*); *lākin* 'однако' (лит. *walakinna*)⁴⁴.

⁴² Ср. с примерами из работ: W. Marçais, *Le dialecte arabe des Ūlād Brāḡim de Saīda*, p. 45; Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 53.

⁴³ W. Marçais, *Le dialecte arabe des Ūlād Brāḡim de Saīda*, p. 71.

⁴⁴ Ф. Марсэ при описании говора Джиджелли аналогичные примеры объясняет «стремлением сохранить качество гласного, которое пропало бы, если бы он оставался кратким» (Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 56).

Этимологически краткий гласный становится обычно долгим, если исторически он находился в контакте с хамзой: *āna* 'я' (лит. 'anā); *bīr* 'колодец' (лит. *bi'r*); *rāṣ* 'голова' (лит. *ra's*); *mūmān* 'правоверный' (лит. *mu'min*). Этим, возможно, объясняется тот факт, что в марокканском диалекте в начальной позиции гласный не бывает кратким, а всегда или неопределенной долготы (≈), или (реже) долгий (ˉ): *ūdān* 'ухо' (лит. 'uḏn); *īṣām* 'имя' (лит. 'ism); *q̄wul* (Т. 225) 'начало' (лит. 'awwal) и по аналогии с этим: *ātāi* (Т. 215) 'чай'; *āra* 'дай'; *āšāšō* (Т. 221) 'плетеная корзинка (служащая единицей измерения зерна)'.

Характерными магрибскими образованиями являются такие слова, как *səllūm* 'лестница' (лит. *sullam*); *ʕalām* 'знамя' (лит. *ʕalam*); *baṛnūṣ* 'бурнус'. Не исключено, что это рудименты того влияния, которое мог оказать на диалекты Магриба вообще и на марокканский диалект в частности арабский разговорный язык Испании эпохи ал-Мохадов (XII век).

Как показал Ж. Колэн, перемещение ударения на конечный слог и связанное с этим удлинение краткого гласного было в этом языке⁴⁵, обычным явлением⁴⁵. К приведенным примерам близки, возможно, слова, образованные по диалектной модели ССүС: *ktūb* 'книги' (лит. *kutub*); *šḥōn* 'горячий' (лит. *suḥn*); *šḥōr* 'месяцы' (лит. 'ašhur).

Удлинение этимологически краткого гласного может иметь место и по чисто морфологическим причинам. Так, по аналогии с широко представленными именами модели СаСVC [*šāḥəb* 'друг'; *ḥātəm* 'кольцо (на пальце)'; *ḥādəm* 'служанка (негритянка)', 'невольница (негритянка)'] образованы, очевидно, *ražal* 'мужчина' (лит. *raḡul*); *ʕāḥəd* 'документ-соглашение (о браке, рождении и т. п.)' (лит. *ʕahd*); *ʕāṣor* 'вечерняя молитва' (лит. *ʕaṣr*).

Что касается редукации кратких гласных, то в марокканском диалекте во всей полноте проявляется общая для западных и многих восточных диалектов арабского языка тенденция к сокращению кратких гласных (неударных), находящихся в открытом слоге. Но если в восточных диалектах

⁴⁵ G.-S. Colin, *Notes de dialectologie arabe*, p. 107.

сокращению подвергаются только краткие *i* и *u*⁴⁶ и лишь в отдельных из них еще и *a*⁴⁷, то в магрибских диалектах вообще и в марокканском диалекте в особенности редукция распространяется на все краткие неударные гласные открытого слога: *lsān* < *lisān* 'язык'; *ktāb* < *kitāb* 'книга'; *klāb* < *kilāb* 'собаки'; *dhōl* < *duhūl* 'вход'; *tlāta* < *talāta* 'три' (ирак. *ilā a*⁴⁸, егип. *talāta*⁴⁹); *tmānya* < *tamāniya* 'восемь' (ирак. *ta-mānya*⁴⁸, егип. *tamānya*⁴⁹).

Ж. Кантино полагал, что в западных арабских диалектах в отличие от восточных диалектов тенденция к сокращению кратких гласных в равной степени обнаруживается и для кратких гласных закрытого слога: «...в Северной Африке вообще и в Марокко, в частности, краткие гласные в закрытом слоге, особенно если они оказываются неударными, легко становятся сверхкраткими, что, как представляется, вызвано чрезвычайной быстротой речи, характеризующей магрибские говоры. Больше того, в этих же говорах может произойти полное выпадение гласного закрытого слога, если два окружающих его согласных образуют легко произносимую консонантную группу, например: *ḥanak* 'скула' может перейти в *ḥank*, а *qalam* 'ручка', 'калам' — в *qālm*; факты подобного рода на Востоке носят спорадический характер»⁵⁰. Однако изученный материал свидетельствует о том, что и для западных диалектов сокращение кратких гласных закрытого слога нельзя считать характерным. В частности, пример Ж. Кантино *qalam* > *qālm* для марокканского диалекта не подтверждается — здесь имеет место другой переход *qalam* > *qləm*, что же касается первого примера *ḥanak* > *ḥank*, заимствованного, очевидно, у А. Ф.шера⁵¹, то он оказывается нетипичным, возможно единственным. Так, уже в Танжере употреб-

⁴⁶ В качестве примеров могут служить говоры Иерусалима, Дамаска, Бейрута, Алеппо, Иордании (см. J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 109).

⁴⁷ Например, ливанский говор Кфар Абида, описанный М. Фегали (M. Feghali, *Le parler arabe de Kfar 'Abida*), а также частично багдадский говор, описанный У. М. Эрвиным (W. M. Erwin, *A short reference grammar of Iraqi Arabic*).

⁴⁸ W. M. Erwin, *A short reference grammar of Iraqi Arabic*, p. 258.

⁴⁹ T. F. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, p. 59; R. S. Harrell, L. Y. Tewfik, G. D. Selim, *Lessons in colloquial Egyptian Arabic*, p. 30, n. 3. 11.

⁵⁰ J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 107.

⁵¹ См. А. Fischer, *Zum Wortton im Marokkanischen*, S. 281.

ляется форма *ḥanka* (Т. 270), но не *ḥank*; правда, в других магрибских говорах может встретиться и *ḥ^anək* (*ḥ^anak*)⁵², но следует оговориться, что даже там, где употребляется форма *ḥank*, она отличается своим непостоянством, обнаруживая тенденцию к переходу в *ḥ^anək*; например, в говоре Константины *ḥank* переходит в *ḥ^anək* в выражении *dārb-ēlḥ^anək* (Т. 271) 'острословие'.

ДИФТОНГИ

В марокканском диалекте, как и во многих современных арабских диалектах, дифтонгам *-ay-* и *-aw-* литературного языка соответствуют обычно долгие гласные *ī/ē* или *ō/ū*: *līl* (лит. *layl*) 'ночь'; *bīt* (лит. *bayt*) 'комната'; *ḥēt* (лит. *ḥaytu*) 'поскольку'; *yōm* (лит. *yawm*) 'день'; *lōn* (лит. *lawn*) 'цвет'; *šūka* (лит. *šawka*) 'вилка'.

В противоположность этому в диалекте появляются дифтонги там, где в литературном языке имеется группа *ā'i*: *ḥāif* (лит. *ḥā'if*) 'боящийся'; *qāid* (лит. *qā'id*) 'каид', 'руководитель', 'глава'; *zāid* (лит. *zā'id*) 'дополнительный', 'добавочный', 'излишний'; *ḥwāiž* <(лит. *ḥawā'iž*) 'вещи'; *mḥāid* (лит. *maḥā'id*) 'подушки'; *εawāid* (лит. *εawā'id*) 'обычай'.

Второй элемент дифтонга в зависимости от позиции может артикулироваться как гласный или как полугласный. Например, если глагольному суффиксу *-u-* (3-е л. мн. ч. перфекта — см. стр. 37), стоящему перед согласным слитного местоимения или в конце слова, предшествует гласный, образуется дифтонг: *klāuḥom* 'они их съели'; *žāu* 'они пришли', но если при этом за суффиксом *-u-* следует другой суффикс с начальным гласным, первый артикулируется уже как полугласный *-w-*: *ddāuḥ* 'они отвели его', но *ddāwək* 'они отвели тебя'.

СЛОГ И УДАРЕНИЕ

Слоговая структура слова в марокканском диалекте обнаруживает серьезные изменения по сравнению с литературным языком, а также многими восточными арабскими диалектами.

В марокканском диалекте в отличие от литературного арабского языка первый слог не обязательно должен начинаться одним согласным — он может иметь и гласное и двусогласное начало.

⁵² См., например, Т. G. Stumme, *Grammatik des tunisischen Arabisch*, S. 43, § 47.

Первый слог начинается с гласного в собственно арабских словах, которым в литературном языке соответствуют слова, начинающиеся с хамзы (*āna* 'я' — лит. *'anā*; *ūdān* 'ухо' — лит. *'udn* и т. п.), и в заимствованиях: *ātāi* 'чай'; *āšāšō* 'плетеная корзина'; *agdal* 'выгон', 'луг', 'парк'; *agwal* 'барабан' (особой формы); *amdar* 'ветка'.

Слова модели аССVC (*agdal*, *agwal*, *amdar* и т. п.), являющиеся заимствованиями из берберского языка, получают широкое распространение в марокканском диалекте. Интересно в этой связи отметить, что берберский язык, заимствуя в свою очередь из арабского языка слова модели CVCC или CVCVC, неизменно превращает их в слова модели аССVC: *asder* 'грудь' (араб. *šadr*); *ažnəḥ* 'крыло' (араб. *ğanaḥ*), причем некоторые из подобных слов возвращаются затем в арабский язык, но уже в новой фонетической оболочке: *aqrab* 'сумка из пальмовых листьев' (араб. *qirāb*); *amraḥ* 'широкое ровное пространство' (араб. *marāḥ*); *aḍrar* 'вред' (араб. *ḍarar*).

Для марокканского диалекта весьма характерен и первый слог, начинающийся с двух согласных, особенно в словах, которым в литературном арабском языке соответствуют слова модели CVCVC(V): *ktəb* 'писать' (лит. *kataba*); *ḍrab* 'бить' (лит. *ḍaraba*); *hrəž* 'выйти' (лит. *haraḡa*); *šdaq* 'верить' (лит. *šadaqa*); *qmar* 'луна' (лит. *qamar*); *qləm* 'ручка', 'калам' (лит. *qalam*); *žbəl* 'гора' (лит. *ğabal*); *žməl* 'верблюд' (лит. *ğamal*) и т. д. Соответствие диалектной модели CCVC литературной модели *faʿal(a)* может быть объяснено особенностью поведения кратких гласных в открытом слоге, которая, как отмечалось ранее, заключается в последовательно проявляющейся в марокканском диалекте общей для современного арабского языка тенденции к их сокращению: *kataba* > *katəb* > *ktəb*; *haraḡa* > *haraḡ* > *hrəž*; *qalam* > *qləm* и т. д.

Диалектная модель CCVC может соответствовать и общеарабской модели CVCC: *ḥbəl* 'веревка' (лит. *ḥabl*); *fžər* 'рассвет' (лит. *faḡr*). Такое соответствие может быть объяснено появлением разделительного гласного между вторым и третьим согласными (C₂ и C₃) и усилением этого гласного в связи с общей для марокканского диалекта тенденцией к перемещению ударения на конечные слоги; гласный, предшествующий второму согласному (C₂), с появлением разделительного гласного между вторым и третьим согласными оказывается в открытом слоге и подвергается сокращению — основой слога теперь становится гласный между C₂ и C₃: *šugl* > *šugəl* > *šgəl* 'занятие', 'дело'; *lahm* > *lahəm* > *lḥəm* 'мясо'; *suḥn* > *shḥn* > *shḥn* 'теплый', 'жаркий', 'горячий' и т. п. Это явление, впервые описанное исследователями магрибских диалектов арабского языка, получило в западноевропейской научной ли-

тературе название «Umspringen»⁵³, или «sursaut»⁵⁴. В русской литературе предлагается термин «прогрессивное перемещение удара»⁵⁵.

Широкому распространению модели CCVC, соответствующей общеарабской модели CVCC, магрибские диалекты, по справедливому мнению Ф. Марсэ⁵⁶, во многом обязаны влиянию на них берберского языка с типичной для него моделью аCCVC. Выше уже говорилось о непосредственной взаимной связи арабской диалектной модели CCVC и берберской модели аCCVC. К этому остается добавить, что наиболее последовательно модель CCVC выдерживается в арабских говорах тех районов Магриба, где преобладает бербероязычное население; в то же время в говорах, подвергшихся меньшему влиянию берберского языка (многие говоры Туниса, бедуинские говоры)⁵⁷, общеарабская модель CVCC обычно не переходит в CCVC.

Следует оговориться, что при общей для марокканского диалекта тенденции к переходу модели CVCC в CCVC значительное количество слов модели CVCC сохраняет в нем свой исконный вид: *kəlb* 'собака'; *šəms* 'солнце'; *bənt* 'девушка'; *žəld* 'кожа'; *ʕand* 'у', 'при' и т. д. Ж. Кантино отметил, что обычно такими словами оказываются те, в которых конечная группа из двух согласных начинается плавным носовым или *n*⁵⁸.

В середине слова при сокращении краткого гласного открытого слога могут образовываться консонантные группы, состоящие из трех согласных (CCC). Иногда эти группы достаточно стабильны: *nbla* 'оказаться в беде' (*inbalā > *nbla*); *mənʒli* 'мой серп' (лит. *minʒali*). Но обычно при образовании трехконсонантных групп CCC между первым и вторым согласными возникает краткий разделительный гласный (CCC > C^vCC), при этом гласный (краткий), предшествовавший группе CCC, теперь оказывается в открытом слоге (...VCCC > ...VC^vCC) и подвергается редукции, что в свою очередь приводит к усилению разделительного гласного: ...VCCC > ...VC^vCC > ...CVCC. В марокканском диалекте, как уже отмечалось, редукция кратких гласных открытых слогов проявляется особенно последовательно. Здесь происходит полное выпадение гласного перед всей группой CVCC (<CCC). Например, словам модели CVCCVCV литературного арабского языка в марокканском диалекте неизменно соответствуют

⁵³ H. Stumme, *Grammatik des tunisischen Arabisch*, S. 5.

⁵⁴ W. Marçais, *Le dialecte arabe parlé à Tlemcen*, p. 47.

⁵⁵ Ю. Н. Завадовский, *Арабские диалекты Магриба*, стр. 56.

⁵⁶ Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 77.

⁵⁷ См. Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 77; Ю. Н. Завадовский, *Арабские диалекты Магриба*, стр. 56—57.

⁵⁸ J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, pp. 114—115.

Слова модели CCVCCV (CVCCVCV > CVCCCVCV > CVCVCCV > CCVCCV⁵⁹): лат. *naḍrubu* — диалект. *naḍarbo* 'мы бьем'; лит. *tafhamā(na)* — диалект. *tfəhmə* 'вы понимаете'; *maḥzani — диалект. *mḥazni* 'представитель официальных властей', 'полицейский'; лит. *maḥkama* — диалект. *mḥakma* 'суд'.

Особенность марокканского диалекта (общая для магрибских диалектов) состоит также в том, что с редукцией кратких гласных открытого слога и соответствующим усилением кратких (ударных) гласных закрытого слога вплоть до их перехода в долгие (*kutub* > *ktūb* 'книги'; *suḥn* > *suḥun* > *shūn* 'горячий') происходит относительное увеличение числа долгих слогов. Это в свою очередь приводит к серьезным просодическим изменениям фразы: «В магрибских диалектах, где краткие слоги полностью исчезли, количественный ритм (*le rythme de quantité*) перестал иметь место, поскольку все слоги оказываются сравнительно одинаковой долготы; эти диалекты, таким образом, должны стремиться к другому ритму, подобно тому как случилось с романскими языками, когда ими был потерян количественный ритм латинского языка»⁶⁰.

Что касается вопроса об ударении в арабском языке, то в качестве научной проблемы он был поставлен сравнительно недавно. Арабские филологи им практически не занимались. Ж. Кантино объясняет это тем, что «в арабском языке ударение никогда не играло какой-либо различительной роли»⁶¹. Изучение арабских диалектов заставило европейских ученых обратить на эту проблему самое пристальное внимание, но решена она все же не была — вопрос о роли и месте ударения в арабском языке остался во многом невыясненным. «По этим двум вопросам (роль и место ударения. — С. К.) современные диалекты в конечном счете дают противоречивые и слишком поздние свидетельства, чтобы на них можно было опереться с уверенностью. Так, например, если в марокканском диалекте ударный слог (*l'accent tonique*) занимает часто последнее место в слове или во фразе, то в Египте, наоборот, ударение падает на предпоследний или предпредпоследний (*l'antépénultième*) слог. Это ударение ни в коей мере не должно смешиваться с просодическим ударением (*l'accent prosodique*), которое имеет своим источником ритм»⁶².

⁵⁹ Явление, открытое Штумме и названное им «Aufsprengen» (*Grammatik des tunisischen Arabisch*, S. 5). Во французских работах оно носит название «ressaut» (впервые этот термин применил В. Марсэ в своем труде *Le dialecte arabe parlé à Tlemcen*, pp. 51—52). Ю. Н. Завадовский обозначает это явление термином «регрессивное перемещение ударения» (см. Ю. Н. Завадовский, *Арабские диалекты Магриба*, стр. 56).

⁶⁰ J. Cantineau, *Cours de phonétique arabe*, p. 121.

⁶¹ Ibid., p. 120.

⁶² R. Blachère et M. Gaudefroy-Demombynes, *Grammaire de l'arabe classique*, p. 31.

Л. Брюно, как уже отмечалось выше (стр. 10), в противоположность этому, следуя за А. Фишером⁶³, считает, что в действительности в живой разговорной речи слоговое ударение и ударение фразовое (*l'accent tonique et l'accent de phrase*) часто смешиваются. Во «Введении в марокканский диалект» он говорит более определенно по этому поводу: «Слоговое ударение (*l'accent tonique*) почти так же непостоянно, как и во французском языке, и речь идет скорее о фразовом ударении, чем о действительно слоговом ударении»⁶⁴. Таким образом, закономерности, которые можно обнаруживать для ударения в изолированном слове, оказываются весьма относительными благодаря тому, что фразовое ударение в живой разговорной речи, как правило, накладывается на ударение слоговое, «перекрывает» его.

В самом общем виде охарактеризовать ударение в значительных словах можно следующим образом:

1) ударение падает на последний слог, если он оказывается вдвойне закрытым (CVC⁶⁵, CVCC): *māskī'n* 'бедный'; *lāqē't* 'я встретил(ся)'; *šaddē't* 'я прикрепил', 'я привязал'; *māhbū'l* 'ненормальный'; *bārū'd* 'порох'; *hāšə'mt* 'я поссорился'; *šār'kt* 'я принял участие'; *səllə'mt* 'я поприветствовал'; *šatrā'nž* 'шахматы';

2) ударение падает на предпоследний слог, если последний слог оказывается просто закрытым (CVC) или открытым (CV): *lā'qat* 'она встретила(сь)'; *lāqē'na* 'мы встретили(сь)'; *šəddət* 'она прикрепил'; *šaddē'na* 'мы прикрепил'; *msə'lma* 'мусульманка'; *māhbū'la* 'ненормальная'; *sə'lləm* 'он поприветствовал'; *səllə'mna* 'мы поприветствовали'.

При присоединении к глаголу или имени слитных местоимений (стр. 91) первоначальное слоговое ударение может измениться в соответствии с приведенными выше правилами: *klē'na* (<*klēnā*) + *h*, *ha*, *hom* — *klēnā'h*, *klēnā'ha*, *klēnā'hom* 'мы съели его, ее, их'; *də'hħəl* + *ni*, *ha*, *na* — *də'hħəl'ni*, *də'hħəl'ha*, *də'hħəl'na* 'он ввел меня, ее, нас'; *ša'hba* (*šāhəbət*) + *tī*, *k*, *ha* — *ša'hə'bti*, *ša'hə'btak*, *ša'hə'btha* 'моя, твоя, ее подруга' и т. д.

Как видно, слоговое ударение в марокканском диалекте (в изолированном слове) в целом совпадает с ударением в других магрибских диалектах⁶⁶.

⁶³ A. Fischer, *Zum Wortton im Marokkanischen*, S. 275.

⁶⁴ L. Brunot, *Introduction à l'arabe marocain*, pp. 40—41.

⁶⁵ В арабской лингвистической традиции долгий гласный идентифицируется с суммой соответствующего краткого гласного и близкого к нему по артикуляции неслогового гласного (полугласного), например: $\bar{u} = u + w$; $\bar{i} = i + y$.

⁶⁶ Ср. с W. Marçais, *Le dialecte arabe des Ūlād Brāhīm de Saïda*, pp. 68—69; *Le dialecte arabe parlé à Tlemcen*, pp. 54—55; Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, pp. 122—124, 126, 131.

МОРФОЛОГИЯ

ГЛАГОЛ

ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

В арабском языке имеются две серии спрягаемых глагольных форм: суффиксальные и префиксальные. Исторически эти формы противопоставляются друг другу прежде всего как формы, выражающие завершенность — незавершенность действия (без указания на длительность — однократность). В современном языке каждая из этих форм в зависимости от характера своего основного (видового) значения употребляется преимущественно в плане какого-нибудь одного времени: форма глагола, представляющая действие как законченное, испытанное, — перфект — употребляется чаще всего в плане прошедшего времени; форма глагола, представляющая действие как незаконченное, — имперфект — употребляется в плане настоящего или будущего времени. Таким образом, категория вида и категория времени в арабском языке тесно переплетаются между собой, и во многих случаях отделить видовое значение глагола от временного невозможно.

ПЕРФЕКТ

Перфект образуется при помощи суффиксов, присоединяемых непосредственно к глагольной основе, совпадающей в диалекте с простейшей спрягаемой формой 3-го лица единственного числа мужского рода и морфологически идентичной ей повелительной формой глагола 2-го лица единственного числа (для правильных глаголов). Эти суффиксы служат также для выражения в глаголе категорий лица, числа и рода.

Спряжение правильного трехслогового глагола

ktāb 'писать'⁶⁷

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>ktāb-t</i>	<i>ktāb-na</i>
2-е л.	<i>ktāb-ti</i>	<i>ktāb-tu (-tiu)</i>
3-е л.	{ м. р. ж. р. } <i>ktāb-</i> <i>ktāb-āt (-t)</i>	<i>ktāb-u</i>

⁶⁷ Под трехслоговыми глаголами обычно понимаются такие, у которых количество корневых согласных не превышает трех; при этом глаголы относятся к правильным, если их корни насчитывают три качественно разных согласных, и — к неправильным (аномальным), если это условие каким-то образом нарушается. Спряжение аномальных глаголов весьма отлично от спряжения правильных глаголов и бывает поэтому предметом специального изучения (см. ниже, стр. 60—64).

Как видно из схемы, во 2-м лице единственного числа в марокканском диалекте в отличие от литературного языка многих восточных диалектов⁶⁸, а также ряда бедуинских говоров Магриба⁶⁹ категория рода формально не обозначается; суффикс *-ti* служит лишь формой лица и числа, утратив свойство категориальной формы рода.

Переход суффикса множественного числа *-tu > -tiu* не является регулярным, но даже напротив — крайне редок.

Форма перфекта может передавать следующие видо-временные значения:

1. Прошедшее время (констатирующее); это значение наиболее характерно для формы перфекта. Перфект в данном случае служит для передачи событий или фактов, которые имели место, безотносительно к их завершенности или незавершенности, а также безотносительно к характеру протекания действия, выражаемого глаголом (однократное — продолженное); другими словами, форма перфекта как бы только называет, констатирует имевшее место действие без раскрытия его внутреннего содержания. Отсюда при наличии цепочки событий или фактов употреблением перфекта акцентируется внимание прежде всего на их последовательности: *dār fih u qallo* 'он повернулся к нему и сказал'; *mšāt wāhd-əl-mra l-əl-ħammām u-ħällāt bāntha f-əd-dār. l-bānt ttəlhāt f-eš-šgālāt f-əl-kuššīna u-nsāt bāb-əd-dār məhlūla* (С. 11, XXVI) 'одна женщина пошла в баню, оставив (букв. 'и оставила') свою дочь в доме; девочка занялась делами на кухне и забыла, что дверь не заперта...'; *mša waħād fihum f' llil ləand lqāḏe uhda lə mraja* (В. 83,9) 'один из них отправился ночью к судье и преподнес ему зеркало'.

2. Настоящее время (результатирующее); действие уже не совершается — оно было совершено до момента речи, а в момент речи имеется лишь его результат. Так же как и в литературном языке, подобное употребление формы перфекта особенно характерно для глаголов, выражающих психическое или физическое состояние, различные чувства и ощущения, а также для глаголов, выражающих клятвы, обещания и т. п. (клятва, твердое заявление, обещание воспринимаются как нечто завершенное, чем подчеркивается гарантия их осуществления): *žiet* 'я проголодался', *fhəmt* 'я понял', *kbər* 'он вырос', *šətti dāk ʔtānzər lli fih lhlḏe foq ʔəafya* (В. 83,1) 'ты видишь тот котел, в котором каурма, [готовящаяся] на огне'; *ana səlləmt lək* (В.35,25) 'я сдаюсь тебе'; *ilā-ma təe-*

⁶⁸ См. J. Cantineau, *Les parlers arabes du département d'Oran*, pp. 207—208; W. M. Erwin, *A short reference grammar of Iraqi Arabic*, p. 83; T. F. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, p. 31.

⁶⁹ См. Ю. Н. Завадовский, *Арабские диалекты Магриба*, стр. 75; W. Marçais, *Le dialecte arabe des Ūlād Brāhīm de Saïda*, p. 76.

tēni dāk-əl-ħmār dyālək, bğēt nżib-elēh šī-thēn mn-ət-tāhōna (С. 99, XXXIII) 'а не дашь ли ты мне твоего осла — я хочу привезти на нем муку с мельницы'; *rāħimahu llā^h* 'да помянет его Аллах'; *bāraka llau fik* 'да благословит тебя Аллах!'; 'спасибо!' ⁷⁰.

3. Перфект в значении будущего или настоящего времени употребляется в условных предложениях (реального условия). Его употребление в части, выражающей условие, обязательно; что же касается части, выражающей следствие, то здесь в зависимости от конкретного содержания могут употребляться различные глагольные формы — имперфект (отнесение действия к будущему времени), фреквентатив (отнесение действия к настоящему времени или к будущему с оттенком неизбежности), повелительное наклонение: *ila žāh ən-nmāl u gra l-ktāba, iržāe f-ħālō* (С. 89, VIII) 'если придет муравей (собирает) и прочитает надпись, то [он] вернется (имперфект) во свояси'; *ila šābō m' ssūs kajizid fih ngēza ttāba lli kajifi* (В.57,22) 'если он находит ее (смесь) пресной, он добавляет (фреквентатив) соответствующую порцию (букв. 'щепотку') табака'; *wila dārha qbāl ma idowōr l^aħitu kajbdau nnās id^aħkō e^alēh* (В.17,19) 'и если он наденет ее (чалму) раньше того, как у него отрастет борода, люди начнут (фреквентатив) смеяться над ним'; *ila ža rrazəl f' llil ħällēh ħatta inēas* (В. 33,19) 'когда (если) муж придет вечером, дай (повел. накл.) ему заснуть'.

4. Перфект может выражать действие, не приуроченное к какому-либо определенному времени; это имеет место при его употреблении:

а) для передачи нереального условия и вытекающего из него невыполнимого следствия: *kūn ħdāmti, kūn tēällāmti* 'если бы ты трудился, ты бы научился'; *kūn emāl fihom əž-žənhīn, kūn bdāu kə-itēro* (С. 97, XXVIII) 'если бы он приделал им крылья, они начали бы летать' ⁷¹;

б) в пословицах, поговорках, афоризмах: *lli fātək b-lila-fātək b-ħēla* 'тот, кто старше тебя [даже] на одну ночь, — искусеннее тебя'; *lli fāt — māt* 'то, что прошло — умерло'

⁷⁰ Следует отметить, что два последних выражения и много подобных им, несмотря на свое происхождение из литературного языка, не воспринимаются носителями диалекта как чуждые диалекту образования; например, *bāraka llau fik* — основная форма выражения благодарности в марокканском диалекте, составляющая одну из его отличительных особенностей.

⁷¹ Если следствие не является абсолютно невыполнимым и несет в себе известный оттенок предположительности (возможности) своей реализации, употребляется форма имперфекта: *qāl-lō Žħa: kūn emālt hādīk, kūn natsamma ħmāq u-nəšš wə-lla ħmāq mātni gāe* (С. 91, XV) 'сказал ему Жħа: «Поступи я таким образом — меня называли бы полуторным глупцом или совсем круглым дураком»'.

(ср. русск. «что с возу упало — то пропало»); *hrəb mn-əl-ħof-
ra — t̄āh f-əl-bīr* 'избежал ямы — попал в колодец' (ср. русск.
«попал из огня в полымя»).

ИМПЕРФЕКТ

Имперфект образуется при помощи префиксов и суффиксов, присоединяемых непосредственно к глагольной основе. Префиксами определяется лицо и род, суффиксами — число (глагол *ktəb* 'писать'):

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>n-əktəb</i>	<i>n-kətb-u</i>
2-е л.	<i>t-əktəb</i>	<i>t-kətb-u</i>
3-е л.	{ м. р. <i>y(i)-əktəb</i> } { ж. р. <i>t-əktəb</i> }	<i>i-kətb-u</i>

Как видно из схемы, в марокканском глаголе в отличие от литературного арабского языка и, очевидно, большинства восточных арабских диалектов префикс *n-* является показателем 1-го лица не только для множественного, но и для единственного числа ⁷².

Префикс *t-* оказывается общим для 2-го лица единственного и множественного числа. В единственном числе он служит также для выражения 3-го лица женского рода, и здесь нет отличий от литературного языка. В случае, если контекст недостаточен, употребляются «уточняющие» личные местоимения: *təktəb ʾnta* 'писать будешь ты' (м. р.), *təktəb heyʾa* 'писать будет она'.

y-/i- служит префиксом 3-го лица как единственного, так и множественного числа. Присоединяясь к основе, начинающейся с гласного, префикс звучит как *y*, и — как *i*, когда присоединяется к основе, начинающейся с согласного. После отрицательной проклитической частицы *ma-*, префиксов *ka-*, *ta-* и других, непосредственно предшествующих глаголу, полугласный *y* подвергается полной редукции, а следующий за ним гласный, изменяясь качественно, образует с гласным предшествующих частиц дифтонг: *yəktəb* 'он (на)пишет', но *ma-iktəb-š* 'он не (на)пишет'; *ka-iktəb* 'он пишет'.

⁷² Данное явление не является присущим исключительно марокканскому диалекту или диалектам Магриба в целом; оно обнаруживается, хотя и несравненно реже, в диалектах других районов арабского мира. См. Ю. Н. Завадовский, *Арабские диалекты Магриба*, стр. 78.

Суффикс *-и* служит категориальным показателем множественного числа для всех лиц ⁷³.

В силу своей природы (незавершенность действия) форма имперфекта имеет более широкий и универсальный диапазон значений, чем форма перфекта. Для диалекта полностью справедливым остается замечание относительно имперфекта, сделанное Б. М. Гранде для литературного языка: «...им можно обозначать действие, отнесенное к любому времени, лишь бы это действие мыслилось как незавершенное. При этом, хотя в конкретных случаях действие, выраженное глаголом в форме имперфекта, всегда относится к какому-либо одному определенному времени, тем не менее в его употреблении ни одно из этих времен не имеет преимуществ» ⁷⁴.

К этому следует добавить, что в диалекте единственная форма имперфекта несет в основном все те функции, которые в литературном языке распределены между тремя видоизменениями этой формы, а именно: 1) с окончанием *-и* (изъявительное наклонение); 2) с окончанием *-а* (сослагательное наклонение); 3) без гласного окончания (условное наклонение) ⁷⁵. В диалекте всем этим формам соответствует одна общая форма. Таким образом, с одной стороны, здесь сокращается число формальных средств для выражения модальности, с другой — расширяется диапазон значений формы имперфекта: она может выступать как в роли независимой формы (собственно изъявительное наклонение), так и входить в состав различных модальных конструкций. Вот почему невозможно провести рассмотрение видо-временных планов формы имперфекта, так или иначе не затронув ее модальных значений. В целом значения этой формы могут быть сведены к следующим:

1. Передача события или факта, которые могут иметь место вообще безотносительно к какому-либо определенному времени (настоящее-неопределенное). В этом значении форма имперфекта употребляется весьма редко (преимущественно в пословицах, афоризмах) и всегда передает оттенок возможности, предположительности: *ṭ-ṭbīb ma-ikūn ḥnīn* 'лекарь не бывает мягкосердечным'; *had šī ma iqaddək šī* (В. 81,19) 'этого тебе, [возможно], недостаточно'; *škūn yiḡlāb ana wullanta* (В. 35,24) 'кто же все-таки побеждает — ты или я?'; *ana naʿref ndīr ktaṛ m' n had ššī* (В. 33,4) 'я могу, [очевидно], сделать больше того'.

2. Выражение действия, которое будет иметь место в будущем по отношению к моменту разговора (будущее-неопре-

⁷³ В равных фонетических условиях с суффиксом *-и* перфектных форм он подвергается тем же изменениям, что и этот последний (стр. 32).

⁷⁴ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 155—156.

⁷⁵ Названия даются в традиционно принятой в нашей литературе терминологии.

деленное): *fäyən taskən, kaf-aš tēiš?* 'где будешь жить, как будешь жить?'; *ntalqak gər mn sūq lšūq* (В. 35,25) 'я буду выпускать тебя только по базарным дням'; *h^attā izi bb^wak un-qolhā lō* (В.39,20) '[когда] придет твой отец, и я скажу ему об этом'⁷⁶.

3. Со значением будущности (возможности) совершения действия связано широкое употребление форм имперфекта в модальных конструкциях, в которых выражается косвенное побуждение (побуждение, обращенное говорящим к третьему лицу через собеседника) и семантически близкие к этому формулы добрых пожеланий, проклятий и угроз: *hād r^rāžəl izbād lkāgēṭ dyūlu* (В. 23,1) 'пусть этот человек принесет свой документ'; *qōli lha tadhul* 'скажи ей — пусть войдет'; *qol lō isri lm lha* (В.39,22) 'скажи ему — пусть купит соли'; *llah izāzik b-hēr* 'да возместит тебе Аллах добром!'; *llah ikūn f-əl-εaun* 'бог [будет] в помощь!'; *yaštēk laqwa* 'пусть [Аллах] парализует тебе лицо!'

Близким к приведенным выше примерам оказывается употребление диалектной формы имперфекта в тех случаях, когда в литературном языке употребляется форма сослагательного наклонения: *katqra bead ššōrāt baš taerəf tsālle* (В.31,3) 'она учит некоторые суры, чтобы уметь молиться'; *bḡēnak tsərrəf mhallna bə-qdāmək* 'мы хотим, чтобы ты оказал честь нашему дому своим присутствием'; *mšau l-εānd-əl-qāde iqəš-šəm eləhōm dūk-əž-žmāl* (С.94, XXIII) 'они пошли к кади (судье), чтобы он разделил между ними тех верблюдов'; *u εāwəd hrəž izib əl-ma b-āš igəslō yiddihōm* (С.99, XXXII) 'и снова вышел принести воды, чтобы они помыли руки'.

4. Следуя за глаголом, имеющим значение однократного или моментального действия, имперфект означает одновременность выражаемого им действия на всем протяжении или на какой-то момент с действием, выраженным данным глаголом. При этом глагольная связь может быть бессоюзной или осуществляться при помощи соединительного союза *u*: *šābhōm yiddabzō* 'он застал их спорящими (ругающимися) друг с другом'; *uqəf u ihəmmət* 'он остановился, размышляя'; *ila žāb šī s^ohra, lhām wälla h^udra kaiāstəha m n bāb dḡār u hūwa yūgeqd f lēōtba* (В.85,20) 'если он приносит какие-либо покупки, мясо или овощи, он передает их через [входную] дверь дома, оставаясь (а сам остается) на пороге'.

Близким к подобному употреблению имперфекта можно, очевидно, считать широкое использование этой же глагольной формы для выражения действия, обусловленного другим

⁷⁶ Близкими к последнему примеру оказываются случаи употребления имперфекта в условных предложениях, в той их части, где выражается неизбежное или предположительное следствие (см. стр. 39).

действием (мгновенным) и являющегося его следствием, при этом оба действия во временном плане неотделимы друг от друга, они одновременны — следствие не следует за причиной, но сопровождает его: *gēr sateḡh al-gəzlān u hōma ihərbo* (С.1,II) 'едва газели услышали его, как тут же скрылись'; *gēr huwwa həss biha hətfet-lə l-lhām, u huwwa ihəzz əainēh* (С.92, XVII) 'почувствовал, что она схватила у него мясо, он поднял глаза...' ⁷⁷.

5. Форма имперфекта употребляется для выражения запрещения: *ma-təbki-š* 'не плачь'; *ma-təḡrab-š* 'не бей'; *ma-tkəd-bū-š* 'не лгите' и т. п.

6. Большой интерес представляют формы, образованные сочетанием определенного ряда слов (причастия *gādi, māši* 'идуший', 'собирающийся', реже — *žāi* или *māzi* 'приходящий', 'идуший'), обладающих в независимом употреблении самостоятельным лексическим значением, с имперфектом основного глагола. В сочетании с имперфектом глагола эти слова теряют свое лексическое значение и выступают как грамматические средства уточнения последовательности событий: *gādi (māši) nəhrəž mən dāba qsəm d-əl-m^agāna* 'я уйду через пять минут'; *mən dāba šweyya gādi imštu* 'скоро они тронутся в путь'; *l-bənt gādi (māzi) təbki* 'девочка [сейчас] заплачет'; *rā-na māši ntērtāq b'lgdāid* (Т.306) 'я сейчас лопну от досады'; *mā-māši idḡol-lha gēr wāhəd* (С.94, XXII) 'в нее войдет только один'; *kif gādi tdiro?* (С.94, XXII) 'как вы поступите?'; *šhāl gādi tətḡni-elḡha?* (С.102, XXXVIII) 'сколько ты дашь мне за нее?'

При наличии нескольких смысловых глаголов *gādi* предшествует только первому из них: *gādi nəddiwəh mēana l-əl-ḡammām u ndāhko elḡh* (С.93, XXI) 'мы возьмем его с собой в баню и посмеемся над ним'.

Процесс окончательной грамматикализации *gādi, māši* и подобных им слов не может считаться завершенным: не во всех говорах Марокко и Магриба, взятого в целом, они выступают как неизменяемые морфемы. Имеются говоры, где они изменяются по родам и числам. В таких случаях формы, в образовании которых участвуют приведенные выше слова, должны быть отнесены к аналитическим. С другой стороны, в тех говорах, где эти слова выступают в виде неизменяемых грамматикализованных единиц, они все же в какой-то степени сохраняют связь со своим исходным лексическим значением, поскольку служат еще и средствами передачи тон-

⁷⁷ Если обусловленное действие семантически не может быть «сопровождающим» другое действие, вместо имперфекта употребляется перфект: *gēr ən-nās sateḡ-mənnə həd-əl-kalma u hōma bdāu kḡ-iḡlḡ* (С. 97, XXVIII) 'услышав от него эти слова, люди начали говорить'.

чайших модальных оттенков (намерения совершить действие или субъективной готовности к действию). В этой связи интересно отметить, что даже в египетском и иракском диалектах, где исходная причастная форма *rāuḥ* 'идуший' свелась соответственно к морфемам *ḥa* и *rāḥ*⁷⁸, выступающим в качестве категориальных форм будущего времени, наблюдается аналогичное явление: глагольные формы, образованные при помощи этих морфем, очень часто придают высказыванию еще модальный оттенок намерения совершить действие⁷⁹. В повсеместном для арабских диалектов процессе превращения аналитических форм данного типа в формы синтетические марокканский диалект занимает как бы промежуточное положение, переживает своеобразный переходный период.

ФРЕКВЕНТАТИВ

В марокканском диалекте широко распространена глагольная форма, образуемая путем префиксации к форме имперфекта морфем *ka-*, *ta-*, *la-*, *qa-*, *'a-*, которые представителями различных говоров и подговоров употребляются в функционально идентичных условиях⁸⁰. Эта форма, которую предлагается назвать фреквентатив, служит как для передачи действия (факта) обычного, повторяющегося, так и для передачи действия, одновременного с моментом речи или с любым другим определенным моментом: *aš ka-tḏir hna?* 'что ты здесь делаешь?'; *āzi — wuldak ka-ibki* 'иди сюда — твой ребенок плачет'; *mə-lli kā-idḥol šūtānbir kā-ibdāu n-nās* (С.220, *l-ḥart*) 'когда наступает сентябрь, люди начинают...'; *wūlmra ma šī hīya lli kaṭṭeḃ lḥubz* (В.31,10) 'не женщина выпекает хлеб'; *lʿabd ma ka-idḥol šī l'ḏḏā* (В.85,19) 'раб не входит (не имеет права) в дом'; *lʿbent lli ḥādga u tājka u mtiika u šabba kaḏiḏu nnās ih ṭbūha lʿwaldiha* (В.31,11) '[если] у девушки живой характер и она умна, хороша [собой] и молодая, люди приходят [непреренно] свататься к ее родителям';

⁷⁸ Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 54.

⁷⁹ Т. Ф. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, p. 36.

⁸⁰ Настоящее описание проводится на глагольных примерах с наиболее распространенной морфемой *ka-*. Префикс *ka-* употребляется в городских говорах Северного Марокко (Танжер, Тетуан, Сефру, Эл-Ксар, Фес-Медина, Рабат-Сале); в говорах Мараккеша и многих городов, расположенных к югу от Рабата, ему соответствует *ta-*. В рабатском говоре и ряде говоров других центральных городов Марокко оба префикса пользуются равными правами, и их употребление можно считать свободным, что объясняется значительным смещением населения в городах, ростом внутринациональных связей и т. д. В сельских говорах этим двум морфемам соответствуют в зависимости от района *la-*, *qa-*, *'a-* (см. E. Levi-Provençal, *Textes arabes de l'Quargha*, p. 23 et passim; G.-S. Colin, *L'opposition du réel et de l'éventuel en arabe marocain*, pp. 133—140).

kān waḥd ʿlqāḍe kaiqbāt ʿrršwa (B.81,16) 'один судья брал взятки (действие и неоднократное, и хорошо известное)'; *kānu ʿʿabīd wulḥdām kaiḥbāeḡ f ʿlbarka* (B.85,2) 'рабы и рабыни продавались в «берка» (невольничий рынок)'.
Приведенные примеры с достаточной очевидностью показывают, что, хотя значения фреквентатива в общем совпадают с частью того обширного круга значений, которые передаются имперфектом, употреблением формы на *ka-*, *ta-* и т. п. оттеняется, подчеркивается реальность действия, уверенность в его наличии; и именно в этом отношении фреквентатив противостоит имперфекту, который всегда имеет оттенок чего-то преходящего, возможного, неопределенного: *wuḍḍār ʿlli ka-təmši lha m n žirānhum wulla m n ḥbābhum kaiäeḡeḡha ši ḥāža ʿlli tfārr ḥḥa u tn ʿssiha ʿššyām* (B.41,13) 'каждая семья из соседей или из родственников, куда она приходит, дает (обычно, непременно) ей что-нибудь, что обрадовало бы ее и заставило бы забыть о голоде'.

Поскольку граница в значениях имперфекта и фреквентатива оказывается очень тонкой и нередко в основном зависит от субъективного отношения к высказываемому, постольку эти две формы могут быть взаимозаменяемыми: *ukaiḥazzāl lkīf ukaiḥbda iqāššəš fih. bead kaiḥsūli lkīf kaiḥbda kaiqāššes ḡāba* (B. 57,19) 'кладет киф⁸¹ и начинает крошить его [ножом]; после того как он кончает с кифом, он начинает крошить табак'.

Вопрос о происхождении «фреквентативных частиц» представляет значительный интерес. Его выяснение, с одной стороны, обнаруживает тесное взаимодействие диалекта с берберским языком и, с другой стороны, позволяет дополнительно проследить развитие некоторых тенденций, общих для арабского языка, взятого в целом.

Префикс *ka-* происходит, по всей вероятности, от глагола *kān* 'существовать', 'быть', 'иметь место'. При этом, правда, возникает вопрос, происходит ли этот префикс от формы перфекта (*kān*) или от формы причастия действительного залога *kāin*. Рассмотрение примеров из арабского и берберского языков говорит в пользу перфекта.

В ряде говоров Алжира (Малая Кабилия, Джиджелли) префикс *ka-* обладает частичной флексией в зависимости от лица: *ka-* для 3-го лица и *ku-* для 1-го и 2-го лица⁸², что соответствует флексии глагола *kān*, когда он спрягается в форме перфекта: *kān-* (3-е л.) и *kun-* (1-е и 2-е л.). С другой стороны, во многих берберских говорах Среднего Атласа, района Уаргла⁸³ и других действие, протекающее в данный

⁸¹ Вид наркотика.

⁸² Ph. Maḡçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, pp. 151—152.

⁸³ Оазис в алжирской Сахаре.

конкретный момент, передается посредством так называемой формы обычного действия с предшествующим глаголом *illa* 'существовать', 'иметь место', причем этот глагол может спрягаться по лицам (Средний Атлас) или иметь одну только форму 3-го лица единственного числа⁸⁴. По свидетельству Ж. Колена, глагол *illa* в берберском говоре Уаргла может заменяться арабским заимствованием *kūn: kūna(ġ) ḥəddma(ġ)* 'я работаю (в данный момент)', что полностью соответствует *kū-nəḥdəm* (для Малой Кабилии) и *ka-nəḥdəm* (для Марокко)⁸⁵.

В свете всего изложенного выше вряд ли можно согласиться с имеющим место мнением о том, что префикс *ka-* происходит от местоименного суффикса 2-го лица единственного числа *-ka*; равным образом трудно принять гипотезу о происхождении префикса *ta-* от личного местоимения 2-го лица единственного числа *nta*⁸⁶.

Более вероятным представляется взгляд на происхождение *ta-* от *dā/dā*, употребляемого в ряде берберских говоров⁸⁷ в той же функции, в какой *ta-* употребляется в марокканском диалекте, но трудно объяснимым оказывается переход берберского *dājdā* в арабское *ta-*, и совсем не находит объяснения тот факт, что в ряде магрибских говоров марокканскому префиксу *ta-* соответствуют *ta/tu-* или неизменяемый *ti-*⁸⁸.

Итак, употребление в марокканском диалекте специальных глагольных префиксов для образования фреквентатива се-

---

⁸⁴ Префикс *la-*, употребляемый в сельских говорах Северо-Западного Марокко (от Гибралтарского пролива до области, прилегающей к г. Уазан), а также в берберских говорах северных районов Среднего Атласа (Зайан, Земмур, Бни Мтер) и Кабилии, происходит, по мнению Ж. Колена, как раз от этой формы (см. G.-S. Colin, *L'opposition...*, p. 134). Семантически *la-* полностью соответствует *ka-*.

Следует заметить, что не исключено и чисто семитское происхождение префикса *la-*, употребляемого в говорах перечисленных выше районов: в эфиопском языке, одном из самых близких к арабскому, имеется глагол *hallo* 'быть', 'существовать' (устная консультация В. П. Старинина). Если префикс *la-* обнаружится в каких-либо арабских диалектах, не подвергшихся влиянию берберского субстрата, то гипотеза о семитском происхождении этой морфемы может получить весьма солидное основание.

⁸⁵ G.-S. Colin, *L'opposition...*, p. 134.

⁸⁶ Таких взглядов на природу *ka-* и *ta-* придерживается, например, известный марокканский ученый Абдельазиз Бен Абдалла. См. его работу *Lexique des origines étymologiques arabes et étrangères du parler maghrébin*, предисловие (на арабском языке), стр. j пункт II.

⁸⁷ G.-S. Colin, *L'opposition...*, p. 135. Возможен и другой взгляд на природу *ta-*: этот префикс распространен главным образом в южных городских говорах, в то же время в берберских говорах Суса (юг Марокко) одним из средств для передачи «действия обычного» (*l'action habituel*) служит префикс *t-* (см. E. Destaing, *Notes sur l'expression verbale de la durée et du temps en berbère et en arabe marocain*, p. 46); не исключено, что ему обязан своим происхождением арабский префикс *ta-*.

⁸⁸ Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 152 et passim.

мантически, а иногда и этимологически совпадает с берберским языком, причем данное явление оказывается общим для всего Магриба. Возникает вопрос о том, не обязаны ли магрибские диалекты этой особенностью исключительно воздействию берберского языка. Если обратиться к диалектам, на которые он оказал меньшее влияние, или еще лучше — к диалектам, которые вообще не могли подвергнуться такому влиянию, обнаруживается сходное явление, когда глагольная форма с тем или иным добавочным префиксом служит для выражения, подчеркивания реальности действия, уверенности в его наличии или неизбежности⁸⁹. Это позволяет считать, что тенденция к уточнению аспекта действия при помощи форм, подобных рассмотренным выше, существовала в арабском языке еще задолго до арабизации стран Северной Африки. Но именно здесь эта тенденция под влиянием берберского языка получила свое наибольшее развитие по сравнению с любым другим районом арабского мира. «Что касается марокканского диалекта, то нигде оппозиция реальное ≠ возможное (*réel ≠ éventuel*) не проявляется так полно, как здесь»⁹⁰.

Общемагрибская частица *ra*, восходящая к архаичной для диалекта форме повелительного наклонения глагола *ra'a* 'видеть', также является одним из средств для указания на реальность или неизбежность какого-либо действия или состояния, и в этом отношении она семантически сближается с глагольными префиксами *ka-*, *ta-* и др.⁹¹. Но по характеру своего употребления эта частица отличается рядом особенностей; обычно она не прямо предшествует глаголу, а через посредство местоименных суффиксов, личных местоимений, и реже — имени-субъекта; в зависимости от временной или видовой характеристики действия *ra* может предшествовать имперфекту, а также причастию, выступающему в роли сказуемого: *rā-k tāḥdam* 'ну вот ты и работаешь', 'ты же работаешь'; *rā-na māši nterṭāq b' lḡdāid* (Т.306) 'я сейчас лопну от досады'; *rah gārāq f nneās* (В.35,8) '[вот] он уже заснул'; *bantkum rāha d bhha rāžalha* (В.35,18) 'вашу дочь убил

⁸⁹ «Форма с препозитивным *be-/bi-* в сирийском диалекте передает почти все значения настояще-будущего времени, а в египетском диалекте служит для выражения реального действия (разрядка наша. — С. К.), происходящего в настоящем времени» (Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 54; см. также: Т. Ф. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, pp. 35—38; G.-S. Colin, *L'opposition...*, p. 138).

⁹⁰ G.-S. Colin, *L'opposition...*, p. 139.

⁹¹ К юго-западу от г. Шешауана в арабских говорах встречается префикс *qa-*, совпадающий по функции с *ka-*, *ta-* и подобными морфемами. Тот факт, что он происходит от повелительной формы берберского глагола *aqqa* 'видеть' (см. G.-S. Colin, *L'opposition...*, pp. 134—135), не является, таким образом, случайным: в марокканском диалекте арабского языка для этого семантически почва уже подготовлена.

муж'; *rā-huwwa dāba gādi iṣṣəfətlək* (С.77) 'теперь он обязательно пошлет тебе'; *ā-uddi, rāk məsmōh! gər sīr!* (С.119,II) 'ты прощен, мой друг, а теперь уходи!'; *yā-rəbbi rā-k ərəf-tīni bīn mā-əāndi* (С.89,X) 'О господи! Ты ведь знаешь, что у меня нет'; *rā-nnhār tlas* '[вот] наступил день'; *rā-kərši məmmra* (Т.305) '[вот] я [и] сыт'.

Общеарабская частица *ha*, имеющая то же значение что и *ra*, употребляется несравненно реже: *ā-uddi! hā-na gər nsīt* (С.94,XXII) 'но, дорогой, я просто забыл!'; *a sīdi hā-na kansāmaḥ lə f-ḏḏār kulha* (В.23,7) 'о мой господин, я [действительно] оставлю ему весь дом'.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Аналитические формы, образуемые при помощи глагола *kān* 'быть'. Функция *kān* заключается в том, что комбинацией форм перфекта, имперфекта и фреквентатива этого глагола с последующими различными формами основного глагола достигается передача определенных видо-временных планов, причем в ряде случаев вспомогательный глагол *kān* имеет модальный оттенок условного наклонения.

Значения аналитических форм с глаголом *kān* могут быть следующими:

1. Сочетание перфекта *kān* с перфектом смыслового глагола имеет значение прошедшего времени с оттенком однократности, мгновенности действия: *kān Žha mša yəḥtəb f-əl-gāba* (С.90, XIII) 'пошел Жха нарубить в лесу [дров]'; *kān Žha bga idir waḥd-əz-zərda* (С.92, XVII) 'захотел Жха устроить пирушку'; *kān wāḥd-ər-rāžəl srəq waḥd-əd-džāža* (С.5, XII) 'один человек своровал курицу'.

2. Сочетание перфекта глагола *kān* с имперфектом основного глагола служит для передачи продолженного неперiodического (однократного) действия в прошлом (прошедшее синхронное): *kānə yāklo mnin dholt l-əandhom* 'они ели, когда я вошел [к ним]'; *wāḥd-ən-nhār kānə ttžəməq t-tolba əl-əl-māk-la* (С.15, XXXII) 'однажды студенты собирались на обед'.

Данная глагольная аналитическая форма малохарактерна для диалекта. Ее активным конкурентом, которому отдается предпочтение, здесь выступает соответствующая причастная аналитическая форма (стр. 50).

3. Посредством сочетания перфекта глагола *kān* с формой фреквентатива смыслового глагола передается продолженное действие, периодически повторявшееся в прошлом: *kān wāḥd ər-rāžəl kə-izīb lə-mrātə kull-nnhār žūž d-əd-džāžāt* (С.12, XXVII) 'один человек приносил своей жене каждый день двух кур'; *wāḥd əl-kfāiti kān kə-itšərəf mēā wāḥd əl-gəz-zār* (С.32, II) 'один шашлычник имел дело с одним мясником'.

4. Сочетание имперфекта глагола *kān* с перфектом основного глагола передает действие, которое будет совершено ранее определенного момента или другого действия в будущем, причем с определенным модальным оттенком (предположительности, возможности совершения такого действия), в одних случаях существующим только в виде «подтекста», в других — имеющим решающее значение: *kēf tādḥol l-dārhum ikūnu klāu* (Br. 39) 'когда ты придешь к ним [в дом], они уже поедят'; *ʕand louli nkūnu dezna l-qanṭra* (Br. 39) 'к полуденной молитве мы [уже] пройдем мост'; *bālek ikun žraḥ iddo* 'он наверняка поранит себе руку'.

5. Сочетание имперфекта глагола *kān* с имперфектом смыслового глагола передает действие, которое будет иметь место в будущем (неопределенном). Эта форма аналогична простой форме имперфекта глагола, когда та употребляется в функции будущего-неопределенного (см. стр. 41, пункт 2), но отличается еще бóльшим модальным оттенком неопределенности (предположительности): *dāba ikūn itealləm m'zyān* 'теперь он, [возможно], будет учиться хорошо'; *ikūn yiḥdəm f-dārhum* 'он, [очевидно], будет работать в вашем доме'.

Аналитические причастные формы. В диалекте общая для арабского языка тенденция к развитию этих форм проявляется, очевидно, еще полнее и последовательнее, чем в литературном языке.

Причастная аналитическая форма передает действие, протекающее в определенный конкретный момент, и противостоит в этом отношении имперфекту, как форме, несущей «потенциальный заряд» предположительности, возможности (будущности), а также — фреквентативу, как форме, которая наряду с передачей действия, протекающего в определенный конкретный момент, может еще обозначать и действие обычное, повторяющееся, регулярное. Ср.: *ḥraḥ — āna šāifək* 'выходи (вылезай) — я хорошо вижу (причастие) тебя'; *nšūfək ḡadda* 'я увижу (имперфект) тебя завтра'; *ka-nšūfək kul yōm* 'я вижу (фреквентатив) тебя каждый день'. Имперфект совершенно не может быть употреблен в первом примере, фреквентатив может оказаться факультативной формой (менее предпочтительной, чем причастие); в то же время причастная форма не может быть употреблена ни во втором, ни в третьем примерах. Следует, правда, оговориться, что причастная форма от глаголов движения служит иногда для передачи близкого будущего события: *šbər šweyuu — hūma žāiyūn* 'потерпи немного — они (придут [сейчас])'.

Аналитическая форма, в которой причастию предшествует фреквентатив глагола *kān*, служит для передачи хорошо известного факта или действия обычного, периодически повторяющегося, и, таким образом, эта форма совпадает частично

по значению с простой глагольной формой — фреквентативом. Но в отличие от нее эта аналитическая форма не может передавать действие, протекающее в момент речи: *f-εašōra ka-ikūno d-drāri lā'bsīn hwaīzhom əž-ždād* (Bur. 45) 'во время [дня] Ашора дети [обычно] надевают новые одежды'; *wulqābla ulāyā'lāt lli ka-ikunu dāirin biha kaigānniu u ka-iqōlu* (B.25,15) 'акушерка и женщины, которые окружают ее (роженицу), говорят нараспев'; *wudd' bbāga kaikūnu gālsin mšaffin wuddellāla wāqfin* (B.55,8) 'дубильщики [обычно] сидят в ряд, а перекупщики стоят'.

Сочетание перфекта глагола *kān* с причастием (действительного залога) по значению аналогично глагольной форме, отмеченной в пункте 2 на стр. 48, но, как уже отмечалось, предпочтение отдается причастной аналитической форме: *wāhd əl-mra žablīya kānət māzya l-əs-sōq* (C.9,XXII) 'одна горянка шла на базар'; *wāhd-əž-žūž d-ən-nās kāno mšāfr'ē'n f' əl-ħla* (C.19,XXXVIII) 'двое людей двигались по пустынной местности'; *kān Žħa gāles f-əd-dār* (C.98,XXX) 'Жха сидел [однажды] дома'; *kānət εand Žħa waħd-əl-bəgla... žāb əlla waħd-ən-nhār kān rākəb elħa* (C.91,XVI) 'у Жхи был мул; случилось так, что однажды он ехал на нем верхом'; *waħd ər-rāžəl kān gādi l-əs-sōq* (C.3,VIII) 'один человек шел на базар'; *kān waħd-lä-εrōbi dāiz mεā-t-ṭrēq* (C.20,XXXIX) 'один бедуин шел по дороге'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОРОДЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ

Одной из характерных особенностей арабского языка является развитая система глагольных основ (пород⁹²), служащих для передачи различных значений и оттенков действия: интенсивности, многократности, каузативности, возвратности, взаимности, устремления и т. д. Эти основы образуются от простой основы (условно принимаемой за исходную⁹³) либо внутренними средствами (геминация и редупликация корневых согласных, удлинение гласного), либо внешними (префиксы, инфиксы), либо обоими приемами одновременно. В литературном языке от трехгласного корня может быть образовано

⁹² Термин, традиционно принятый в арабских грамматиках на русском языке. Своим происхождением он обязан переводу слова نوع (мн. ч. انواع) 'вид', 'род', 'категория', 'порода', 'разновидность', которое в неспециальном смысле употреблялось иногда арабскими грамматистами для обозначения глагольных основ.

⁹³ За исходную основу, или основу первой степени, принимается форма, имеющая самый простой диффикс (см. определение этого понятия в работе В. П. Старинина, *Структура семитского слова*, стр. 46—50), т. е. диффикс, состоящий только из кратких гласных (для правильных корней).

до 15 основ (включая и исходную), из которых на практике продуктивными оказываются только десять. По традиции в арабских грамматиках на русском языке при классификации каждая основа отмечается римскими цифрами. При этом последовательная нумерация расширенных основ определяется в прямой зависимости от возрастающей сложности их строения и, таким образом, принципиально совпадает с морфологической классификацией арабских грамматистов, в которой глагольные породы, обозначающиеся моделями от корня *fεl*, также располагаются в порядке их возрастающей сложности⁹⁴.

I порода в марокканском диалекте характеризуется минимально необходимой огласовкой и имеет вид $C_1C_2VC_3$.

Спряжение правильного трехсогласного глагола I породы уже было приведено при разборе видс-временных глагольных форм — перфекта и имперфекта⁹⁵.

Глаголы I породы могут обладать самыми разнообразными значениями, в связи с чем эта порода не имеет той более или менее определенной семантической характеристики, которая дается другим породам. Для литературного языка, правда, проводится семантическое разделение (довольно условное) внутри группы глаголов I породы в зависимости от огласовки среднего корневого согласного: глаголы типа *fεala* обычно бывают глаголами действия, типа *fεila* — временного состояния, типа *fεula* — качества⁹⁶. В диалекте в связи с особенностями вокализма кратких гласных⁹⁷ нет такого условно-

⁹⁴ По традиции в качестве модели берется форма 3-го лица единственного числа мужского рода перфекта глагола:

I порода — <i>fεVla</i>	VII порода — <i>'infεala</i>
II порода — <i>fεεala</i>	VIII порода — <i>'iftεala</i>
III порода — <i>fāεala</i>	IX порода — <i>'ifεalla</i>
IV порода — <i>'afεala</i>	X порода — <i>'istafεala</i>
V порода — <i>tafεεala</i>	XI порода — <i>'ifεālla</i>
VI порода — <i>tafāεala</i>	и т. д.

⁹⁵ Спряжение глаголов производных пород полностью совпадает со спряжением глаголов I породы и поэтому специально рассматриваться не будет.

⁹⁶ См. Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 123; Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 51; С. Brockelmann, *Arabische Grammatik*, S. 35.

⁹⁷ Напомним, что *a* и *i* не образуют в диалекте фонологической оппозиции; «представительницей» /a/ и /i/ литературного языка здесь выступает /ə/. Что касается глаголов типа *fεula* (весьма редких в литературном языке), то в диалекте, несмотря на сохранение оппозиции /u/ — /ə/, их представителями выступают глаголы типа *fεal: kbār* 'вырасти' (лит. *kabura*), *brəl* 'остыть' (лит. *baruda*). Сходная с этим картина наблюдается и в других арабских диалектах (см., например, Т. Ф. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, p. 31; W. M. Erwin, *A short reference Grammar of Iraqi Arabic*, p. 62), что может служить свидетельством известной искусственности для арабского языка глагольной формы *fεula*.

го разделения. Здесь в I породе $C_1C_2VC_3$ единственный краткий гласный имеет обычно нейтральную окраску и артикулируется как *ə*, но в зависимости от окружения его качество может варьироваться в весьма широких пределах: *rkəb* 'ехать верхом', 'ехать на любом транспортном средстве'; *kəbər* 'становиться большим', 'становиться взрослым'; *ʒraḥ* 'ранить'; *dḥol* 'входить' и т. д.

II порода образуется путем удвоения (геминации) второго корневого (C_2) и имеет вид $C_1VC_2C_2VC_3$.

Из всех производных пород II порода, очевидно, представлена наиболее широко. Основные значения, закрепленные за ней в литературном арабском языке и в семитских языках, взятых в целом, сохраняются и в диалекте:

1. Количественная и качественная интенсивность по отношению к действию, обозначенному глаголом I породы: *qlaʕ* 'срывать' — *qəllaʕ* 'срывать с усилием', 'вырывать (с корнем)'; *qtaʕ* 'порезать', 'отрезать' — *qəttəʕ* 'изрезать'; *bzaq* 'плюнуть' — *bəzzaq* 'плевать', 'иметь привычку плевать'.

2. Каузативность. Известно, что в литературном языке II порода делит эту функцию с IV породой, и разница между ними заключается в том, что II порода имеет значение длительного и интенсивного воздействия, а IV порода — более кратковременного и эпизодического. II порода сохраняет это свое значение и в диалекте: *ʕalləm* 'учить', 'обучать'; *gəlla* 'кипятить'; *ḥuwwəf* 'пугать', 'запугивать'; *ʕaddəb* 'мучить', 'угнетать'. Вместе с тем в диалекте, где IV порода не существует более, II порода передает и значения, которые в литературном языке закреплены за IV породой: *rəkkəb* 'посадить (верхом, на автомобиль и т. п.)'; *nəzzəl* 'разместить (в гостинице)'; *duwwər* 'повернуть', 'заставить крутиться'.

3. Деноминативность:

а) декларативное значение: *kəddəb* 'уличать во лжи'; *səb-bəḥ* 'произносить формулу: *subḥān ʕllāḥ* 'слава Аллаху!'; *kəb-bər* 'произносить формулу: *allāḥo-kbar* 'Аллах — превыше всего!';

б) II порода служит для образования отыменных глаголов: *ʕəyūʕ* 'праздновать что-либо' (*ʕīd* 'праздник'); *ḥəššəm* 'стыдиться', 'укорять' (*ḥšūma* 'стыд', 'неловкое положение'); *šəyūʕ* 'чистить щеткой' (*šīta* 'щетка'); *qəššər* 'очищать от кожуры' (*qəšər* 'кожура'); *bəssəl* 'говорить дерзость', 'приставать', 'надоедать' (*bəšāla* 'дерзость', 'приставание', 'навязчивость'); *ḥammər* 'румянить', 'поджаривать' (*ḥmar* 'красный').

Несмотря на столь широкий диапазон значений, II порода представляет в семантическом отношении достаточно четкое и цельное образование; глаголы II породы никогда не выражают состояния, но всегда действие, причем, как правило, с более или менее выраженным оттенком интенсивности или кауз-

зативности; глаголы II породы не имеют возвратно-страдательного значения⁹⁸.

III порода образуется путем удлинения гласного после первого корневого звука и имеет вид $C_1\bar{a}C_2VC_3$ (качество долгого $\bar{a}$, как правило, постоянно).

Семантически глаголы III породы в диалекте не отличаются от соответствующих глаголов в литературном арабском языке. Значения направленности, конативности (устремительности) действия и связанные с ними значения взаимности действия, взаимного участия в чем-либо, соревнования или соперничества, отношения одного лица к другому — закреплены за III породой как основные и в диалекте: *kātāb* 'писать кому-либо'; *šāwār* 'советоваться', 'советовать'; *sāmāh* 'извиняться', 'извинять'; *šārāk* 'участвовать в чем-либо'; *wālām* 'подходить к чему-либо'; 'соответствовать', 'отвечать определенным требованиям'; *wāfāq* 'соглашаться', 'одобрять'; *hāṣām* 'спорить', 'препираться', 'ругаться'; *sābāq* 'соревноваться', 'стремиться обогнать в чем-либо'; *dāwa* 'лечить'; *sāra* 'проводить кого-либо' и т. д.

Глаголы III породы, встречающиеся в диалекте, за редким исключением, имеют обычно «представителей» (глаголы, аналогичные по корню и морфологическому строению) в литературном языке.

IV порода, образуемая в литературном арабском языке при помощи префикса 'a и имеющая вид 'afʕala, отсутствует в марокканском диалекте. Это является отличительной чертой многих магрибских диалектов, особенно тех из них, в которых связочный смычный звук (хамза) подвергается наибольшей редукции. Любой глагол, исторически относящийся к IV породе, в таких диалектах должен был бы принять форму I породы ('afʕala > 'afʕal > fʕal) или уступить свое место однокорневому с ним глаголу, образованному по модели II породы (см. выше, стр. 52, пункт 2).

V порода морфологически образуется от II породы при помощи префикса t- и имеет вид tC₁VC₂C₃VC₃.

V порода, как и в литературном языке, может быть охарактеризована прежде всего как возвратно-страдательная по отношению ко II породе, но значение пассивности, передаваемое этой породой, проявляется в диалекте полнее, что служит известной компенсацией отсутствия здесь форм страдательного залюга для всех пород вообще и для II породы в частности: *tḥāžžab* 'быть закрытым (чадрой)', 'закрываться чад-

⁹⁸ Не случайно, например, Л. Брюно переводит глагол *fakkar* 'напоминать' не просто глаголом 'rappeler', а выражением 'faire se souvenir', подчеркивая тем самым каузативное значение глагола II породы (см. L. Brunot, *Introduction à l'arabe marocain*, p. 248).

рой' (*həžžəb* 'закрывать [лицо] чадрой'); *tləttəh* 'быть замаранным', 'вымазаться' (*ləttəh* 'марать'); *tləssəq* 'быть приклеенным', 'быть прикрепленным' (*ləssəq* 'приклеивать', 'прикреплять'); *thərrəs* 'разбиться', 'расколоться', 'сломаться' (*hərrəs* 'разбить', 'расколоть', 'сломать'); *thəbbəə* 'спрятаться', 'быть спрятанным' (*həbbəə* 'прятать', 'скрывать'); *thəlləš* 'быть уплаченным' (*həlləš* 'платить', 'оплачивать'); *thəllət* 'быть смешанным', 'соединяться' (*həllət* 'смешивать', 'перемешивать').

По V породе образуется довольно большая группа деноминативных глаголов, семантически не связанных со II породой: *tbəlləd* 'привыкать (к стране, городу, местечку)' (*bləd*); *thəq-dar* 'становиться городским', 'становиться культурным' (*hdā-ṛa*); *thəššən* 'становиться толстым', 'жиреть' (*hšin*); *thəmtəm* 'мыться (в бане)' (*həmmām*). В группу деноминативных глаголов можно включить также глаголы V породы, обозначающие движение в определенном направлении: *tqəbbəl* 'обратиться лицом к кибле'; *tḡərrəb* 'двигаться на запад'.

VI порода $tC_1\bar{a}C_2VC_3$ морфологически образуется от III породы при помощи префикса *t*.

Как и в литературном языке, VI порода в диалекте служит главным образом для передачи взаимномассового действия, являющегося результатом усилий многих субъектов, а также действия, являющегося результатом концентрированных усилий отдельного субъекта: *tkātəb* 'переписываться'; *tḡānən* 'спорить друг с другом', 'сталкиваться'; *thāšəm* 'быть в ссоре', 'враждовать'; *tbārək* 'желать друг другу [хороших празднеств]'; *tbāḡəd* 'ненавидеть друг друга'; *tfāhəm* 'понимать друг друга', 'договариваться о чем-либо'; *thāwa* 'брататься', 'достигать мира'; *tdāwa* 'лечиться'; *tlāṭəm* 'сталкиваться'; *tmāzəh* 'шутить', 'обмениваться шутками'.

Основное различие между III и VI породами заключается в том, что глагол III породы передает прежде всего одностороннее действие, направленное на какой-то объект. Это действие может вызвать ответное действие, а может остаться и «без ответа». Отсюда идея взаимности проявляется в глаголах III породы часто лишь в потенции. Префикс *t*-VI породы приводит к полной и четкой передаче идеи взаимности, причем с оттенком интенсивности действия по отношению к III породе: *kātəb* 'писать кому-либо' — *tkātəb* 'переписываться'; *hāšəm* 'спорить' — *thāšəm* 'враждовать'. Но следует оговориться, что подобные соответствия обнаруживаются не всегда, и многие глаголы VI породы не имеют соответствующих им по корневому строению глаголов III породы: *thārəb* 'воевать'; *thāwa* 'брататься', 'достигать мира и дружбы'.

Одним из следствий свойства глаголов VI породы — выражать действие, являющееся результатом концентрированных

усилий, — оказывается ее отличительная особенность: передавать симуляцию действия или состояния: *tnāsa* 'притворяться забывшим'; *tġāfāl* 'притворяться незнающим'.

VII порода образуется от I породы при помощи префикса ²*n* и имеет вид ²*nC₁C₂VC₃*.

Возвратно-страдательное значение (по отношению к I породе) основное для этой породы: *ntrāk* 'быть покинутым'; *nzrah* 'быть раненым', 'пораниться'; *nbla* 'оказаться в беде', 'бедствовать', 'страдать'; *ndbāh* 'быть зарезанным', 'быть принесенным в жертву'; *nħall* 'открываться'; *niḷoq* 'вытягиваться (о металле) без разрывов (кузнечное ремесло)'. Количество глаголов VII породы в диалекте крайне невелико, а те, которые обнаруживаются, употребляются весьма редко. Объяснение этому можно найти в интенсивном развитии чисто диалектной Ia породы *t(t)əVC₁C₂VC₃* (см. ниже, стр. 57), ставшей основной для передачи тех значений, которые в литературном арабском языке зафиксированы за VII и VIII породами.

VIII порода, как и VII, является по существу пережиточной в диалекте. Количество глаголов VIII породы, которые удается здесь обнаружить, невелико, и образованы они обычно от пустых корней: *zdād* 'родиться'; *ħtāž* 'нуждаться', 'иметь потребность'; *ħtār* 'выбирать'.

Отнесение глаголов типа *ħtāž*, *ħtār* к VIII породе для диалекта может носить скорее исторический характер — это глаголы VIII породы этимологически. По всей видимости, для носителей диалекта они стоят в одном ряду с глаголами другой диалектной породы (IX) *C₁C₂āC₃*, с которыми совпадают по форме. Свидетельством этому служит тот факт, что инфикс *-t-* пустых глаголов VIII породы воспринимается иногда как *C₂*, и от «новых» корней могут даже образовываться глаголы других пород: *rtāh* 'отдыхать' (истинный корень RWH) — *rattāh* 'дать возможность отдохнуть' (новый корень RTH⁹⁹).

IX порода в марокканском диалекте имеет вид *C₁C₂āC₃*¹⁰⁰. Глаголы IX породы образуются от правильных, пустых, удвоенных и подобноправильных корней (от недостаточных корней не образуется глаголов этой породы, поскольку тогда встречались бы два долгих гласных): *tṛāš* 'оглохнуть'; *tṛwāl* 'становиться длинным', 'удлиняться'; *zyān* 'хорошеть'; *rqāq* 'суживаться'; *ħrār* 'прогоркнуть'; *wēār* 'становиться мучительным'.

Глаголы IX диалектной породы, так же как и глаголы соответствующих ей IX и XI пород литературного арабского языка (*'ifṣalla* и *'ifṣālla*), образуются главным образом не

⁹⁹ Аналогичное явление отмечается и в других магрибских диалектах. См., например, Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 197.

¹⁰⁰ Этой породе Л. Брюно посвятил специальную статью: L. Brunot, *Sur le thème f'āl en arabe marocain*.

от глагольных основ, а от именных. Вместе с тем функциональные возможности IX диалектной породы оказываются шире, чем у IX и XI пород литературного языка: в отличие от них она передает становление качества¹⁰¹, связанного не только с цветом или «физическими недостатками», но и с другими физическими свойствами предметов и характеристиками: *kḥāl* 'становиться черным'; *ḥdār* 'становиться зеленым'; *ε^arāž* 'стать хромым'; *ṭrāš* 'оглохнуть'; *šhāḥ* 'стать крепким, здоровым'; *ḥyāb* 'стать плохим'.

Наряду с некоторыми глаголами IX породы в диалекте обнаруживаются синонимичные однокорневые с ними глаголы I породы; семантически совпадая друг с другом в целом, эти глаголы оказываются все же дифференцированными по достаточно ощутимым смысловым оттенкам, они «не имеют в точности (разрядка наша. — С. К.) одного и того же значения»¹⁰²: *ε^arāž* 'стать хромым' — *εarāž* 'захромать', 'начать прихрамывать (временно, случайно)'; *ḥmāq* 'стать ненормальным', 'сойти с ума' — *ḥmāq* 'потерять сообразительность'; *ḥmāḍ* 'прокиснуть' — *ḥmāḍ* 'киснуть', 'подкисать'. Таким образом, IX порода в диалекте может быть еще охарактеризована как порода интенсивного становления качества.

К IX породе относится определенное количество глаголов, семантически не связанных с основной массой глаголов этой породы: *ktāb* 'быть написанным на роду'; *ḥlāq* 'родиться'; *shāb* 'казаться'.

Возвратно-страдательная порода по отношению к IX породе, образуемая при помощи префикса *t-*, не характерна для марокканского диалекта; тем не менее в Рабате можно слышать *tanfāḥ* 'опухнуть'; в арабском говоре еврейского населения г. Феса имеется глагол *taεmāl* 'сделано', 'готово'¹⁰³.

X порода образуется от I породы при помощи префикса *st-* и имеет схему *stVC₁C₂VC₃*, которая в результате ассимиляции *t* с *s* и реже метатезы *t* и *s* может принимать соответственно вид *ssVC₁C₂VC₃* и *tsVC₁C₂VC₃*.

Количество глаголов X породы в диалекте ограничено, и среди них, за исключением *stanna* ' подождать ', не найдется, пожалуй, ни одного, который не имел бы соответствующего представителя в литературном языке, а еще вернее, который не был бы заимствованным оттуда: *stāgfār* 'просить прощения (у бога)'; *staεmāl*, *ssaεmāl* 'пользоваться', 'употреблять';

¹⁰¹ Именно в этой связи Л. Брюно образно назвал глаголы IX диалектной породы «спрягаемыми прилагательными» (*adjectifs conjugués*) или «качественными глаголами» (*verbes qualitatifs*), см. упомянутую выше статью (сноска 100).

¹⁰² L. Brunot, *Sur le thème f'āl en arabe marocain*, p. 56.

¹⁰³ L. Brunot, *Sur le thème f'āl en arabe marocain*, p. 58; M. Coher, *Le parler arabe des Juifs d'Alger*, p. 228.

staemər 'колонизировать'; *stəfsər* 'собрать свидетельства, данные (для суда)'; 'требовать объяснений'; *stgəll*, *ssgəll* 'пользоваться', 'извлекать пользу', 'эксплуатировать'.

Значения желаяния, просьбы, оценки чего-либо, стремления привлечь к себе или сделать для себя и т. п. остаются основными для X породы и в диалекте. Возможно, как предполагает Ф. Марсэ¹⁰⁴, именно «это отсутствие четкой семантической характеристики» и сложность морфологической структуры — одна из причин малой употребительности данной породы в разговорном языке. Возможно также, что причиной этого факта оказывается исчезновение в диалекте IV породы, по отношению к которой X порода является возвратной.

В марокканском диалекте очень широко представлена чисто диалектная, отсутствующая в литературном арабском языке, порода, которая образуется от I породы путем префиксации *tt-* или *t-* и имеет соответственно две разновидности — $ttəC_1C_2VC_3$ и $təC_1C_2VC_3$.

Возвратно-страдательное значение по отношению к I породе является основным для породы $t(t)əC_1C_2VC_3$: *ttəhraq* 'быть сожженным', 'сгореть'; *ttbāe* 'продаваться'; *ttəqtae* 'быть разрезанным'; *ttəšgəl* 'быть занятым'; *ttətqəb* 'быть продырявленным', 'быть пробитым'; *ttətləq* 'быть освобожденным'; *ttšāf* 'быть увиденным, замеченным'; *ttsāb* 'быть найденным, обнаруженным'; *ttūžəd* 'быть подготовленным, готовым'; *ttəkra* 'быть сданным, снятым (о жилье)'; *tnəšwa* 'предаваться страсти (о наркоманах)'; *tqahwa* 'получить и выпить чашку кофе'; *tšwa* 'изжариться'; 'выносить', 'подвергаться (ударам судьбы, жестоким испытаниям)'; *təfdaḥ* 'быть разоблаченным', 'покрыть себя позором'.

Артикуляция *tt-* или *t-*, видимо, обусловлена прежде всего особенностями произношения того или иного представителя диалектной речи, степенью экспрессивности содержания высказывания, поскольку во многих глаголах рассматриваемой породы *tt-* и *t-* могут замещать друг друга: *ttəfda* и *təfda* 'быть отданным взамен'; *ttəgləb* и *təgləb* 'быть побежденным', 'проиграть'; *ttəgsəl* и *təgsəl* 'быть вымытым', 'быть выстиранным', 'стираться'; *ttəḥməl* и *təḥməl* 'терпеть', 'выносить'; *ttərfəd* и *tərfəd* 'быть поднятым', 'быть переносным'; *ttəsfəl* и *təsfəl* 'получить доброе предзнаменование', 'иметь счастливый случай', 'попытать счастья'.

Порода $t(t)əC_1C_2VC_3$ семантически находится с I породой $C_1C_2VC_3$ в таком же отношении, как V порода $tC_1VC_2C_2VC_3$ — со II $C_1VC_2C_2VC_3$ или VI порода $tC_1āC_2VC_3$ — с III $C_1āC_2VC_3$. Таким образом, система активных и возвратно-страдательных пород, основанная на префиксации *t-* к моделям активных

¹⁰⁴ Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, p. 200.

пород, оказывается в диалекте более последовательной и уравновешанной, чем в литературном языке. В связи с этим представляется очень удачным обозначение Р. Харреллом пород t(t)VCCVC, V и VI через номера Ia, IIa и IIIa, чем подчеркиваются их определенные семантические отношения с соответствующими I, II и III породами¹⁰⁵.

В марокканском диалекте иногда встречаются глаголы, имеющие схему ntVC₁C₂VC₃ или tənC₁C₂VC₃: ntədbəḥ, təndbēḥ 'быть зарезанным', 'быть принесенным в жертву'; ntəzraḥ, tənzraḥ 'быть раненым', 'пораниться'. Но подобные схемы, своеобразные гибриды VII, VIII пород арабского языка и породы Ia, не столь характерны для марокканского диалекта по сравнению с другими диалектами Магриба¹⁰⁶.

ЧЕТЫРЕХСОГЛАСНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Весьма обширную группу образуют глаголы, имеющие в основе четырехсогласный корень. По своему корневому строению эти глаголы могут быть разделены на:

1. Глаголы схемы C₁VC₂C₃VC₄ (все согласные отличны друг от друга): bəḥzəq 'пристыдить'; bəndəq 'приветствовать низким поклоном'; ḥənšəl 'объедаться', 'обжираться'; ḥənzər 'протыкать', 'пробивать'; fərsəḥ 'избивать (нещадно)'; fərtəq 'распарывать (одежду)'; 'потрошить (рыбу)'; 'болтать вздор'; zəḥtən 'пачкать', 'мазать'; gərbəl 'просеивать'; gərnəq 'каркать'; hədrəz 'кричать (о верблюде)'; ḥənšər 'разбить вдребезги'; hərtəl 'болтать вздор'; kəbrət 'окуривать серой'.

2. Глаголы схемы C₁VC₂C₁VC₂ (корень образован путем редупликации двусогласной основы): bəlbəl 'говорить неразборчиво, невнятно'; bənbən 'жужжать (о насекомых)'; ḥərḥər 'журчать (о воде)'; fəḥfəḥ 'ошеломить', 'привести в величайшее изумление'; fərfər 'биться крыльями (о птице)'; dəgdəg 'щекотать'; dəndən 'упрекать'; gəngən 'шуметь (о насекомых)'; 'гнусавить'; gəqgəq 'крякать', 'каркать'; məhməh 'бессвязно, невнятно говорить', 'бормотать'; həbhəb 'тявкать', 'лаять'; həmhəm 'бормотать (обиженно)', 'ворчать', 'брюзжать'; həthət 'бредить'; kəḥkəḥ 'хохотать'; kəškəš 'пениться'; kəskəs 'готовить кускус' (национальное блюдо).

¹⁰⁵ R. S. Harrell, *A short reference grammar of Moroccan Arabic*, p. 64.

¹⁰⁶ Подробнее о распространении этих и других возможных гибридных схем см.: Ю. Н. Завадовский, *Арабские диалекты Магриба*, стр. 85; M. Cohen, *Le parler arabe des Juifs d'Alger*, p. 370; W. Marçais, *Le dialecte arabe parlé à Tlemcen*, p. 86, § 4; G.-S. Colin, *Notes sur le parler arabe du Nord de la région de Taza*, p. 100.

3. Глаголы схемы $C_1VC_2C_3VC_4$ ($C_3=C_4$): *bəhrər* 'возражать (решительно)'; *bəlħaħ* 'болтать всякий вздор'; *faɾtaɾ* 'биться (о зарезанном животном)'; 'болтать вздор'; *dahşəş* 'мигать', 'подмигивать'; *žəgnən* 'шуметь (о насекомом)', 'жужжать'; 'звенеть (об ухе)'; *hamsəs* 'шептать(ся)'; *harnən* 'бузить', 'буянить'; *kərzəz* 'скрежетать (зубами)'.

4. Глаголы схемы $C_1VC_2C_1C_4$ ($C_1=C_3$): *dərdək* 'топать', 'стучать ногами'; *žənžəħ* 'разбить вдребезги'; *tərtəq* 'лопнуть', 'взорваться'.

Нетрудно заметить, что большинство четырехсогласных глаголов оказываются «звукоподражательными» (особенно модели $C_1VC_2C_1VC_2$) и служат для передачи различных звуков и движений. Характерной чертой четырехсогласных глаголов можно считать также их деноминативность. Реже они имеют возвратно-страдательное значение. В целом же оно закреплено за соответствующей производной породой $tCVCCVC$ (единственной в диалекте для четырехсогласных глаголов): *bəhdəl* 'унижать' — *tbehdəl* 'унижаться'; *bəħbəħ* 'хрипеть', 'говорить хриплым голосом' — *tbəħbəħ* 'охрипнуть'. Подобные соответствия между основной и производной породами четырехсогласного глагола в общем немногочисленны, и лексически глаголы производной породы обычно независимы от основной породы: *tbəħtər* 'кичиться'; *tbərməl* 'жиреть', 'толстеть', 'превращаться в бочку'; *tbətbət* 'тепло одеваться', 'кутаться'.

Четырехсогласные глаголы спрягаются так же, как и трехсогласные глаголы:

Спряжение глагола *ğərbəl* 'просеивать'

		Единственное число	Множественное число	
Перфект	$\left\{ \begin{array}{l} 3\text{-е л.} \\ 2\text{-е л.} \\ 1\text{-е л.} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{м. р.} \\ \text{ж. р.} \end{array} \right.$	<i>ğərbəl</i>	<i>ğərbļu</i>
			<i>ğərbłət</i>	
		<i>ğərbalti</i>	<i>ğərbaltu</i>	
		<i>ğərbəlt</i>		
Имперфект	$\left\{ \begin{array}{l} 3\text{-е л.} \\ 2\text{-е л.} \\ 1\text{-е л.} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{м. р.} \\ \text{ж. р.} \end{array} \right.$	<i>iğərbəl</i>	<i>iğərbļu</i>
			<i>tğərbəl</i>	
		<i>tğərbəl</i>	<i>tğərbļu</i>	
		<i>nğərbəl</i>		
Повелительное наклонение		<i>ğərbəl</i>	<i>ğərbļu</i>	

Производная порода $tCVCCVC$ при спряжении полностью повторяет флексию основной породы.

Неправильные глаголы, так же как и в литературном языке, можно разбить на несколько групп в зависимости от особенностей их корневого строения.

По традиции сначала рассматриваются удвоенные глаголы, т. е. такие, у которых C_2 и C_3 — одинаковы и стянуты в один удвоенный согласный: *šədd* 'прикреплять', 'закреплять', 'закрывать'; *rədd* 'возвращать', 'отвечать'; *dəqq* 'стучать'; *ħəbb* 'любить', 'желать'; *ħəll* 'открывать'; *kəbb* 'наливать'.

Спряжение удвоенного глагола *šədd* — *išədd*

		Единственное число	Множественное число
Перфект	$\left\{ \begin{array}{l} 3\text{-е л.} \\ 2\text{-е л.} \\ 1\text{-е л.} \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} \text{м. р.} \\ \text{ж. р.} \end{array} \right.$	<i>šədd</i>	<i>šəddo</i>
		<i>šəddət</i>	
		<i>šəddəti</i>	
		<i>šəddət</i>	
Имперфект	$\left\{ \begin{array}{l} 3\text{-е л.} \\ 2\text{-е л.} \\ 1\text{-е л.} \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} \text{м. р.} \\ \text{ж. р.} \end{array} \right.$	<i>išədd</i>	<i>išəddo</i>
		<i>tšədd</i>	
		<i>tšədd</i>	
		<i>nšədd</i>	
Повелительное наклонение		<i>šədd</i>	<i>šəddo</i>

Спряжение удвоенного глагола характеризуется общими для большинства магрибских диалектов признаками, и марокканский диалект не является в данном случае исключением. Удвоенный согласный корня никогда не разбивается гласным ¹⁰⁸, как это имеет место в литературном языке.

Большую группу неправильных глаголов образуют так называемые слабые глаголы, т. е. такие, у которых хотя бы один из корневых звуков «слабый» согласный *w* или *y*. В зависимости от места, занимаемого этими полугласными в составе корня, слабые глаголы делятся на подобноправильные (*w* или *y* — первые элементы корня, т. е. оказываются на месте C_1), пустые (*w* или *y* — C_2), недостаточные (*w* или *y* — C_3).

Так же как и в литературном языке, спряжение подобноправильных глаголов в диалекте мало чем отличается от

¹⁰⁷ Принципиальные особенности аномальных глаголов рассматриваются на примерах I породы.

¹⁰⁸ За исключением арабского говора еврейского населения городка Феса (см. L. Brunot, *Notes sur le parler crabe des Juifs de Fes*).

спряжения правильных глаголов. Для примера можно взять два глагола: *ūṣal* 'прибывать' (корень WṢL) и *ībəs* 'становиться сухим, твердым' (корень YBS).

Спряжение подобноправильных глаголов

				Единственное число	Множественное число			
Перфект	{	3-е л.	м. р.	<i>ūṣal</i>	<i>ībəs</i>	{	<i>wəṣlō</i>	<i>yībṣō</i>
			ж. р.	<i>wəṣlət</i>	<i>yībṣət</i>			
		2-е л.		<i>uṣəltl</i>	<i>ibəsti</i>	<i>uṣəltō</i>	<i>ibəstō</i>	
		1-е л.		<i>uṣəlt</i>	<i>ibəst</i>	<i>uṣəlna</i>	<i>ibəsna</i>	
Импер- фект	{	3-е л.	м. р.	<i>yūṣal</i>	<i>yībes</i>	{	<i>iwəṣlō</i>	<i>iyībṣō</i>
			ж. р.	<i>tūṣal</i>	<i>tībəs</i>			
		2-е л.		<i>tūṣal</i>	<i>tībəs</i>	<i>təwəṣlō</i>	<i>tyībṣō</i>	
		1-е л.		<i>nūṣal</i>	<i>nībəs</i>	<i>nəwəṣlō</i>	<i>nyībṣō</i>	
Повелительное наклонение				<i>ūṣal</i>	<i>ībəs</i>	<i>wəṣlō</i>	<i>yībṣō</i>	

Пустые глаголы можно распределить по трем видам в зависимости от качества долгого гласного {корневой группы в форме имперфекта: *kān* — *ikūn* 'быть', *sār* — *isīr* 'уходить', *hāf* — *iḥāf* 'бояться'.

Спряжение пустых глаголов

				Единственное число	Множественное число					
Перфект	{	3-е л.	м. р.	<i>kān</i>	<i>sār</i>	<i>hāf</i>	{	<i>kānu</i>	<i>sāru</i>	<i>hāfo</i>
			ж. р.	<i>kānət</i>	<i>sārət</i>	<i>hāfet</i>				
		2-е л.		<i>kunti</i>	<i>sirti</i>	<i>həfti</i>	<i>kuntu</i>	<i>sirtu</i>	<i>həftu</i>	
1-е л.		<i>kunt</i>	<i>sirt</i>	<i>həft</i>	<i>kunna</i>	<i>sirna</i>	<i>həfna</i>			
Импер- фект	{	3-е л.	м. р.	<i>ikūn</i>	<i>isīr</i>	<i>iḥāf</i>	{	<i>ikūnu</i>	<i>isīru</i>	<i>iḥāfo</i>
			ж. р.	<i>tkūn</i>	<i>tsīr</i>	<i>tḥāf</i>				
		2-е л.		<i>tkūn</i>	<i>tsīr</i>	<i>tḥāf</i>	<i>tkūnu</i>	<i>tsīru</i>	<i>tḥāfo</i>	
		1-е л.		<i>nkūn</i>	<i>nsīr</i>	<i>nḥāf</i>	<i>nkūnu</i>	<i>nsīru</i>	<i>nḥāfo</i>	
Повелительное наклонение				<i>kūn</i>	<i>sīr</i>	<i>hāf</i>	<i>kūnu</i>	<i>sīru</i>	<i>hāfo</i>	

Как видно, спряжение диалектных форм пустого глагола в целом совпадает со спряжением их в литературном языке. Особенностью диалекта является удлинение гласного в формах единственного числа повелительного наклонения, а так-

же иное в ряде случаев чередование гласных при спряжении этих глаголов¹⁰⁹.

Группа недостаточных глаголов представлена в диалекте шире, чем в литературном языке, поскольку в нее дополнительно попадают глаголы, этимологически имеющие в качестве C_3 хамзу ('): *q̄ḡa* — *yeq̄ḡa* 'читать', 'учиться' (*QR); *bda* — *yibda* 'начать' (*BD).

В диалекте можно выделить два типа недостаточных глаголов в зависимости от качества конечного гласного основы имперфекта: CCa — $yəCCa$ (*rɛa* — *yɛrɛa* 'пасть'; *nsa* — *yɛnsa* 'забывать'; *lqa* — *yɛlqa* 'найти', 'встретить') и CCa — $yəCCi$ (*bḡa* — *yɛbḡe* 'хотеть', 'желать'; *šra* — *yɛšri* 'купить'; *mša* — *yɛmši* 'пойти', 'уйти'). Третий возможный тип недостаточных глаголов CCa — $yəCCu$ оказывается нехарактерным для марокканского диалекта и представлен двумя глаголами: $\varepsilon^a fa$ — *yaeḡo* 'сохранить', 'уберечь (о боге)'; *hba* — *yɛhbɔ* 'ползать на четвереньках (о младенцах)'; причем из этих глаголов только второй может иметь все возможные формы спряжения, первый — благодаря своей соотнесенности с одним определенным грамматическим субъектом — на практике употребляется только в двух формах: $\varepsilon^a fa$ и *yaeḡo*.

Спряжение недостаточных глаголов

		Единственное число			Множественное число			
Перфект	3-е л.	м. р.	<i>rɛa</i>	<i>bḡa</i>	<i>hba</i>	<i>rɛāu</i>	<i>bḡāu</i>	<i>hbāu</i>
		ж. р.	<i>rɛāt</i>	<i>bḡāt</i>	<i>hbāt</i>			
	2-е л.	<i>rɛḡti</i>	<i>bḡḡti</i>	<i>hbḡti</i>	<i>rɛḡtu</i>	<i>bḡḡtu</i>	<i>hbḡtu</i>	
	1-е л.	<i>rɛḡt</i>	<i>bḡḡt</i>	<i>hbḡt</i>	<i>rɛḡna</i>	<i>bḡḡna</i>	<i>hbḡna</i>	
Имперфект	3-е л.	м. р.	<i>yɛrɛa</i>	<i>yɛbḡe</i>	<i>yɛhbɔ</i>	<i>yɛrɛāu</i>	<i>yɛbḡḡu</i>	<i>yɛhbḡu</i>
		ж. р.	<i>tərəa</i>	<i>təbḡe</i>	<i>təhbɔ</i>			
	2-е л.	<i>tərəa</i>	<i>təbḡe</i>	<i>təhbɔ</i>	<i>tərəāu</i>	<i>təbḡḡu</i>	<i>təhbḡu</i>	
1-е л.	<i>nərəa</i>	<i>nebḡe</i>	<i>nəhbɔ</i>	<i>nərəāu</i>	<i>nəbḡḡu</i>	<i>nəhbḡu</i>		
Повелительное наклонение			<i>rɛa</i>	<i>bḡe</i>	<i>hbɔ</i>	<i>rɛāu</i>	<i>bḡḡu</i>	<i>hbḡu</i>

При спряжении недостаточного глагола в перфекте окончания 3-го лица женского рода и окончания множественного

¹⁰⁹ Если в литературном языке долготу $\bar{a}$ в форме 3-го лица перфекта в 1-м и 2-м лице соответствуют краткие *u* или *i* (*kūna* 'он был', но *kuntu* 'я был'; *sāra* 'он шел'; но *sirti* 'ты шла'; *hāfa* 'он испугался', но *hifnā* 'мы испугались' и т. п.), то в диалекте долготу $\bar{a}$ в таких случаях может соответствовать краткий *a*: *hif* 'он испугался' — *häfti* 'ты испугался', *bāt* 'он провел ночь' — *bātna* 'мы провели ночь'. Но примеры подобного рода редки, если не единственны.

числа (соответственно *-t* и *-u*) прибавляются к долгому гласному, на который оканчивается глагольная основа; в результате образуются долгие слоги CCāt, CCVū, стель редкие в литературном языке.

Глаголы, образованные от недостаточных корней, отличающихся друг от друга только качеством слабых корневых, в перфекте выступают как омонимы; их формальная дифференциация проявляется в имперфекте: *ġla* — *yēġla* 'быть дорогим' (корень GLW), но *ġla* — *yēġli* 'кипеть' (корень ĠLY); *lha* — *yēlha* 'заниматься', 'увлекаться чем-либо' (корень LHW), но *lha* — *yēlhi* 'быть невнимательным', 'не обращать внимания' (корень LHY). Наряду с этим в марокканском диалекте, как и в других магрибских диалектах¹¹⁰, морфологическое противопоставление форм имперфекта на *-a* и на *-i*¹¹¹ (при совпадении форм перфекта) иногда отражает семантическую дифференциацию глаголов состояния и глаголов действия с оттенком каузативности, образованных от одних и тех же недостаточных корней: *ħta* — *yēħta* 'промахнуться', 'не попасть', но *ħta* — *yēħte* 'бранить'; *tfa* — *yētfa* 'гаснуть', но *tfa* — *yētfi* 'гасить'; *ħwa* — *yēħwa* 'становиться пустым', 'быть пустым', но *ħwa* — *yēħwi* 'опоражнивать', 'освобождать'. В литературном языке данным примерам соответствовала бы оппозиция I и IV глагольных пород. Сохранение подобной оппозиции в диалекте может свидетельствовать о том, что IV порода не всегда отсутствовала здесь, а исчезнув, оставила свои следы, встречающиеся в виде формы имперфекта на *-i*, противопоставленной в ряде недостаточных глаголов форме на *-a*.

Особые случаи аномальных глаголов. В марокканском диалекте, как и в большинстве магрибских диалектов, глаголы *ħda* — *yāħd* 'взять', *klā* — *yākōl* 'есть (принимать пищу)' спрягаются в перфекте как недостаточные, а в имперфекте как — подобноправильные¹¹², что вызывается фонетическими особенностями магрибских диалектов, где почт

¹¹⁰ См., например, Ph. Marçais, *Le parler arabe de Djidjelli*, pp. 171—172.

¹¹¹ Конечные *-a* и *-i*, формально отражающие смысловую разницу приводимых недостаточных глаголов, — позиционные варианты соответствующих этимологически долгих гласных, которые в абсолютном исходе слова, согласно общему правилу, отмечавшемуся ранее (стр. 28), подвергаются сокращению; когда они меняют это место, их долгота восстанавливается: *yēġla* 'он подорожает', но *yēġlāa* 'они подорожают'; *yēġli* 'он закипит', но *yēġliu* 'они закипят' и т. п. (см. таблицу спряжения недостаточных глаголов — стр. 62).

¹¹² За исключением ряда марокканских говоров см. примеры в: L. Brunot, *Notes sur le parler arabe des Juifs de Fes*, p. 17; W. Marçais, *Textes arabes de Tanger*, p. 453; E. Lévi-Provençal, *Textes arabes de l'Ouargha*, p. 26.

повсеместно наблюдается отсутствие хамзы¹¹³, следствием чего и оказывается данное явление: *ʾaḥaḍa > ḥada > ḥda; yaʾḥuḍu > yaḥud.

Спряжение глаголов ḥda-yāḥoḍ и kla-yākōl

		Единственное число		Множественное число			
Перфект	{	3-е л. {	м. р. ḥda	kla	{	ḥdāu	klāu
		ж. р. ḥdāt	klāt	ḥdiṭo		klīṭo	
		2-е л. ḥḍiti	klīti	ḥdīna		klīna	
		1-е л. ḥḍit	klit				
Импер-фект	{	3-е л. {	м. р. yāḥoḍ	yākōl	{	yāḥudu	yākulu
		ж. р. tāḥoḍ	tākōl	tāḥudu		tākulu	
		2-е л. tāḥoḍ	tākōl	nāḥudu		nākulu	
		1-е л. nāḥoḍ	nākōl				
Повелительное наклонение		ḥūd	kūl	ḥūdu	kūlu		

Как видно, повелительная форма этих глаголов совпадает с аналогичной формой пустых глаголов (гласный, разделяющий два корневых согласных, — долгий).

ИМЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕН

Выделение имени в особую часть речи проводится в арабском языке с достаточной четкостью. Морфологическими признаками имени являются категории склонения, состояния, рода, числа, причем первые две категории присущи исключительно имени¹¹⁴.

По морфологическому строению имена в арабском языке разбиваются обычно на первичные, первообразные (*kābš* 'баран', *ʿain* 'глаз') и производные, образованные морфологически или от глаголов — отглагольные имена, или от имени—

¹¹³ В литературном языке, как известно, отпадение хамзы наблюдается только в повелительном наклонении глаголов, у которых C_1 — хамза: *ḥud* 'возьми', *kul* 'ешь' и т. п.

¹¹⁴ Кроме того, в литературном языке нет случаев совпадения глагольных и именных моделей слов. В диалекте в связи с особенностями фонетического строя, а также в связи с отсутствием системы падежного склонения имен глагольные и именные модели могут совпадать, например форма 3-го лица единственного числа перфекта глагола и именная модель CCVC: *ḍhar* 'появляться' (лит. *ḍahara*) и *ḍhar* 'спина' (лит. *ḍahr*); *rḥa* 'ослаблять', 'отпускать' (лит. *'arḥa*) и *rḥa* 'дешевизна' (лит. *raḥā*).

отыменные имена¹¹⁵. По семантико-морфологическим и функциональным признакам арабские имена можно подразделить на: 1) имена существительные и имена прилагательные; 2) имена действия, или масдары, и 3) причастия.

Имена существительные и прилагательные морфологически не могут быть противопоставлены друг другу в диалекте, их выделение в обособленные подклассы слов диктуется исключительно семантико-функциональными признаками.

Масдар (имя действия). «Имя действия в арабском языке передает абстрактное название самого действия или состояния без каких-либо указаний на лицо, время, залог и другие конкретные характеристики глагола»¹¹⁶. В этом отношении оно по своей семантике приближается к англ. Gerund и до известной степени к инфинитивным формам некоторых индоевропейских языков, например русского.

В диалекте так же, как и в литературном языке, можно выделить модели, по которым образуются масдары различных пород, причем определенная модель масдара соответствует обычно определенному лексическому значению того или иного глагола. В этой связи нетрудно понять, почему наибольшее количество моделей масдаров обнаруживается для глаголов I породы, семантически самой универсальной и емкой из всех существующих пород. В литературном языке насчитывается около пятидесяти моделей масдаров I породы. В диалекте их количество меньше.

Что касается производных пород, то здесь картина сходна с образованием причастий (см. ниже): от Ia, VII и IX пород масдары не образуются, от VIII и X пород масдары также практически не образуются, если не считать буквально одного-двух примеров: *zzyād* (VIII) 'рождение', *ssōġfār* (X) 'просьба о прощении (у Аллаха)'.

Функциональные возможности масдара в диалекте, очевидно, несколько уже, чем в литературном языке, что объясняется известным ослаблением здесь связей масдара с гла-

---

¹¹⁵ Следует отметить, что для арабского языка традиционное разделение имен на отглагольные и отыменные не всегда имеет под собой строгие логические или формальные основания, что позволяет предположить, что такое разделение происходило нередко произвольно, на основании субъективных оценок (см., например, замечания по этому поводу в книге: R. Blachère et M. Gaudefroy-Demombynes, *Grammaire de l'arabe classique*, p. 77). В результате близкие и даже абсолютно одинаковые по форме и семантике имена рассматриваются часто в разных подклассах: *miḥlab* 'подойник' относится к отыменным именам, а *matbaḥ* 'кухня' — к отглагольным; *mibrad* 'напильник', *midfaḥ* 'пушка' образованы по одной модели с *miḥlab* 'подойник', но относятся к отглагольным именам; равным образом *tunḥul* 'сито' — отглагольное имя, а *tudhun* 'сосуд для мази' — отыменное.

¹¹⁶ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 186.

голом: в диалекте полностью отсутствует употребление масдара в функции глагольного сказуемого (действие передается масдаром, а субъект действия — зависящим от него именем в родительном падеже¹¹⁷); благодаря отсутствию падежных флексий сужается сфера беспредложного управления имени (объекта) масдаром; употребление масдара в роли так называемого «абсолютного объекта» (*'al-maf'ūl 'al-muṭlaq*) сохраняется только для масдаров, имеющих суффикс *-ān* (стр. 77, 119).

Арабское причастие, как известно, имеет с глаголом меньше морфологических связей, чем, например, причастие в русском языке. Залоговая характеристика, пожалуй, единственная, которая семантически связывает арабское причастие и глагол. Специальных видо-временных форм у арабского причастия нет; вместе с тем оно, как правило, всегда служит названием лица (предмета) или передает некоторый его признак или свойство.

Вследствие регулярного образования форм рода и числа причастие легко подвергается адъективации.

В литературном языке залоговое противоположение причастий, так же как и глаголов, основывается на чередовании кратких гласных: причастия действительного и страдательного залогов для каждой породы, кроме первой, имеют соответственно одну и ту же консонантную схему и различаются лишь качеством краткого гласного между C_2 и C_3 : *i* — действительный залог, *a* — страдательный залог. В диалекте эти гласные не образуют фонологической оппозиции, что приводит к отсутствию морфологической дифференциации причастий с точки зрения их залоговой характеристики¹¹⁸: *mber-gād* 'охлаждающий', 'охлажденный'.

Только от глаголов I породы наряду с причастиями действительного залога могут быть образованы причастия страдательного залога, поскольку их образование в отличие от других пород основывается не на чередовании кратких гласных, а на противоположении четко различимых форм активного и пассивного залогов, соответственно — $CaCVC$ и $m\bar{a}C-C\bar{u}C$: *fāhām* 'понимающий', *māfhūm* 'позимаемый', 'понятый', 'понятный'.

В других породах в связи с отсутствием морфологического противоположения действительного и страдательного залогов за каждым причастием закрепляется обычно какое-

¹¹⁷ Там же, стр. 191.

¹¹⁸ Подобное явление, как общая тенденция, обнаруживается во многих современных арабских диалектах, включая и восточноарабские диалекты, например египетский (см. Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 60).

нибудь одну из двух возможных значений (чаще — пассивное): *mfaḥḥar* 'восхищенный', 'восторженный'; *mhažžar* 'покрытый камнем', 'каменистый'; *mḥarrāb* 'разрушенный'; *mwas-saḥ* 'запачканный'; *mzuwwaž* 'женатый'; *mšāfaḥ* 'путешествующий', 'путешественник'.

Причастия производных пород так же, как и в литературном языке, образуются путем прибавления префикса *m-* к корневой группе глагола: II порода — mCVCCVC (*mḥallaṣ* 'оплаченный'), III порода — mCaCVC (*mwalaf* 'привыкший', 'имеющий обыкновение'), V порода — mətCVCCVC (*məḥabbas* 'спрятавшийся'), VI порода — mətCaCVC (*məḥāṣem* 'находящийся в споре').

От других пород причастия в диалекте практически не образуются: IV порода отсутствует, а такие субстантивированные причастия IV породы, как *māslam* 'мусульманин', *mūtan* 'правоверный' и т. п., выступают как чисто лексические единицы, утратив всякую связь с глаголом; от VII и Ia пород причастий не образуется, поскольку I порода, по отношению к которой они являются возвратно-страдательными породами, имеет богатые возможности для образования причастий страдательного залога; причастия VIII и X пород можно слышать только в устах образованных людей, они представляют по существу заимствования из книжного языка.

От четырехсогласных глаголов причастия образуются также путем прибавления префикса *m-* к корневой группе глагола: *mḡarḡar* 'свернутый'; *mḡarbal* 'просеянный'.

Функциональные возможности причастия чрезвычайно обширны. Выше (стр. 49) были разобраны примеры образования аналитических причастных форм, служащих для выражения действия в процессе его совершения. Как именная форма причастия выступают в функции подлежащего, именного сказуемого, дополнения (при условии полной субстантивации причастия), определения (см. соответствующие разделы «Синтаксиса»).

МОДЕЛИ ИМЕН

Модели имен с нерасширенными основами

Ранее было отмечено, что морфологический класс имен может быть разбит на подкласс первичных имен (с нерасширенными основами) и подкласс производных имен (с расширенными основами).

Типы первичных имен весьма многочисленны и могут передавать самые разнообразные (практически любые) лексические значения. Такое свойство делает эти имена прежде всего объектом лексикографии, и здесь нет какой-либо принципиальной разницы между марокканским диалектом и литератур-

ным языком. Отличие диалекта от литературного языка заключается лишь в том, что под влиянием различных причин (главным образом фонетических) диалектные модели имен с нерасширенными основами не всегда совпадают с аналогичными моделями литературного языка.

CVCC — одна из самых распространенных моделей (как в диалекте, так и в литературном языке), по которой образуются:

а) обширная группа имен существительных: *məlh* 'соль'; *kəlb* 'собака'; *qəlb* 'сердце'; *ʒəld* 'кожа'; *ʒənb* 'бок'; *hənš* 'змея'; *dərb* 'улица', 'дорога'; *barq* 'молния'; *farq* 'разница';

б) группа масдаров (I породы), соответствующих в литературном языке моделям *faɛl*, *fiɛl*, *fuɛl*: *rəbh* 'заработок (зарабатывание)'; *ʒarh* 'ранение (действие)'; *darb* 'нанесение удара'; *laɛb* 'игра (процесс)'; *həzn* 'состояние печали'; *tarz* 'вышивание'; *hart* 'вспахивание'.

CCVC — чисто диалектная, очень распространенная модель, по которой образуются:

а) большая группа имен существительных, соответствующих различным моделям литературного языка: *ʒbəl* 'гора'; *ʒməl* 'верблюд' (лит. *faɛal*); *lɣəm* 'мясо'; *ʃɛar* 'волосы (собирает.)' (лит. *faɛl*); *qšər* 'кожура', 'скорлупа' (лит. *fiɛl*);

б) масдары (I породы), соответствующие обычно литературным моделям *fiɛl* и *faɛal*: *kdəb* 'лганье'; *shər* 'колдовство (действие)', 'заговаривание'; *qləq* 'состояние волнения';

в) имена прилагательные качественные, соответствующие обычно в литературном языке модели *'afɛalu*: *hmar* 'красный'; *zraq* 'синий'; *hɗar* 'зеленый'; *kɣəl* 'черный';

г) имя превосходства, или элатив. В этой функции модель CCVC соответствует литературной модели *'afɛalu*. Диалектный элатив характеризуется рядом специфических особенностей, заметно отличающих его от аналогичной модели литературного языка: CCVC в отличие от *'afɛalu* не имеет своей параллели для имен женского рода; количество имен, от которых образовывался бы элатив, весьма ограничено: *tqəl* 'тяжелый' — *tqal* 'тяжелее'; *kbīr* 'большой' — *kbar* 'большой', 'больше'; *sgēr* 'маленький' — *sgar* 'меньший', 'меньше'; *ktīr* 'многочисленный' — *ktar* 'многочисленнее'; *qlīl* 'редкий', 'малочисленный' — *qall* 'более редкий', 'реже', 'малочисленнее'; *shōn* 'горячий' — *shən* 'более горячий', 'горячее'; *sāhəl* 'легкий' — *shəl* 'более легкий', 'легче'; *bārəd* 'холодный' — *brəd* 'более холодный', 'прохладнее'.

К этому следует добавить, что в марокканском диалекте в отличие от литературного языка для выражения сравнительной степени элатив употребляется крайне редко. Так, в «Текстах» Л. Брюно обнаруживается два-три примера употребле-

ния этой формы: *neam a-si ktār m'n haḍ ši bazzāf ε^{al}ya* (B.81,20) 'да, мой господин, но [дать] больше, чем это, [будет] для меня «слишком»'; *wila kān maši mḥazzaz f'nnšwa kai-dir kaḥf wulla qall* (B.59,8) 'если он не законченный наркоман, он ограничивается одной дозой кифа или [еще] меньшей'.

Обычным способом выражения сравнительной степени в диалекте служит перифрастический оборот, в котором имя прилагательное сохраняет морфологически положительную степень, а отношения сравнения передаются при помощи предлога: *hūya kbīr εaleyya* 'мой брат больше, чем я' (букв. 'большой против меня'); *ḥti šḡera mānni* 'моя сестра меньше, чем я' (букв. 'меньшая, чем я').

Элатив, очевидно, совсем не употребляется для выражения превосходной степени. Отношения «превосходства» передаются способом, аналогичным только что описанному, но имя при этом оформляется определенным артиклем *l-*: *l ktīr f'nnās lli kaḡqēu lgern wulṣorf* (B.63,5) 'большинство (букв. 'большая часть среди') людей, которые носят хохолок и прядку над ухом...'; *hiy'a ž-žmīla fīḥom* 'она самая красивая среди них'.

Наконец, отношения сравнения могут передаваться описательным путем, когда за именем прилагательным следует элатив таких имен, как *ktār* 'больше' или *qall* 'меньше': *ḥti m'zyāna ktār mānha* 'моя сестра красивее, чем она'; *ṣahbi εayyān ktār mānni* 'мой товарищ устал (букв. 'уставший') больше, чем я'. Обращает на себя внимание, что подобный способ характерен для тех имен, которые и в литературном языке не имеют формы элатива. Это, а также тот факт, что имена, имеющие форму элатива, совпадают в диалекте и в литературном языке, свидетельствует о том, что данная форма является для диалекта остаточной, пережиточной.

CVC — по этой модели образуются:

а) довольно обширная группа имен существительных, имеющих в своей основе пустые корни или исторически восходящие к корням, у которых C_2 — хамза: $CāC$ — *bāb* 'дверь'; *dār* 'дом'; *rāṣ* 'голова'; *kās* 'стакан'; *žār* 'сосед'; *nār* 'огонь'; *fār* 'мышь'; *εām* 'год'; $CūC$ — *εūd* 'дерево'; *nūr* 'свет'; *mūs* 'нож'; *mūl* 'обладатель чего-либо'; 'хозяин'; *lūz* 'орехи (собират.)'; *šōf* 'шерсть'; *tūm* 'чеснок'; $CīC$ — *zīt* 'масло'; *bīr* 'колодец'; *bīt* 'комната'; *dəf* 'гость'; *rəḥ* 'ветер'; *ḥəf* 'нить'; *təf* 'птица'; *šəḥ* 'старик', 'шейх';

б) группа масдаров (I породы) от пустых корней: *šōm* 'пост (процесс, состояние)'; *nōm* 'сон (состояние)'; *žūε* 'состояние голода'; *bīε* 'продажа'; *ḥōf* 'чувство страха'.

CCV (недостаточные корни) — по этой модели образуется относительно небольшое количество:

а) имен существительных: *šta* 'дождь', 'зима'; *rḥa* 'ручная

мельница'; *dwa* 'лекарство'; *sma* 'небо'; $\varepsilon^a\dot{s}a$ 'ужин'; $\varepsilon^a\dot{s}a$ 'палка';

б) имен прилагательных: *nqe* 'чистый'; *hlo* 'сладкий';

в) масдаров (I породы): *šfa* 'лечение'; *rda* 'чувство (состояние) удовлетворения'.

Модели имен с расширенными основами

Модели имен с основами, расширенными внутренними наращениями

CāCVC — это общая для диалекта и литературного языка модель; по ней образуются:

а) группа имен существительных (в основном субстантивированные причастия действительного залога I породы): *kātəb* 'писец', 'секретарь', 'писатель'; *ēāləm* 'ученый'; *sārəq* 'вор'; *žāhəl* 'невежда'; *rāžəl* 'человек'; *hātəm* 'кольцо', 'перстень'; *žāmaε* 'мечеть'; *rātəb* 'заработок', 'зарплата'; *hāik* 'хаик (женская одежда)';

б) большая группа имен прилагательных: *wāzar* 'трудный', 'тяжелый'; *māləh* 'нормально соленый'; *sākət* 'молчаливый'; *hār* 'острый', 'горький' (удвоенный корень); *bārəd* 'холодный'; *žāməd* 'твердый', 'застывший', 'прочный'; *gāli* 'дорогой' (недостаточный корень); *šārəf* 'старый'; *tāyeb* 'готовый (о пище)', 'зрелый (о плодах)';

в) имена числительные порядковые: *wāhəd*, *tāni*, *tālət*, *rābaε*, *hāməs*, *sādəs*... 'первый', 'второй', 'третий', 'четвертый', 'пятый', 'шестой'...

CCVC — это широко представленная модель, по которой образуются:

а) имена существительные (обычно конкретного, предметного значения): *ktāb* 'книга'; *šrāb* 'вино'; *trāb* 'земля', 'почва'; *lsān* 'язык'; *flān* 'некто'; *ftōr* 'завтрак'; $\varepsilon^a rūs$ 'жених'; *trəq* 'путь', 'дорога'; *tbib* 'доктор'; *itīm* 'сирота'; *blis* 'дьявол'; *hlīb* 'молоко'; *hlie* 'каурма';

б) имена прилагательные: *hfif* 'легкий'; *ždid* 'новый'; *hbib* 'любимый'; *sgər* 'маленький'; *kbir* 'большой'; *krīm* 'благородный'; *rħəš* 'дешевый'; *qbih* 'плохой', 'злой'; *bēid* 'далекый'; *tqəl* 'тяжелый'; *rqəq* 'тонкий';

в) масдары:

CCāC — эта модель соответствует обычно литературным *faēāl*, *fiēāl*, *fuēāl*: *bzāq* 'плевок (действие)'; *tlāb* 'требование'; *ndām* 'чувство стыда'; *žwāž* 'женитьба', 'состояние в браке'; *žwār* 'соседство'; *žwāb* 'ответ («отвечание»);

CCūC — так же как и в литературном языке по этой модели образуются масдары (I породы) от глаголов движения, связанного обычно с перемещением субъекта в пространстве:

dḥōl 'вход (действие)'; *ḥrūž* 'выход (действие)'; *ržūe* 'возвращение'; *rkūb* 'посадка верхом (действие)'; *tḷōe* 'подъем';

CCiC — известно, что в литературном языке рамки модели *faēil* ограничиваются преимущественно масдарами, образованными от глаголов, передающих громкие крики различного рода. В марокканском диалекте она, напротив, представлена даже богаче, чем модели CCāC и CCūC: *shēq* 'испускание громких криков', 'визжание'; *tḥēq* 'смех (действие)'; *šēil* 'зажигание'; *štēh* 'танец («танцевание»); *tbiḥ* 'приготовление пищи'; *hdēr* 'разговор («разговаривание»); *knīs* 'подметание'; *hrēb* 'убегание'; *hfēr* 'копание';

CCVCa — по этой широко представленной модели образуются:

а) имена существительные женского рода, как имеющие мужские параллели, так и не имеющие их (имена собственно женского рода и имена единичности): *flāna* 'такая-то'; *žrōḥa* 'рана'; *škāra* 'сумка (мужская)', *ε^amāma* 'чалма'; *bāša* 'место', 'площадь'; *slāma* 'спокойствие', 'благополучие', 'мир'; *gnāya* 'песня'; *hšūma* 'стыдливость', 'стыд';

б) масдары (I породы):

CCāCa — соответствует обычно моделям литературного языка *fiēāl(a)*, *faēāl(a)*: *qrāya* 'чтение'; *zyāra* 'посещение'; *ktāba* 'писание'; *ḥyāta* 'портняжничество'; *ḥtāna* 'обрезание'; *dmāna* 'ручательство';

CCūCa — полностью соответствует литературной модели *fu-ēūla* и служит для образования масдаров, передающих физическое состояние: *rṭūba* 'мягкость'; *brūda* 'сырость'; *qdūma* 'постарение'; *ḥmōra* 'покраснение'.

Модель CVVCV в диалекте распространена шире, чем в литературном языке, где она ограничена главным образом арамейскими заимствованиями¹¹⁹. Из ее возможных разновидностей чаще всего встречается модель CāCūC: *sārū't* 'ключ'; *hānū't* 'лавка'; *qānū'n* 'правило', 'порядок', 'закон'; *bārū'd* 'порох'; *šābū'n* 'мыло'; *l-εāšō'ṛ* 'день Ашора'. Примеры моделей CāCāC (*šālā't* 'молитва'; *šābāh* 'утро'), CīCāC (*šēṭā'n* 'черт', 'шайтан'; *dīnā'ṛ* 'динар'), CūCūC (*sūdū's* 'шестая часть'; *rūbū'ε* 'четверть'; *tūlū't* 'треть' и т. п.), CīCūC (*zī-tū'n* 'оливки'; *līmū'n* 'лимон') встречаются реже.

CVCCVC — эта модель одна из самых распространенных в диалекте; служит для образования:

а) имен существительных, обозначающих постоянное занятие, профессию (соответствующих в литературном языке именам модели *faēēāl*): *kəddāb* 'лгун'; *wəkkāl* 'обжора'; *bənnāi* 'каменщик-строитель'; *bərrāh* 'глашатай'; *dəllāl* 'перекупщик',

¹¹⁹ R. Blachère et M. Gaudefroy-Demombynes, *Grammaire de l'arabe classique*, p. 89.

'аукционист'; *gazzār* 'мясник'; *ḥazzām* 'цирюльник', 'брадобрей'. Аналогичным образом образуются иногда имена, которым в литературном языке соответствует модель *fuzḡāl*, например: *təffāḥ* 'яблоки (собирает)'. Широко распространена модель CVCCaC: *səllūm* 'лестница'; *kəbbōt* 'пальто'; *kəmmūn* 'тмин', 'фенхель', 'каммон'; *fəllūs* 'цыпленок'; *ḥəllūf* 'свинья'¹²⁰;

б) причастий действительного залога для глаголов I породы (особенно от пустых глаголов): *ḡauwām* 'плавающий', 'плывущий'; *ḡauwād* 'спускающийся'; *ḡaddām* 'работающий', 'служащий'. Модель CVCCaC, употребляемой в функции причастия действительного залога, нередко отдается большее предпочтение, чем собственно «причастной» модели CaCVC. Во многом это можно объяснить тем, что значительная масса широкоупотребительных слов модели CaCVC воспринимается прежде всего как имена существительные («имена деятелей») или имена прилагательные с достаточно четкими лексическими значениями. Наглядным примером может служить слово *ḡaddām*, которое никогда не означает в диалекте 'работающий', но всегда 'негрятанка (служанка или невольница)', а отсюда не может быть употреблено как причастная форма: 'я работаю' — *āna ḡaddām*, но не — *āna ḡaddām* ('я негрятанка').

Марокканский диалект обладает по сравнению с литературным языком, очевидно, более широким выбором моделей, по которым образуются уменьшительные формы имен:

CCiyyVC — по этой модели образуется уменьшительная форма подавляющего количества имен мужского рода трехгласного корня: *klīyyib* 'собачонка'; *qlēyyib* 'сердечко'; *ktīyyib* 'книжка'; *srīyyer* 'кровать'; *ḡdīyyid* 'новенький'; *sḡeuyer* 'малюсенький'. В параллельной форме женского рода **CCiyyVCa** благодаря прибавлению конечного *-a* происходит выпадение гласного, предшествующего *C*, а группа *iyy* подвергается сильной редукции, переходя в *i* или еще чаще в *iʷ* и даже в *i*: *ḡdiʷda* 'новенькая'; *ḡfiʷfa* 'легоныкая'.

Для имен, образованных от пустых и недостаточных корней, модель **CCiyyVC** (CCiʷCa)¹²¹ принимает соответственно вид **CwīyyVC** (CwīʷCa) и **CCiwa**: *fwiyyer* 'мышонок'; *bwiyyit* 'комнатка'; *ḡwiyyib* 'седенький'; *kwiʷra* 'шарик', 'мячик'; *rwiʷha* 'запах (слабый)'; *ḡwiʷza* 'вещица', 'безделушка'; *mrwiʷa* 'маленькая женщина', 'женушка'; *hliwa* 'сладенькая'.

CCiCVC (CCiCca) — эта модель, которой в литературном

¹²⁰ Модели с геминированным *C*: CVCCiC (*sakkīn* 'нож'; *battīḥ* 'дыня'), CVCCVC (*sakkār* 'сахар'; *məuyit* 'мертвый') встречаются реже.

¹²¹ Здесь и далее в круглые скобки берется параллельная модель для имен женского рода.

языке соответствует модель *fusaylil*, служит для образования уменьшительной формы от имен, имеющих в основе четыре согласных: *gribal* 'маленькое сито'; *mnīšar* 'пилочка'; *brimla* 'бочонок'. Близкими по строению к данной модели оказываются модели имен трехсогласного корня CwīCVC и CCiCVC: *ṭwīžan* 'маленькая сковорода (из обожженной глины)'; *ḥwītām* 'колечко'; *kwiğat* 'клочок (бумаги)', 'карточка'; *rwižal* 'человечек'; *khēhal* 'черненький'.

CCiWC (CCiuCa) — очень распространенная, чисто диалектная модель: *shēwān (shēuna)* 'тепленький(-ая)'; *mlīwāḥ (mliuḥa)* 'хорошенький(-ая)'; *qtēwāṭ* 'котенок'; *ḥšiwāš* 'травка'.

CCiCi (CCiCiyya) — эта модель служит уменьшительной формой для имен, оканчивающихся на *i* (корневой или формообразующий): *krīsi* 'стульчик'; *zrēbiyya* 'коврик'.

Перечисленные модели — самые характерные и употребительные, но не исчерпывающие список возможных моделей, по которым строятся имена уменьшительные. Так, имена собственные (особенно женского рода) могут образовывать целую гамму уменьшительных форм: *fīṭma, faṭṭom, faṭṭoma, faṭna, fāmō* от *fāṭima* 'Фатима'; *ḥmīdō, ḥmiyyūd* от *ḥmād* 'Ахмад'.

CVCCVC(a) — наиболее характерная модель для образования имен существительных от четырехсогласных корней: *māndil* 'платок'; *ḥarqōs* 'краска для подведения бровей'; *ḥarbūl* 'раскатанное тесто'; *fānžān* 'чашка'; *anqōd* 'кисть (виноградная)'; *šalwāš* 'обманщик', 'присыдох'; *šamrīr* 'шляпа (европейская)'; *karṃōš* 'инжир (собирает.)'; *žāglāfa* 'наконечник'; *ḥankāra* 'старый башмак'; *šardūla* 'отвислая нижняя губа'; *šaršāra* 'водопад', 'водный поток'; 'женщина'.

Модели имен, основы которых расширены аффиксами

Модели с префиксами *m-*, *t-*, *a-*

Префикс *m-* участвует в образовании нескольких именных моделей.

Модель **mVCCVC (mCVCCa)** соответствует обычно литературным моделям *mafeil(a)*, *mifeal(a)*, *mafeal(a)* и прежде всего служит для образования так называемых имен места и времени действия, имен орудия, а также имен с самым различным лексическим значением: *markāb* 'судно', 'корабль'; *marša* 'место для стоянки кораблей', 'порт'; *magrāb* 'Магриб', 'Марокко'; *maḥzan* 'правительство'; *maṭbāq* 'погреб', 'подвал'; *māskān* 'жилище'; *māšwār* 'дворец правительства'; *mkāḥla* 'ружье'; *mānšfa* 'полотенце', 'салфетка'; *meiša* 'жизнь', 'уровень жизни'; *mākla* 'еда', 'пища'.

Модели **mVCCāC**, **mVCCūC**, **mVCCiC** можно было бы представить в виде одной общей — **mVCCV̄C**, поскольку очень часто лексические значения образованных по ним слов совпадают друг с другом.

Модель **mVCCaC** служит для образования:

а) имен прилагательных усиленного качества: *məzyān* 'хороший'; *məškāk* 'недоверчивый'; *məshāb* 'скупой'; *məryāg* 'слюнявый'; *məryār* 'завистливый'; *mədyān* 'должник'; *məḥ-sād* 'ревнивый';

б) имен существительных (имен орудия): *məhtāf* 'крюк', 'крючок'; *mənsār* 'пила'; *məsmār* 'гвоздь'; *mṛāya* 'зеркало'; *məzmār* 'жаровня'; *məftāḥ* 'ключ (технический и т. п.)'; *mizān* 'весы'; *məqdār* 'необожженный кирпич'.

Модель **mVCCūC** служит для образования:

а) причастий страдательного залога от глаголов I поро- ды: *məqt̄q̄e* 'разрезанный', 'порезанный'; *mərfūd* 'поднятый'; *məskūn* 'заселенный', 'обитаемый'; *məfr̄oz* 'вышитый'; *mətfi* 'потушенный'; *məkri* 'нанятый', 'снятый'; *məsdūd* 'закрытый', 'запертый'; *məhlūl* 'открытый', 'незапертый';

б) имен прилагательных (адъективированные причастия): *məhbūl* 'помешанный', 'сумасшедший'; *məzr̄oh* 'раненый'; *məḥ-būs* 'заключенный (в тюрьму)'; *mərf̄oq* 'умеренный (о цене)'; *meseūd* 'счастливый', 'преуспевающий';

в) имен существительных (субстантивированные причастия): *mədhūl* 'доход'; *məṣr̄oḥ(āt)* 'расход(ы)'; *məzdūl* 'шелковая перевязь через плечо'; *mərhūm* 'покойный', 'покойник'; *məzyūd* 'новорожденный'; *məseūd* 'Мас'уд (имя собственное)'.

Модель **mVCCiC(a)**, функционально сходная с моделью **mVCCūC**, представлена в диалекте беднее: *məskin* 'несчаст- ный', 'бедный'; *məṣwi* 'жаренный (на огне)'; *mərm̄əṭa* 'кастрюля', 'котелок'.

Модель **mətCāCCa** служит для образования масдаров. Это своеобразный гибрид III и VI пород (*mufāʿala* и *tafāʿul*), обязанный своим происхождением, очевидно, тому, что в диа- лекте обе породы семантически очень близки друг к другу (в большей степени, чем в литературном языке), и не удиви- тельно, что им соответствует общая модель отглагольного имени: *mətšārka* 'соучастие'; *mətšāura* 'совещание'; *mətwāf- qa* 'достижение соглашения', 'согласие'; *mətsābqa* 'соперни- чество'.

Префикс *t-* участвует главным образом в образовании моделей масдаров.

tVCCiC — модель масдара II породы, очень продуктивная и наиболее полно представленная среди прочих моделей мас- даров производных пород: *təṣbēn* 'мойка', 'мытьё'; *təbdil* 'замена'; *təbrīd* 'охлаждение'; *tədhīb* 'золочение'; *tədrīb*

'подготовка', 'обучение', 'тренировка'; *tədlis* 'обман', 'надувательство (в торговле)'.
В марокканском диалекте параллельно с моделью *tVCCiC*

широкое распространение получает модель *tVCCāC*: *təbdāl* 'замена'; *tədrāb* 'подготовка', 'тренировка'; *təbyār* 'зарывание в землю', 'силосование'; *təbšār* 'ослепление'; *təbžāḥ* 'выставление напоказ'; *təbdār* 'растрачивание'; *tədkār* 'восстановление в памяти', 'припоминание'; *tədfān* 'погребение'¹²².

Модель *tCVCCVC* служит для образования масдаров V породы: *tqaddəm* 'продвижение вперед', 'прогресс'; *təahḥol* 'вторжение', 'вмешательство'.

Масдары V породы в диалекте отличаются той характерной особенностью, что могут принимать вид *tāCVCCVC̄t*: *tāḡeyyūr̄t* 'изменение'; *tākəbbūr̄t* 'самовозвеличение', 'бахвальство', 'зазнайство' и т. п. Подобная инновация, по всей вероятности, — следствие активного непосредственного влияния на диалект берберского языка: начальный *t*- масдара V породы воспринимается, очевидно, как начальный *t*- в именах, образованных по сходной берберской модели *tāCVCCaCVt*, и все слово по аналогии с этими именами изменяет свое консонантное и вокалическое оформление.

Берберские модели *tāCVCCāCVt*, *tāCCaCīt* (для трехгласных корней) и *tāCCāCCīt* (для четырехгласных корней), служащие для образования имен профессии или занятия, очень продуктивны в марокканском диалекте. Здесь за именами этих моделей закреплено достаточно определенное значение — служить абстрактным названием какой-либо профессии или деятельности: *taḥəddādət* 'литейное ремесло'; *taḥərrāzət* 'сапожное ремесло'; *tadəbbāḡət* 'кожевенное ремесло'; *tadər-rāzət* 'ткацкое ремесло'; *tanəžžārət* 'столярное дело'; *tafəḥ-ḥārət* 'гончарное ремесло'; *tašammārət* 'кузнечное ремесло'; *taqzādrīt* 'скобяное ремесло'; *tablāltēt* 'ремесло изготовления лодок, судов и т. п.'; *taqrāšlīt* 'ремесло производства шерсточесалок'; *tarwābzīt* 'ремесло производства кузнечных мехов'; *tabənnāit* 'ремесло строителя-каменщика'; *tahrāmīt* 'мошеничество'.

Другие берберские модели с начальным *t*- представлены в диалекте беднее предыдущих, а имена, образованные по ним, оказываются лексическими единицами с самым различ-

¹²² Подобное явление присуще не только марокканскому диалекту, оно составляет, например, одну из характерных черт мавританского диалекта «хассания», где модель *təCCāC* доминирует по сравнению с *təCCiC* (см. М. Cohen, *Le dialecte arabe Hassāniya de Mauritanie*, pp. 192—193).

Спорадически модель *taCCāC* встречается и в литературном языке и причисляется некоторыми авторами также к масдарам II породы (см. R. Blachère et M. Gaudelroy-Demombynes, *Grammaire de l'arabe classique*, p. 84).

ным значением: *tāgra* 'котел, врытый в землю'; *tbānta* 'кожаный передник (кузнечное ремесло)'; *tarudant* 'Тарудант (город)'; *tānsift* 'Тенсифт (река)'.

Модель **tCāCVС**, соответствующая литературной модели масдара VI породы *tafāeul*, не характерна для марокканского диалекта и практически всегда находит себе эквивалент или замену в новой диалектной модели **mətCāCCa** (см. выше, стр. 74), например: *tsābəq* и *mətsābqa* 'соперничество'.

Префикс *a-*. Особенностью магребских диалектов вообще и марокканского в частности являются имена с префиксом *a-*. Часть из таких имен — берберские заимствования в марокканском диалекте, а часть — слова неберберского происхождения (обычно арабского), подвергшиеся «берберизации». К первым относятся, например: *agwal* 'вид барабана'; *amdar* 'ветка'; *afrur* 'красные гончарные изделия'; *angor* 'дыра (в ограде)'; *abərgūr* 'кускус из ячменя'; *abžau* 'маленькая птичка'; *aḡrūt* 'тенок (до года)'; *adkək* 'петух' (горские говоры); ко вторым — *amrah* 'широкое ровное пространство' (араб. *سراج*); *aqrab* 'сумка из пальмовых листьев' (возможно, от араб. *قراب*); *aḡšuš* 'гнездо' (араб. корень *εŠŠ*); *ātāy* 'чай' (от исп. *té* или англ. *tea*¹²³).

Лексическое значение имен с берберским префиксом *a-* может быть самым разнообразным, и дать им более или менее общую и определенную характеристику трудно.

Группа моделей с суффиксами

CVCCān — по этой модели, которая соответствует нескольким моделям литературного языка (*faelān, fuelān, fielān, faealān*), образуются:

а) имена прилагательные (интенсивного качества, приближающиеся в этом значении к именам модели **mVCCāC**): *εayūān* 'нездоровый', 'усталый'; *həšmān* 'стыдливый', 'смущенный'; *εaryān* 'голый', 'обнаженный'; *səkrān* 'пьяный'; *žieān* 'голодный'; *šəbeān* 'сытый'; *fərhān* 'радостный', 'веселый', 'довольный'; *ḡəlṭān* 'ошибшийся', 'не правый'; *zaefāl* 'сердитый', 'рассерженный'¹²⁴;

б) имена существительные с самыми разнообразными значениями (часто относятся к таким лексическим единицам,

¹²³ Независимо от того, из какого языка пришло это слово в марокканский диалект, попало оно в него через берберский язык, на что указывают префикс *a-*, а также особенности синтаксического употребления этого слова — оно никогда не принимает арабского определенного артикля *l-*.

¹²⁴ Нетрудно заметить характерную черту прилагательных модели **CVCCān** — они служат для передачи качества весьма интенсивного, но в то же время преходящего, непостоянного.

которые не имеют для себя соответствующих пар женского рода, образуемых при помощи прибавления суффикса *-a* к конечному суффиксу *-ān*): *šaʿbān* 'Шаабан (название месяца мусульманского календаря)'; *ramdān* 'Рамадан (название месяца мусульманского календаря)'; *ṣoltān* 'султан'; *qəbtān* 'капитан', 'офицер'; *insān* 'человек'; *qəftān* 'кафтан';

в) масдары (I породы), причем так же, как и в литературном языке, обычно от неправильных глаголов (удвоенных, пустых, недостаточных): *rəddān* 'ответное действие', 'возвращение чего-либо'; *ṣəbbān* 'наливание'; *təhān* 'падение'; *ṣəmān* 'пост (процесс)'; *bənyān* 'строительство' и несравненно реже — от нормальных глаголов: *fəšlān* 'ослабление', 'отступление'.

Лексическое значение масдаров модели CVCCān весьма неопределенно, поскольку практически самостоятельного употребления они, очевидно, не имеют и встречаются главным образом в определенных синтаксических оборотах, играя роль так называемого абсолютного объекта *mafʿūl muṭlaq* (см. стр. 119).

Одним из самых обширных в диалекте является класс именных моделей, в которых присутствует суффикс *-i*. При помощи суффикса *-i* образуются многочисленные относительные имена прилагательные, многие из которых часто подвергаются субстантивации, а также имена существительные, обозначающие предметы и инструменты или служащие названиями профессий или постоянных занятий чем-либо и т. д.

CVCCi — *ʿarbi* 'арабский', 'араб (бедуин)'; *zəbli* 'горский', 'горец'; *šarǧi* 'восточный', 'шерги (восточный суховея)'; *haulī* 'молодой барашек'; *ǧalmī* 'бараний' — 'баранина'; *ḥudmi* 'нож (мясника)'; *kursi* 'стул', 'сидение'; CVCi — *rōmi* 'европейский';

CCVCi — *rmādi* 'пепельный', 'серый'; *iḥūdi* 'еврейский', 'еврей';

CCāiCi — *kfāiti* 'шашлычник'; *ḥṣāiṣi* 'курильщик кифа', 'наркоман';

CCāCCi — *ḥwānti* 'лавочник', 'бакалейщик'; *brāmi* 'бондарь', 'водонос (в Танжере)';

CVCCiyya¹²⁵ — по этой модели, исторически восходящей к форме женского рода для имен, рассмотренных выше, в диалекте, так же как и в литературном языке, образуются: имена существительные (женского рода), передающие самые различные абстрактные понятия, а также имена, служащие названиями конкретных предметов: *ʿaqluyya* 'разум', 'ум'; *ṣətwiyya* 'зимний период'; *ṣəyfiyya* 'летний период'; *dərriyya* 'детвора'; *məlkiyya* 'собственность'; *zərbiyya* 'ковер'; *səbniyya*

¹²⁵ Суффикс *-iyya* в данном случае не просто сумма суффиксов *-i* и *-a*, но самостоятельная морфема. Анализ ее возникновения см.: В. П. Старинин. *Лингвистические заметки арабиста*, стр. 76—78.

ул 'женский (шелковый) платок'; *šāšiyya* 'шашля (головной убор типа тибетейки)'.
Семантически близки к суффиксам *-i* и *-iyya* родственные им суффиксы *-āni*, *-āniyya*, *-āwi*. Первый из них служит в основном для образования относительных имен прилагательных, большинство из которых объединяется достаточно определенным общим значением: уточнение положения объекта в пространстве или во времени: *fōqāni* 'верхний'; *tāhtāni* 'нижний'; *woštāni* 'центральный', 'срединный'; *loḡlāni* 'первый'; *baḡḡāni* 'внешний'; 'иностранный' — и наряду с этим: *wəhdāni* 'один', 'единственный', 'одинокий'; *šibāni* 'пожилой', 'седой'.

Суффикс *-āniyya*, когда он не является просто суммой двух суффиксов *-āni* + *-a* (в формах женского рода для приведенных выше имен), может выступать как единая морфема, служащая для образования имен абстрактных и масдаров (от неправильных глаголов): *nasrāniyya* 'христианство'; *toḡlāniyya* 'длительность'; *wartāniyya* 'наследование', 'наследство'.

Суффикс *-āwi* участвует обычно в образовании имен относительных, имеющих в основе недостаточные или пустые корни: *smāwi* 'лазурный', 'небесного цвета'; *slāwi* 'из города Сала'; 'житель Сала'; *eišāwi* 'принадлежащий религиозному братству *eišāwa*'; *frānšāwi* 'французский', 'француз'.

В марокканском диалекте встречаются имена с суффиксом *-ži* (турецкого происхождения), но реже, чем в других магрибских диалектах (туниском, алжирском и прочих, которые подверглись в свое время непосредственному влиянию турецкого языка). Эти имена всегда отличаются общим лексическим значением — они служат названиями деятелей определенных занятий или профессий: *qahwāži* 'держатель кафе (не европейского)'; *boštāži* 'почтальон', 'почтовый работник'; *furn-ži* 'истопник'.

РОД

Как и вообще в арабском языке, грамматическая категория рода имен выражена в марокканском диалекте достаточно четко. Здесь различаются два рода — мужской и женский.

Для мужского рода в литературном языке и во многих арабских диалектах не существует специальных морфологических показателей (если не считать окончания на согласный). В марокканском диалекте в этом отношении имеются «нововведения»: все имена, в которых присутствует берберский префикс *a-* (см. стр. 76), относятся к мужскому роду.

К женскому роду относятся имена с конечным суффиксом *-a*, которому в литературном языке соответствуют окончания имен женского рода на «та» марбута» ة (مدينة 'город'), некорневые «алиф мамдуда» آ (آء 'пустыня') и «алиф максура» ع

или ا (دعوى 'иск', 'тяжба', دنيا 'мир'): *mdīna* 'город'; *ṣaḥra* 'Сахара', *daʿwa* 'дело', 'тяжба'; *dunya* 'мир'.

Следует отметить, что в именах, исторически оканчивающихся на «та' марбута», при их беспредложном определении именем (местоимением) восстанавливается *-t*: *mra* 'женщина', 'жена' — *mṛātō* 'его жена'; *žrida* 'газета' — *žridat al-ealām* 'газета «аль-Алям»'.

По аналогии с именами женского рода типа *mra* 'женщина', 'жена'; *ε^aša* 'палка'; *rha* 'маленькая ручная мельница' в группу женского рода попадают такие имена, как *gda* 'обед', *ε^aša* 'ужин' (в литературном языке относятся к именам мужского рода); причем в этих словах при их беспредложном определении именем или местоимением даже может «восстанавливаться» *-t*: *gdātō* 'его обед'; *ε^ašātna* 'наш ужин'.

Очевидно, в сознании носителей диалекта конечный *-t* весьма прочно связывается с принадлежностью имени к женскому роду. Этим можно объяснить тот факт, что некоторые слова с конечным *-t* корневым, исторически относящиеся к мужскому роду (*hānūt* 'лавка'; *bēt* 'комната'; *zēt* 'масло'; *sārūt* 'ключ'), оказываются именами женского рода: конечный *-t* воспринимается как признак женского рода (ср. в русском просторечии: *кофе душистое*).

К женскому роду относятся все имена, образованные по берберским моделям с начальным префиксом *t-* (см. стр. 75).

Морфологические признаки не являются единственными, по которым в арабском языке происходит разделение имен по роду. К тому же они не самые древние: «...Первоначально принадлежность к тому или иному роду определялась по значению»¹²⁶. До сих пор в арабском языке сохраняется много слов, принадлежащих к определенному роду вне связи с их формальными признаками. К женскому роду относятся все собственные и нарицательные имена женщин, а также существ женского пола, большое количество названий стран, населенных пунктов, названия времен года, названия парных частей тела, имена собирательные, от которых не образуются имена единичности: *zīnāb* 'Зейнеб (имя собственное)'; *māryam* 'Марьям (имя собственное)'; *umm* 'мать'; *bānt* 'девочка', 'дочь'; *maṣr* 'Египет'; *tūnis* 'Тунис'; *rbīʿ* 'весна'; *šta* 'зима'¹²⁷; *ūdān*

¹²⁶ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 268. Эта точка зрения является общепризнанной для семитских языков.

¹²⁷ Это слово тем более оказывается в ряду имен женского рода, поскольку оканчивается на *-a*; в то же время *ḥrīf* 'осень', *šēf* 'лето' оказываются именами общего рода, т. е. такими, согласование с которыми возможно в любом роде. К подобным именам в диалекте относятся также *bīb* 'дверь', *lham* 'мясо', *sma* 'лебо', *mūs* 'лож', 'бритва', *žāmaʿ* 'мечеть', *sakkīn* 'лож (большой)'.

'ухо'; *yidd* 'рука'; *ržal* 'нога'¹²⁸; *rnəb* 'заяц'; *gləm* 'мелкий рогатый скот'; *ləft* 'репа'.

К именам женского рода относятся также некоторые слова, которые не имеют соответствующих морфологических признаков и не могут в то же время быть причисленными ни к одной из названных выше групп: (*l*)*arđ* 'земля'; *saqrəb* 'скорпион'; *əankbūt* 'паутина'; *blād* 'страна'; *ḍār* 'дом'; *ḥātəm* 'кольцо (на пальце)'; *kərs* 'желудок'; *mūt* 'смерть'; *rōh* 'душа'; *šōf* 'шерсть'; *šəmš* 'солнце'; *trəq* 'путь', 'дорога'; *ʿasəl* 'мед'.

В диалекте процесс формализации имен по роду идет, очевидно, интенсивнее, чем в литературном языке. Иллюстрацией могут служить примеры, когда имя, по значению или употреблению относящееся к женскому роду, но не имеющее в литературном языке формальных признаков женского рода, в диалекте получает таковые в качестве дополнительных: *ʿarqša* 'невеста', 'новобрачная' (лит. *əarūs*); *ʿāžūza* 'старуха' (лит. *əažūz*); *kəbda* 'печень' (лит. *kabid*); *ḍarša* 'коренной зуб' (лит. *ḍirs*).

В арабском языке вообще и в марокканском диалекте в частности форма женского рода на *-a* может выступать и как чисто функциональная и служить:

а) для образования имени единичности (противопоставляемого имени собирательному, родовому) или имени однократности действия: *ḥūt* 'рыба (собирает.)' — *ḥūta* 'рыба (одна рыбина)'; *bəttiḥ* 'дыня (собирает.)' — *bəttiḥa* 'дыня (одна штука)'; *tūm* 'чеснок' — *tūma* 'головка чеснока'; *ḥdīd* 'железо', 'металл' — *ḥdīda* 'кусок железа', 'кусок металла'; *ḍarḥ* 'нанесение ударов' — *ḍarba* 'удар'; *žarḥ* 'нанесение ранений' — *žarḥa* 'рана', 'ранение'; *kəḍəb* 'лганье' — *kəḍba* 'ложь (факт)';

б) одним из средств образования уменьшительных форм: *ḍār* 'дом' — *ḍwəra* 'домик', 'домишко'; *ržal* 'нога' — *ržila* 'ножка'; *yidd* 'рука' — *idīda* 'ручка'; *sōq* 'рынок', 'базар' — *swiqa* 'небольшой базарчик'.

Наконец, форму женского рода имеют также имена абстрактные и ряд моделей масдаров (см. выше).

ЧИСЛО

Категория числа в арабском языке органически присуща именам существительным и местоимениям; для имен прилагательных и глаголов эта категория — функциональная.

В литературном арабском языке, как известно, различает-

¹²⁸ Под влиянием берберского субстрата в отдельных говорах (например, танжерском) некоторые имена, обозначающие парные части тела (*ržal* 'нога', *yidd* 'рука'), становятся именами мужского рода.

ся три числа: единственное, двойственное и множественное, причем все три формы числа в общем в равной мере выражены в именах, местоимениях и глаголах.

В именах единственное число не имеет специальных морфологических показателей. Двойственное число образуется от основы единственного числа (после опущения падежного окончания) при помощи суффиксов *-āni* (именительный падеж) и *-auni* (косвенный падеж). Для множественного числа существует два способа образования: 1) «правильный» — при помощи падежных окончаний *-īna*, *-īna* (для мужского рода) и окончания *-āt* (для женского рода), добавляемых к основе единственного числа, и 2) «неправильный» — путем изменений внутри основы слова. При этом модели единственного числа, за исключением редких случаев, не отличаются от моделей неправильного множественного числа.

В марокканском диалекте, как и в литературном арабском языке, единственное число в именах не имеет специальных морфологических показателей, а его модели также совпадают с моделями неправильного множественного числа.

Двойственное число, исчезнувшее в местоимениях и глаголах, в именах употребляется крайне редко, выступая по существу как пережиточная форма; образуется путем присоединения к имени единственного числа окончания *-āin*, не изменяемого по падежам (категория склонения в диалекте отсутствует). Количество примеров ограничивается несколькими именами числительными (*mya* 'сто' — *myāt-āin* 'двести'; *ālaf* 'тысяча' — *ālf-āin* 'две тысячи'; *malyōn* 'миллион' — *malyōn-āin* 'два миллиона') и именами, обозначающими парные органы тела: *ʕain* 'глаз' — *ʕain-āin* 'два глаза'; *ūdān* 'ухо' — *ʕudn-āin* 'два уха'; *ʕidd* 'рука' — *ʕidd-āin* 'две руки'; *rʕal* 'нога' — *rʕāl-āin* 'две ноги'¹²⁹.

В остальных случаях форма двойственного числа, как правило, заменяется аналитической конструкцией, образуемой

---

¹²⁹ В северных городских говорах функциональная сфера двойственного числа суживается еще более. Здесь при употреблении имен, обозначающих парные органы тела, с местоименными аффиксами форма единственного числа служит для обозначения парных органов, если дополнительно нет каких-либо указателей, уточняющих число (Т. 219—220): *ūdān* 'ухо' — *ʕudn-ō ʔwāl* 'у него длинные уши', но *ʕudn-ō d'ālīmī'n* 'его правое ухо'; *ʕudn-ō d'ššmāl* 'его левое ухо'; (Т. 399) *ʕain* 'глаз' — *ʕain-ō kuḥal* 'у него черные глаза'; *ʕain-ō ḥmarō* 'у него покраснели глаза', но *ʕain-ō d'ālīmī'n* 'его правый глаз'.

Равным образом в именах, обозначающих парные предметы, для передачи всей пары употребляется обычно не двойственное число, а единственное: *bālga* 'пара бабуш' (национальная марокканская обувь); *dāblīž* 'пара браслетов'; *šabbāt* 'пара ботинок'. Для передачи одного предмета из пары используется аналитическая конструкция *fārda d-...: fārda d-al-bālga* 'один бабуш'; *fārda d-aš-šabbāt* 'один ботинок'.

словом *žūž* 'пара' плюс аннексионная частица *d-* плюс имя во множественном числе: *žūž d-ər-rʒāl* 'два человека'; *žūž d-ət-tirān* 'два быка'.

Множественное число в диалекте, как и в литературном языке, имеет два способа образования: 1) правильный (суффиксальный) и 2) неправильный (внутреннего образования).

К первому способу относятся формы множественного числа, образуемые при помощи суффиксов *-in*, *-āt*, *-a*, *-ān* (выступают как неизменяемые по падежам окончания).

Суффикс *-in* участвует главным образом в образовании множественного числа имен прилагательных самого различного происхождения и самых разнообразных моделей (включая и имена прилагательные уменьшительные), а также несубстантивированных причастий: *mārkānti* 'богатый', 'зажиточный' — *mārkantiyy-in*; *hlō* 'сладкий' — *hluw-w-in*; *ɛaryān* 'голый', 'обнаженный', 'раздетый' — *ɛaryān-in*; *gāššāš* 'ленивый', 'неповоротливый' — *gāššāš-in*; *sgeyyer* 'малюсенький' — *sgeir-in*; *šhīwān* 'горяченький' — *šhiun-in*; *meyuit* 'мертвый' — *mēit-in*; *ɛālām* 'знающий' — *ɛālm-in*.

Суффикс *-in* в целом может быть охарактеризован в диалекте как суффикс множественного числа адъективированных именных образований, противопоставляемый формам множественного числа субстантивных именных образований (преимущественно неправильным). Например, от одной и той же формы единственного числа причастий действительного залога I породы CaCVC в зависимости от выполняемой функции образуются две формы множественного числа CaCCin и CuCaCa: *ɛālām* 'знающий' — *ma kānu-š ɛālm-in* 'им не было известно' (букв. 'они не были знающими'), но *ɛālām* 'ученый' — *ma kānu-š ɛulāma* 'они не были учеными'; аналогичным образом: *žāhəl* 'незнающий', 'несведущий' — мн. ч. *žāhl-in*, но *žāhəl* 'глупец' — мн. ч. *žuhāla*.

Суффикс *-āt* служит для образования множественного числа субстантивированных причастий и имен прилагательных, обозначающих лиц женского пола¹³⁰: *mselm-āt* 'мусульманки'; *frānšāwiyy-āt* 'француженки'; *barrāniyy-āt* 'иностранки'; *žmil-āt* 'красавицы'; *mārkantiyy-āt* 'богачки'.

¹³⁰ Для несубстантивированных причастий во множественном числе, независимо от родовой принадлежности имен, к которым они относятся в марокканском диалекте в отличие от литературного арабского языка, обычным окончанием служит *-in*. Ср. *l-wuld gālās* 'мальчик сидит' (букв. 'мальчик сидящий') — мн. ч. *l-awlād gāls-in*; *l-bant gālsa* 'девочка сидит' (букв. 'девочка сидящая') — мн. ч. *l-bnāt gāls-in*. В литературном языке — соответственно: *'al-walad(u) gālis(un)* — мн. ч. *'al-awlād(u) gālis-ūna*; *'al-bint(u) gālisat(un)* — мн. ч. *'al-banāt(u) gālis-āt(un)*. Аналогичным образом: *mkāssra* 'разбитая' — мн. ч. *mkāssr-in*, но не *mkāssr-āt*; *mwessha* 'запачканная', 'грязная' — мн. ч. *mwessh-in*, но не *mwessh-āt*.

При помощи суффикса *-āt* образуют множественное число имена существительные женского рода, обычно имена единичности или однократности действия, восходящие к именам собирательным: *hōḥa* 'персик (одна штука)' — *hōḥāt*; *bəttiḥa* 'дыня (одна штука)' — *bəttiḥāt*; *darba* 'удар' — *darbāt*; *ʕauda* 'лошадь' — *ʕaudāt*; *žarḥa* 'рана' — *žarḥāt*.

Имена существительные женского рода, не выступающие в качестве словообразовательных пар для имен мужского рода или не являющиеся именами единичности по отношению к соответствующим собирательным именам (мужского рода), могут образовывать множественное число как при помощи суффикса *-āt*, так и путем внутренней флексии (особенно при счете): *sāʕa* 'час' — *sāʕāt* или *sʕāyās*; *sənsla* 'цепь', 'цепочка' — *sənslāt* или *snāsəl*; *ʕārūsa* 'невеста' — *ʕārūsāt* или *ʕārāyəs*.

Суффикс *-āt* участвует в образовании множественного числа от уменьшительных форм имен существительных как женского рода, так и целого ряда имен мужского рода: *bnīta* 'девочка' — *bnītāt*; *lʕwiza* 'миндалинка' — *lʕwizāt*; *ržila* 'ножка' — *ržilāt*; *trəyyaf* 'кончик', 'кусочек' — *trəyifāt*; *kʕwiyyəs* 'стаканчик' — *kʕwīsāt*; *mlīyīž* 'кусочек мяса' — *mlīizāt*.

В именах женского рода, исторически восходящих к недостаточному корню, при образовании множественного числа обычно происходит восстановление конечного корневого полугласного: *ʕāša* 'ужич' — *ʕāšawāt*; *gda* 'обед' — *gdawāt*; *sma* 'небо' — *smawāt*; *bʕa* 'письмо' — *bʕawāt*.

При помощи суффикса *-āt* образуют множественное число некоторые имена существительные мужского рода (арабского происхождения) модели CCaC: *žnān* 'сад' — *žnānāt*; *žwāb* 'ответ', 'письмо' — *žwābāt*; *nhār* 'день' — *nhārāt*. Аналогичным путем строится множественное число у большинства заимствованных имен: *bābōr* 'корабль (винтовой)'; 'локомотив' — *bābōrāt*; *məṭra* 'метр' — *məṭrāt*; *mākina* 'машина' — *mākināt*; *grām* 'грамм' — *grāmāt*; *kilo* 'кило' — *kilōwāt*; *bīro* 'рабочий кабинет', 'бюро' — *bīrōwāt*.

Суффикс *-a* служит для образования множественного числа от имен профессии модели CVCCaC (*gezzār* 'мясник' — *gezzāra*; *šannāš* 'ремесленник' — *šannāša*; *ḥažžām* 'брадобрей' — *ḥažžāma*; *ḥərrāz* 'сапожник' — *ḥərrāza*), а также множественного числа субстантивированных имен прилагательных, обозначающих название деятеля или профессий: *kfāiti* 'шашлычник' — *kfāitiyya*; *ḥšāiši* 'курильщик кифа', 'наркоман' — *ḥšāišiyya*; *ḥwānti* 'лавочник' — *ḥwāntiyya*; *ḥrāimi* 'преступный', 'преступник', 'злоумышленник' — *ḥrāimiyya*; *flāiki* 'лодочник' — *flāikiyya*.

Некоторые имена мужского рода берберской модели с начальным *a-* образуют множественное число путем прибавления

к именной основе суффикса *-ān*: *aqrab* 'сумка из пальмовых листьев' — *aqorbān*; *agwal* 'барабан «агваль»' — *agulān*; *amdar* 'ветка' — *amdrān*; *angor* 'дыра' — *angrān*; *agrur* 'жилище', 'жилье' — *agrurān*. Эта довольно редкая форма множественного числа распространена преимущественно в говорах горцев, т. е. там, где влияние берберского языка проявляется полнее всего.

Для второго способа образования множественного числа — путем внутренней флексии или путем комбинации внутренней и внешней флексии (так называемое разбитое, или ломаное, или неправильное множественное число) — в диалекте, как и в литературном языке, насчитывается большое количество моделей, каждая из которых лишь весьма условно может быть определена формально и семантически. Отсюда задача выведения четких правил формальных и семантических соответствий при образовании форм ломаного множественного числа оказывается достаточно сложной и для своего исчерпывающего разрешения требует, очевидно, специального исследования. Приводимый ниже список диалектных моделей ломаного множественного числа не претендует на то, чтобы считаться абсолютно законченным; он может быть предложен лишь как предварительный, предполагающий существенные дополнения и коррективы в случае проведения специального углубленного исследования.

Модели

ломаного множественного числа

CCVC — по этой модели образуют множественное число обычно имена модели CVCCa, включая и имена с удвоенными и пустыми корнями: *gərba* 'бурдюк' — *grəb*; *rəzza* 'чалма' — *rzaʒ*; *qobba* 'купол' — *qbəb*; *fūta* 'тряпка', 'полотенце', 'салфетка' — *fwoʔ*; *hūma* 'квартал', 'район (в городе)' — *hwət*.

CVCCa — весьма редкая модель: *tāləb* 'студент', 'талев' — *toʔba*; *šrif* 'благородный', 'из потомков пророка' — *šorfa*.

CCaC — соответствует литературным *fiəal* и *'afəal*; имена этой модели образуются от различных моделей единственного числа: *kəbš* 'ягненок' — *kbāš*; *kəlb* 'собака' — *klāb*; *žbəl* 'гора' — *žbāl*; *rāžəl* 'человек', 'мужчина' — *ržāl*; *šahəb* 'друг' — *šhāb*; *wuld* 'ребенок' — *ūlād*; *səq* 'рынок', 'базар' — *swāq*; *bīr* 'колодец' — *byār*; *ždīd* 'новый' — *ždād*; *kbīr* 'большой' — *kbār*; *qlīl* 'малочисленный' — *qlāl*; *šhīh* 'здоровый' — *šhāh*.

CCūC — также весьма продуктивная модель, соответствует прежде всего литературной модели *fueul* и отчасти — *'afəul*; образует имена множественного числа от различных моделей единственного числа — CVCC, CVC, CCVC,

CCVC(a): *qəlb* 'сердце' — *qlüb*; *şeff* 'ряд' — *şfüf*; *həbs* 'тюрьма' — *hbūs*; *səlk* 'провода' — *slūk*; *bēt* 'комната' — *byūt*; *šəḥ* 'старец' — *šyūḥ*; *ktāb* 'книга' — *ktüb*; *mdīna* 'город' — *mdūn*.

CCaCa — соответствует модели *fuēūla* литературного языка и так же, как и там, часто употребляется в именах, обозначающих животных: *qərd* 'обезьяна' — *qrūda*; *nmər* 'тигр' — *nmūra*; *hənš* 'змея' — *hnūša*.

По модели CVCCāC, соответствующей в литературном языке *fuēēāl*, образует множественное число определенная группа слов модели CaCVC, лексически являющихся именами «деятелей», а морфологически — субстантивированными причастиями действительного залога I породы: *sārəḥ* 'пастух' — *surrāḥ*; *tāžər* 'купец', 'богатый человек' — *tužžār*; *qāid* 'каид', 'вождь племени' — *qeyyād*.

CVCCān — по этой модели образуются имена от самых различных моделей единственного числа; причем так же, как и в литературном языке, эта модель особенно характерна для имен, имеющих в основе пустые или недостаточные корни: *trəq* 'путь', 'дорога' — *torqān*; *gəzāl* 'газель', 'антилопа' — *gəzlan*; *bāb* 'дверь' — *bibān*; *fār* 'мышь' — *fīrān*; *kās* 'стакан' — *kīsān*; *wād* 'река' — *wīdān*; *rāse* 'пастух', 'пастырь' — *roeyān*.

CwāCVC — образует множественное число от имен единственного числа моделей CVVCVC или CVVCVC: *žāmae* 'мечеть' — *žwāmae*; *hātəm* 'кольцо' — *hwātəm*; *mōḍae* 'место' — *mwāḍae*; *hānūt* 'лавка' — *hwānət*; *kāgət* 'бумага', 'лист (бумаги)' — *kwāgət*; *tāžən* 'сковородка (из обожженной красной глины)' — *twāžən*.

CCāiC — соответствует литературной модели *faēā'il*, очень продуктивная диалектная модель, по которой образуется множественное число от имен модели CCVC(a): *msīd* 'школа' — *msāid*; *srīr* 'постель', 'ложе' — *srāer*; *bhēma* 'животное (домашнее)' — *bhāem*; *flūka* 'лодка', 'баркас' — *flāik*; *dqīqa* 'минута', 'мгновение' — *dqāeq*; *ε^arūsa* 'невеста', 'новобрачная' — *ε^arāyēs*.

CCāCi — эта модель характерна для имен, оканчивающихся в единственном числе на *-a* корневой или формообразующий (соответственно недостаточные или полные корни): *māqla* 'сковорода' — *mqāli*; *qahwa* 'кафе' — *qhāwi*; *kəlwa* 'почка' — *klāwi*; *šəniyuu* 'поднос' — *šwāni*; *mərša* 'порт' — *mṛāše*; *hənša* 'мешок' — *hnāši*; *māšta* 'расческа' — *mšāte*; *zarbiyuu* 'ковер' — *zrābi*.

CCāCa — служит для образования множественного числа от имен единственного числа модели CVCCi: *kursi* 'сиденье', 'стул' — *krāsa*; *hudmi* 'нож (мясника)' — *hdāma*; *žəbli* 'говец' — *žbāla*.

CuCāCa — соответствует литературной *fuēalā'*: *ēāləm* 'уче-

ный' — *ʕolāma*; *žāhəl* 'глупец' — *žuhāla*; *bḥəl* 'скупой' — *buhāla*; *ḍeīf* 'слабый' — *ḍeāfa*.

ССāСVC — по этой модели образуется множественное число большинства имен четырехсогласных корней, а также многих имен трехсогласных корней, имеющих в единственном числе схемы — CVCCVC, mVCCVC, mVCCVC: *ʕonḍoq* 'ящик' — *ʕnāḍoq*; *bərmil* 'бочка' — *bḡāməl*; *šərbil* 'вышитые женские туфли (пара)' — *šrābəl*; *dəbliž* 'пара браслетов' — *dbālāž*; *šəl-qūma* 'нижняя губа' — *šlāqəm*; *gərrāf* 'сосуд для воды', 'графин' — *grārāf*; *ḥallūf* 'свинья' — *ḥlālāf*; *šəbbāṭ* 'обувь', 'ботинок' — *šbābāṭ*; *məqbər* 'кладбище' — *mqābər*; *məsrūf* 'расход' — *msārāf*; *mənhār* 'нос' — *mnāḥor*.

Артикль

В современном арабском литературном языке может быть выделено три артикля: определенный артикль (препозитивный 'al, или только l), неопределенный артикль (постпозитивный n) и нулевой артикль (значащее отсутствие артикля)¹³¹. В марокканском диалекте также обнаруживаются все три случая употребления артикля, но с целым рядом особенностей, существенным образом отличающих его от литературного языка.

Определенный артикль l в диалекте, так же как и повсеместно в арабском языке, служит основным морфологическим средством выражения определенности имени.

Характерной чертой арабского определенного артикля является его способность ассимилироваться группой так называемых солнечных согласных: n, l, z, r, d, s, š и др.¹³². В марокканском диалекте к этой группе добавляется еще звонкий фрикативный передненёбный ž (см. стр. 21). Вокалическое оформление диалектного определенного артикля (наличие или отсутствие гласного, его количественная и качественная характеристика) зависит от занимаемой им позиции и его фонетического окружения — lā-, lə-, əl-, l-: l-kəbš 'барашек', 'ягненок'; had-əl-kəbš 'этот ягненок'; lə-kbāš 'ягнята'; lā-egūza 'старуха'; fəndaq ž-žəld 'кожевенный склад-магазин'; flilt l-əššor kəin mn n-nāš lli ʕatthūm kəidiru š-šo-ʕəāla fdārhum bḥal lā-ʕlāwuyen (В. 41, 20) 'имеются люди, например алавиты, которые накануне Ашора зажигают обычно во всем доме огни'.

Известно, что в арабском языке некоторые имена не получают морфологического выражения определенности и не принимают, таким образом, определенного артикля l-. К ним в

¹³¹ Классификация предложена Г. М. Габучаном. См. *К проблеме артикля в арабском литературном языке*, стр. 160—178.

¹³² См. подробнее Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 288—289.

марокканском диалекте, помимо ряда имен собственных или выступающих в роли первых членов идафных конструкций, относятся имена, образованные по берберским моделям на *a*- и на *t*- (см. стр. 75, 76), а также ряд отдельных слов: *bībi* 'индюк'; *ballārəž* 'аист'; *səksu* 'кускус'; *ħəzzɔ* 'морковь'; *mātə'šə* 'помидоры' и др.¹³³

В роли неопределенного артикля в диалекте в отличие от литературного языка употребляется препозитивный *waħd*, восходящий к числительному *wāħəd* 'один': *kān waħd lqāḏe kaiqbāt rršwa* (В. 81, 16) '(один) судья брал взятки'; *kān waħd rrāžəl kaiqōlu lə Žħa* (В. 21, 14) 'жил (один) человек, которого звали (его) Жха'. Как видно, неопределенный член *waħd* предшествует имени, уже оформленному определенным артиклем. Можно было бы предположить, что весь комплекс *waħd-əl-* выступает в роли неопределенного артикля. Но имеются примеры, когда неопределенность некоторых имен (не принимающих определенного артикля *l-*) оформляется только посредством *waħd*: *əandək waħd-ymmäk kə-tf šš k bəzzāf* (Т. 504) 'у тебя такая мать, которая (тебя) очень балует'.

Данное явление может служить иллюстрацией того, что процесс превращения слова *waħd* в неопределенный артикль продвинулся в марокканском диалекте дальше по сравнению с некоторыми другими арабскими диалектами, например сирийским, где слово *wāħid*, выступая в роли неопределенного члена, изменяется по родам¹³⁴. Вместе с тем этот процесс в марокканском диалекте далеко еще не завершен, например по сравнению с иракским диалектом, где соответствующее марокканскому *waħd* слово *fard* употребляется даже перед именем, стоящим во множественном или двойственном числе¹³⁵. Следует, правда, оговориться, что и в магрибских диалектах может наблюдаться аналогичное явление (например, оранские говоры Алжира¹³⁶), но здесь оно не может считаться типичным. Обычное употребление неопределенного члена *waħd* только с именами единственного числа свидетельствует о том, что он еще заметным образом сохраняет связь со своим исходным лексическим значением 'один'.

К средствам выражения неопределенности в диалекте также может быть отнесено неизменяемое слово *ši-*, исторически восходящее к неопределенному местоимению *šay*, причем оно в отличие от неопределенного члена *waħd* одинаковым обра-

¹³³ Подробнее см. R. S. Harrell, *A short reference grammar of Moroccan Arabic*, p. 190.

¹³⁴ Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 37.

¹³⁵ Там же, стр. 38.

¹³⁶ W. Maççais, *Textes arabes de Tanger*, p. 491. Аналогичным образом в фесском говоре *waħd* может предшествовать и имени во множественном числе.

зом может предшествовать как именам, стоящим в единственном числе, так и во множественном: *kān ʿlli bga išri šī hādēm wulla ʿabd* (В. 85, 3) 'тот, кто желал купить рабыню или раба'; *kaigāṭṭiūha b-šī zliifa* (В. 25, 8) 'накрывают ее крышкой (какой-нибудь)'; *huma bhal šī šnādāq kbār* (В. 43, 25) 'они, как большие сундуки'. И все же считать слово *šī* неопределенным артиклем, очевидно, нельзя — оно придает следующему за ним имени добавочное лексическое значение: *waš ʿandō šī ʿaud?* 'у него есть (какая-нибудь) лошадь?' — *ʿandō waḥd-əl-ʿaud* 'у него есть лошадь (не верблюд, автомобиль и т. д.)'; *waḥd-əl-məṛra* 'один (только) раз' — *šī məṛra* 'один раз (некогда, однажды)'; *u kān bāba'hom ḥalla šī-ḡnəm* (С. 79, LXXVIII) 'отец оставил им (небольшое) стадо овец'. Обращает на себя внимание и такая немаловажная деталь (не свойственная артиклям), как возможность употребления *šī* только перед одним (первым) именем, если имеется цепочка функционально однородных имен (см. приведенный выше пример из В. 85).

В литературном арабском языке значащее отсутствие артикля, соотносимое и сопоставляемое по своей семантической нагрузке и функции с положительными артиклями, определенным или неопределенным, связано в первую очередь со словосочетанием «идафа», т. е. словосочетанием типа «определяемое — несогласованное определение». В марокканском диалекте этот тип синтетической связи в отличие от литературного языка в значительной степени уступает свое место аналитическому типу (см. стр. 116—118), и рамки использования нулевого артикля в данном случае суживаются. В то же время в диалекте семантическая и функциональная сферы значащего отсутствия артикля в целом оказываются шире, поскольку здесь с нулевым артиклем могут выступать не только первый член идафного словосочетания, но и отдельные имена, не имеющие языкового оформления, связанного со значением определенности или неопределенности. Сюда относятся те случаи, когда имя выступает в самом общем, широком значении и обозначает предмет или явление лишь с точки зрения их сущности, в отвлечении от каких-либо свойственных им признаков: *ma ʿandhom flūs* 'у них нет денег'; *udāba ʿana naṣmāl lək šoṛ* (В. 33, 16) 'сейчас я поколдую тебе (букв. 'я сделаю для тебя колдовство)'; *ʿrəzṣa bla lʿḥya mʿn qallət lḥya* 'чалма без бороды — от бесстыдства (поговорка)'; *uhda lə mṛāya* (В. 83, 9) 'и подарил ему зеркало'; *bəstilya hiya noṣṣ bərmīl* (В. 23, 18) 'бестилья (вид чана) [равна] половине бочки'; *kān waḥd-əṛ-ṛāžəl ḥšāiši, u-mzuwwəž bəntō l-waḥd-əl-ḥšāiši bḥālō* (С. 20, XXXIX) 'жил один человек и был он наркоманом, и выдал он свою дочь за одного наркомана, как и он сам'; *ḥəṣṣni ʿabd wulla hādēm* (В. 85, 4) 'мне нужен раб или рабыня'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в марокканском диалекте отличается чертами, как правило, общемагрибского характера.

В количественных числительных различение по роду происходит только в числительном *wāḥad* 'один'; — *waḥda* 'одна'. Это объясняется тем, что в своей основной функции числительное *wāḥad* выступает в качестве согласованного определения: *ṣahbi εando wuld wāḥad (bānt waḥda)* 'у моего друга один сын (одна дочь)'.¹³⁷

Числительные от одного до десяти: *wāḥad* 'один', *ḫūḫ* 'два'; *tlāta* 'три'; *rəbea* 'четыре'; *ḫāmsa* 'пять'; *sətta* 'шесть'; *səbea* 'семь'; *tmānyu* 'восемь'; *t^oseūd* 'девять'; *εāšra* 'десять'.

Числительное *ḫūḫ*, этимологически означающее «пара», служит названием только числа «два». Во всех остальных числах, в которых числительное «два» выступает составным элементом, супплетивно употребляется слово *tnən*: *tnən u-sittin* 'шестьдесят два'.

Числительное *t^oseūd* 'девять' (букв. 'тебе повезет', 'тебе выпадет удача') — эвфемизм, позволяющий избежать слова *təseā* 'девять', которое в диалекте может одновременно восприниматься и как злое пророчество: 'ты будешь нищенствовать, жить подаянием' (глагол *seā*)¹³⁷.

Этимологически составные числительные от 11 до 19 в диалекте выступают как единообразные слова: *ḫdāš* 'одиннадцать'; *ḫnāš* 'двенадцать'; *təltāš* 'тринадцать'; *rəbāεtāš* 'четырнадцать'; *ḫəmstāš* 'пятнадцать'; *seḫtāš* 'шестнадцать'; *sbāεtāš* 'семнадцать'; *tmənḫāš* 'восемнадцать'; *tsāεtāš* 'девятнадцать'.

Превращение составных числительных в единообразные слова повлекло за собой важные морфонологические и функциональные изменения этих числительных по сравнению с литературным языком, что проявляется в изменении количественной характеристики *a* ($a > \bar{a}$) и качественной характеристики *t* ($t > t$)¹³⁸ и в неизменяемости числительных по родам.

¹³⁷ Подобный прием, касающийся числительных — той части слов, с которой у каждого народа связываются обычно одни из самых древних и устойчивых суеверных представлений, не является единственным в диалекте. Так, *ḫāmsa* 'пять' употребляется как слово, с помощью которого можно избежать «сглаза», «порчи». А в определенных ситуациях, например ночью, в пустынной безлюдной местности или на кладбище, когда присутствие духов наверняка неизбежно, вряд ли можно найти человека, который употребил бы это слово и тем самым навел бы бдительных духов на мысль о том, что их, очевидно, подозревают в чем-то дурном... и вместо *ḫāmsa* раздается хитрое *ḫiddak* 'твоя рука', и духи снова (в который раз!) обмануты человеком...

¹³⁸ Эмфатизация исторически простого *t*, а также удлинение *a* служат своеобразными «памятниками» исчезнувшему *ε*: *ḫamsata εašara > ḫəmstāš*.

Названия круглых десятков, начиная с 30, образуются при помощи окончания *-in*, присоединяемого к соответствующему числу первого десятка: *tlātīn* 'тридцать'; *rābēin* 'сорок'; *hāmsīn* 'пятьдесят'; *sattīn* 'шестьдесят'; *sābēin* 'семьдесят'; *tmānīn* 'восемьдесят'; *tāsēin* 'девяносто'. Числительное 'двадцать' образуется присоединением окончания *-in* к основе числительного «десять»: *ēāšrīn*.

Названия сотен образуются примыканием слова *mya* 'сто' к числительным первого десятка (от трех до девяти), которые при этом получают форму сопряженного состояния: *tālt-myā* 'триста'; *rābāe-myā* 'четыреста'; *hāms-myā* 'пятьсот'; *sātt-myā* 'шестьсот'; *sābāe-myā* 'семьсот'; *tmān-myā* 'восемьсот'; *tsāe-myā* 'девятьсот'.

Названия тысяч образуются аналогичным образом, с той только разницей, что *ālāf* 'тысяча' ставится во множественном числе: *tālt-ālāf* 'четыре тысячи'; *hāms-ālāf* 'пять тысяч' и т. д.

Числительные «двести» и «две тысячи» строятся по форме двойственного числа от числительных *mya* и *ālāf*: *myātāin* и *ālāfāin*.

Составные имена числительные, кроме перечисленных выше, образуются путем сочинительной связи (при помощи союза *wā* 'и') их элементов по степени старшинства разрядов: старший разряд предшествует младшему (за исключением единиц и десятков — единицы всегда предшествуют десяткам): *tālt ālāf u-tālt myā u-wāhād u-sābēin* 'три тысячи триста семьдесят один'; *ālāf u-tsāe-myā u-sābēa u-sattīn* 'тысяча девятьсот шестьдесят семь'; *rābēa u-rābēin* 'сорок четыре'.

Порядковые числительные (от двух до десяти), так же как и в литературном языке, образуются по модели CāCVC: *tāni* 'второй'; *tālāt* 'третий'; *rābāe* 'четвертый'; *hāmās* 'пятый'; *sādās* 'шестой'; *sābāe* 'седьмой'; *tāmān* 'восьмой'; *tāsāe* 'девятый'; *ēāšar* 'десятый'.

Числительное (*l*)*ouwəl* 'первый' морфологически выпадает из общей серии, поскольку принадлежит оппозиционной паре (*l*)*ouwəl* — (*l*)*āhor*¹³⁹ 'первый' — 'последний'.

Порядковые числительные обычно выступают в роли согласованных определений и изменяются по родам и числам: *tāni* 'второй'; *tānyā* 'вторая'; *tānyīn* 'вторые'.

---

¹³⁹ Это — явление, подобное *первый* — *последний* в русском языке, *premier* — *dernier* во французском языке и т. п. Интересно, что начальный *l* в данном случае чаще всего мыслится как корневой элемент: например, в танжерском говоре при постановке соответствующих слов *lūuli* и *lahbri* в определенное состояние он удваивается: *llūuli*—*llahbri* (Г. 225, 218).

Специальных форм для порядковых числительных свыше десяти в диалекте нет; в случае необходимости (весьма редкой в устной речи) пользуются количественными числительными.

МЕСТОИМЕНИЕ

Как известно, арабские диалекты, сохраняя основные ряды местоимений, известные в литературном языке, часто отличаются от него и друг от друга морфонологическим оформлением и функциональной ролью этих местоимений.

Личные местоимения в арабском языке в зависимости от выполняемой функции имеют две серии параллельных форм: в качестве подлежащего, предиката, а также средства актуализации подлежащего¹⁴⁰ они выступают в виде самостоятельных слов, и — в виде местоименных энклитик, когда играют роль глагольного прямого и косвенного дополнений, именного косвенного дополнения, а также притяжательных местоимений.

Таблица 2

Личные местоимения

Самостоятельные			Местоименные энклитики				
	Ед. число	Мн. число	Ед. число		Мн. число		
			глагольные	именные	глаголь-ные	именные	
1-е л.		<i>āna</i>	<i>hna</i>	<i>ni</i>	<i>i¹, ya, y⁴</i>	<i>na</i>	<i>na</i>
2-е л.	{ м. р.	<i>nta</i>	<i>ntūma</i>	<i>k, ək¹</i>	<i>ək¹, k</i>	<i>kum</i>	<i>kum</i>
	{ ж. р.	<i>nti</i>		<i>h, əh², u¹, hu³</i>			
3-е л.	{ м. р.	<i>huwwa</i>	<i>hūma</i>	<i>ha, a⁵</i>	<i>ha,</i>	<i>hum</i>	<i>hum</i>
	{ ж. р.	<i>heyya</i>					

Примечание. Индексами не отмечены энклитики, присоединяемые непосредственно к устойчивым (небеглым) гласным.

1. Только после согласного.
2. Только после полугласного *w*: *nsāwəh* 'они забыли его'.
3. Только перед предлогом *li*: *ktəbhū-lu* 'он написал ему об этом'.
4. Только после долгого *ā*: *mulāy* 'мой господин (обычно при обращении к лицам королевской крови)'.
5. В результате полной редукции *ha(ha > a)*, имеющей нередко место в тех случаях, когда слитное местоимение находится в послеударном слове: *lbǧal' əaf' s fl' mṛāya u harṛə'sa* (В. 83, 17) 'мул наступил на зеркало и разбил его'; *uhīya kat' thall mn wə'sṣa* (В. 21, 9) 'она открывается по его (дома — ж. р.) середине'.

¹⁴⁰ Например: *ha huwwa dāk-ər-rāzəl lli...* 'вот он, тот человек, который...'; *wadd' bbāga huma kəikūnu gālsin mšaffin* (В. 55, 8) 'дубильщики (они) сидят в ряд'.

Как видно из таблицы 2, количество личных местоимений в марокканском диалекте невелико по сравнению с литературным языком и уступает также некоторым восточным арабским диалектам¹⁴¹. К этому следует добавить, что в местоимениях 2-го лица единственного числа нередко не происходит различения по роду и местоимение «ты» имеет единственную форму *nti*.

Указательные местоимения *hāda* 'этот' и *hādāk* 'тот' в функции грамматического субъекта изменяются по роду и числу: *hāda* (*hādāk*) *hōya* 'это (то) мой брат'; *hādi* (*hādik*) *bānti* 'это (то) моя дочь'; *hādō* (*hādūk*) *hōma* 'это (то) они (самые)'

Местоимение *hāda* не изменяется ни в роде, ни в числе, когда выступает в роли определения: *hād ər-rāžəl* 'этот человек'; *hād əl-mra* 'эта женщина'; *hād Fātma* 'эта Фатима'; *hād ən-nās* 'эти люди'. Местоимение *hādāk* в аналогичных случаях теряет начальный *hā* и изменяется по числу и роду: *dāk ər-rāžəl* 'тот человек'; *dāk Hməd* 'тот Ахмед'; *dik əl-mra* 'та женщина'; *dūk mwālin əd-dār* 'те владельцы дома'¹⁴².

Относительные местоимения представлены неизменяемым (*ə*)*lli* 'который (-ая, -ые)' (лит. 'allādī, 'allātī, 'allādīna, 'al-lādāni и т. д.).

Местоимения *mən* 'кто' и *mā* 'что', соответствующие литературным *man* и *mā* (относительным и вопросительным одновременно), в качестве относительных местоимений употребляются ограниченно по сравнению с литературным языком, поскольку очень часто их конкурентом (в роли подлежащего) оказывается местоимение (*ə*)*lli*: *lli ka-iqōl l-haqq—ka-ittəhraq* 'тот, кто говорит правду, сгорает'; *lli ma-fih nfaε—gər dfaε* 'брось то, от чего нет пользы'. Практически только *mən* может играть роль относительного местоимения (после предлогов в косвенных вопросах): *ma-naεrəf-š εand-mən ka-iħdem* 'я не знаю, у кого он работает'; *ma-šāf-š mεa mən mšāt* 'он не видел, с кем она пошла'.

В функции вопросительного местоимения в изолированном виде (в качестве подлежащего) выступает только местоимение *mā*, причем в ограниченном числе примеров: *mā-lək* 'что с тобой?', *mā-lħom* 'что с ними?' и т. п. Местоимение *mən* в

¹⁴¹ Например, в египетском и иракском диалектах сохраняется различие слитных местоимений по роду во 2-м л. ед. ч. (см. соответственно: Т. F. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, pp. 26—27; W. M. Erwin, *A short reference grammar of Iraqi Arabic*, p. 272).

¹⁴² Как видно из приведенных примеров, в отличие от литературного языка указательные местоимения в диалекте в качестве определения могут предшествовать собственному имени или имени, уже определенному другим именем. В Марсэ отмечает, что в танжерском говоре указательное местоимение может предшествовать и имени, определенному уже слитным местоимением (Т. 290, 484—485).

Функции вопросительного употребляется, как правило, только после предлогов и в идафных конструкциях: *ʕand mən kq-ihdam* 'у кого он работает?'; *wuld mən huwwa* 'чей он ребенок' (досл. 'ребенок кого он?').

В остальных случаях употребляются чисто диалектные местоимения: (a) *škūn* 'кто'; *əš(āš)*, *əš-nū* 'что'; *əš-mən* 'какой': *škūn dāk aṣ-rāžal* 'кто тот человек?'; *škūn qāl-lək dāk-əš-ši* 'кто сказал тебе это?'; *əš-hgēti* 'что ты хочешь?'; *əš-mən ktāb qrēti* 'какую книгу ты прочитал?'; *əš-mən rāžal huwwa* 'что он за человек?'.
 «Арабский язык не имеет специальных форм для отрицательных, неопределенных, возвратных и определительных местоимений»¹⁴³. В марокканском диалекте, так же как и в литературном языке, их функцию выполняет весьма многочисленная группа существительных и числительных. В роли неопределенных и отрицательных местоимений выступают: *bnādəm*¹⁴⁴ 'сын Адама', 'человек', 'некто'; *wāhəd* 'один', 'личность', 'некто'¹⁴⁵; *baṣṣaṣ*¹⁴⁶ (лит. *baṣṣ* 'часть', 'некоторый'); *āḥor* 'другой'; *qḥra* 'другая'; в роли определительных — *kull(l)* 'всякий', 'каждый'; *kāməl* 'полный', 'целый'; в роли возвратных — *rāš* 'голова'; *ʕaql* 'ум'; *ʕain* 'глаз'; *ʕidd* 'рука'; *ʕužh* 'лицо'.

Примеры: *kifāš bn-ādəm yeṭṭamməl hād-əl-kadba?* 'как можно (досл. 'может человек') выносить такую ложь?'; *mən-qbəl-l-ʕām, kən l-wāhəd, mn-ʕun ka-ibge iṣāfər ka-ikri waḥd-əl-bḥīma* (Bug. 63) 'раньше, когда хотели (досл. 'кто-либо хотел') поехать куда-нибудь, нанимали выючное животное'; *bdāu ka-iddābzo mēa baṣṣeṭṭhom* 'они начали ругаться между собой'; *d-dunya kulha* 'весь мир'; *d-drāri kulḥom* 'все дети'; *n-nḥār kullə (n-nḥār kāməl)* 'весь день'; *ḥna kāmīn* 'мы все'; *qtəl rāṣo* 'он убил себя'; *šaftə b-ʕaini (brāṣe)* 'я его сам видел'; *darbo b-yiddo (b-rāṣo)* 'он сам избил его'; *qtəl rāṣo b-yiddo* 'он сам убил себя'; *ḥamməm mēa-ʕaqlə* (C.11, XXV) '(он) поразмыслил про себя'; *hāda huwwa ḥōya b-wužho* 'это (тот самый) мой брат'.

¹⁴³ Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 51.

¹⁴⁴ Нередко можно слышать *mn-ādəm* (Т. 471).

¹⁴⁵ Семантически очень близкие слова *bn-ādəm* и *wāhəd* в отрицательных предложениях получают значение отрицательного местоимения 'никто': *ma žabrət ḥatta wāhəd* (С. 9, XXII) 'она не нашла никого'.

¹⁴⁶ Это слово обязательно употребляется: или 1) с притяжательными местоимениями множественного числа: *baṣṣeṭṭna, baṣṣeṭṭum, baṣṣeṭṭhom* (*baṣṣeṭṭom*), и означает 'мы, вы, они... между собой (друг с другом)', или 2) с притяжательными местоимениями 3-го лица единственного числа: *baṣṣeṭṭo baṣṣeṭṭa* 'друг с другом', когда речь идет о частях, принадлежащих одному и тому же целому: *uḳeibdoḳ iḳāṭṭeo fēh m' n waḥd-əḡḡeḥa fhāl-ddoqq dattariš; uḳeillowīwḥ ʕalā-baṣṣeṭṭo* (Т. 9, 13) 'и начинают бахромчато резать его (тесто) вдоль одной стороны; [затем] сворачивают его (полоски теста друг с другом)'.

Вместе с тем в марокканском диалекте, как и во многих других арабских диалектах, можно отметить ряд образований (отыменных), которые, очевидно, следовало бы отнести к разряду неопределенных (отрицательных), определительных и возвратных местоимений: *ma žāwəbha ḥādd* (С. 9, XXII) 'никто не ответил ей'; *dḥāl leandō mül l' bḡal u mül l' mrāya kul wāḥād kaiqōl mēa rāṣo* (В. 83, 13) 'пришли к нему хозяин мула и хозяин зеркала, и каждый думал про себя'; *ḥṣāra ḥād-el-kās d-ātāy blā-s-si flān!* (С.16, XXXII) 'как жаль, что это чаепитие [происходит] без господина такого-то'; *huwwa u dūk-al-wazāra nnīt* (С.17, XXXV) 'он и те самые министры'.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

«К служебным словам, или частицам, в арабском языке относятся, во первых, бесформенные слова, не являющиеся ни именем, ни глаголом, во-вторых, застывшие именные формы, связь которых с именами, иногда и с глаголами, довольно прозрачна...

Служебные слова выполняют функцию наречий, предлогов и союзов. Резкой границы (разрядка наша.— С. К.) между этими категориями нет»¹⁴⁷.

Предлоги и наречия

Собственно предлоги. Большинство предлогов в марокканском диалекте совпадает по форме и по функции с предлогами других арабских диалектов и литературного языка.

bi/b — основной предлог инструментальности: *kaiḇda iṣəll l lbərrād b lma ḡlyān* (В.19,20) 'начинает прополаскивать заварочный чайник кипятком'; *leab b learāyeṣ* 'играть в куклы'; *u m n bsad kanžəff f trāfi b-fōta nāšfa* (В.61,II) 'затем я вытираюсь сухим полотенцем'; *ukaižārḥum lh māṣ wulla bnādəm b lḥbəl* (В.45,2) 'и их на веревке тащит осел или человек'.

Предлог *bi/b* употребляется также для передачи идеи соприкосновения, близости, сопровождения, совместности и т. п., совпадая таким образом с другим предлогом — *mēa* 'с' (см. ниже), для которого эти функции являются основными: *wulqābla uləyūlat lli kaiḡūnu dāirin bīha* (В.25,15) 'акушерка и женщины, которые окружают ее [сидя с ней]'; *wulbeaḍ m l lulād kaiḡūnu itsarāu b lqlāl š əmṣen b lma... u kaiḡūnu tāni lgərrāba b lgrəb dyālhum əmṣen b lma* (В.43,9) 'некоторые ребята ходят с маленькими горшочками, полны-

¹⁴⁷ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 393.

ми водой... вдоносы со своими бурдюками, также полными водой'.

Способность предлога *bi/b* передавать идею сопровождения и в то же время сохранять так или иначе свое основное значение (инструментальности) служит, очевидно, причиной его широкого употребления для образования обстоятельств (образа действия — см. стр. 119).

fi/f 'в', 'внутри' (нахождение пространственное или временное внутри чего-либо как в прямом, так и в переносном смысле): *lyom f' llil* 'сегодня ночью'; *ma fik ma idzuwuž ε^alik* (B.33,15) 'в тебе нет [ничего] такого, из-за чего он взял бы вторую жену'; *rah gārāq f' nneās* (B. 35, 8) 'вот он уже и заснул' (букв. 'погрузился в сон'); *waħd' nnhār huwa dāiz f' zžənqa...* (B.21,17) 'идет он однажды по улице...'

В диалекте предлог *fi/f* — один из самых универсальных, в частности, он может иногда употребляться в значении инструментального *bi/b*, в значении предлога *mən* (см. ниже), выступать конкурентом предлога «направительности» *li/l*: *ħad linsān εāteħ itšārāf f' lm' šmār dyālu kifma ibge* (B.23,4) 'дай этому человеку распоряжаться его крюком так, как [это] ему заблагорассудится'; *qāl l-ha* 'сказал ей', но *dār fi-ha* 'обратился к ней'.

li/l 'к', 'для'; за этим предлогом закреплено прежде всего значение перехода действия на косвенный объект и значение цели¹⁴⁸: *uq bt' t lo f' lhito baš εād tq' ttaε lo* (B.35,8) 'и взяла его за бороду, чтобы только отрезать у него...'; *ħarrəž dāro l' ddəlāl* (B.21,13) 'он предоставил свой дом аукционисту'; *qōl-lo* 'скажи ему'; *uma katəħrož ši gēr baš təmši l-lbərka* 'и она выходит только за тем, чтобы сходить на невольничий рынок'; *umšāt leand' rāžəl l' lhā'nūt* (B.33,22) 'и пошла к мужу в лавку'; *lm' tealləm kaisammār li lma šhūn* (B.61,6) 'мальчик наливает мне горячей воды'.

Предлог *mən/mn* 'из', 'от', 'с', 'из-за', очевидно, мало чем отличается по значению от литературного *min* — он служит прежде всего для выражения исходного пункта (временного и пространственного), происхождения, части от целого и т. д.: *uħiya kat' thall mn wošta* (B.21,9) 'она открывается по [ее] середине'; *lbeađ m' l lulād* 'некоторые из детей'; *nta mn' nnhār' lloulāni dhəlti εāl' ššārt* (B.23,6) 'ты с первого дня вступил в обязательство'; *wuttānžēr kəikun m' šnqε mn*

¹⁴⁸ Значение принадлежности, столь характерное для этого предлога в литературном языке, практически утрачено им в диалекте; в этой функции выступают специальные служебные слова *d*, *dyāl*, *mtāε* (стр. 117—118), которые в известной мере могут быть сопоставлены с французским предлогом *de*, а в английском языке — с *of* или притяжательным падежом; в русском языке им обычно соответствует родительный падеж.

nnhas (B.23,13) 'котел бывает изготовлен из меди'; *u hādi hdiya m nni lik* (B.83,12) 'это тебе от меня подарок'; *u m n eām leām kaikrihum nnādār* (B.61,16) 'из года в год администратор (из управления хабусов) сдает их внаем'.

Нередко конкурентом *mən* для выражения части от целого выступает *fi* (особенно перед слитными местоимениями): *kānu žūž d nnās wāhād fihum bəggār ulaḥōr gezzār kul wāhād m nhum eandu wuld* (B.19,6) 'жили два человека — один из них молочник, а другой мясник, и у каждого из них по сыну'.

Предлог *εala* 'на', 'по', 'против' — один из наиболее употребительных и, очевидно, менее всего семантически определенных предлогов — самые дифференцированные описания значений этого предлога в подробных грамматиках всегда рискуют быть неполными и, что самое главное, — весьма условными. Наиболее характерными, в известном смысле исходными значениями этого предлога могут считаться — передача нахождения на поверхности чего-либо или движения к поверхности чего-либо, враждебное отношение, отношение долженствования и т. д.¹⁴⁹: *itealləm əl-ḥažžām εala rāsə l yitim* 'на голове сироты учится брадобрей'; *zuwwəl ḥwāižo u nəzzəlhom εal-ər-rbiε* (C.7,XVII) 'снял он с себя одежду и положил ее на траву'; *gəwwəḥət εaləh mṛātə* 'закричала на него жена'; *la tqol illa tgəlləb wuld lgezzār ε^ala wuld lbəggār* (B.19,9) 'конечно, сын мясника одержал верх над сыном молочника'; *šrəḥ εaleyya* 'он поставил мне условием'.

Помимо этого существует масса глаголов, управляющих именем при помощи предлога *εala* вне какой-либо очевидной связи с его исходными значениями: *fəttəš εala* 'искать кого-либо'; *ḥləḥ εala* 'присоединиться к кому-либо'; *suwwəl εala* 'спрашивать о чем-либо'; *qəlləb εala* 'искать чего-либо'; *šbar εala* 'ждать кого-либо'.

Предлог *εand* передает идею близости с чем-либо, обладания чем-либо и в этом отношении очень напоминает русский предлог *у*: *hna εandna leorš* 'у нас свадьба'; *εand lowli* 'к полуденной молитве'; *εand mən gādi təhdəm?* 'у кого ты будешь работать?'

Основная функция предлога *məa* 'с', 'вместе с' — выражение совместности, сопровождения, совпадения во времени: *kaidḥol məaya m tealləm* (B.61,3) 'со мной входит мальчик'; *kān... kaidwi məa dd llāl* (B.85,3) '...вел разговор с покупщиком'; *wahd nnhār ihāš m wuld lbəggār məa wuld lgezār* (B.19,9) 'однажды поссорился сын молочника с сыном мясника'.

¹⁴⁹ См. подробнее: Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 402—403.

К несобственно предлогам в диалекте следует отнести большую группу простых и составных частиц, которые одновременно могут выступать и как обстоятельственные наречия. Значения их более ограничены по сравнению с предлогами, рассмотренными выше; это позволяет условно разбить их на:

1) предлоги места: *qəddām* 'перед'; *qra* 'сзади'; *fōq* 'наверху'; *təht* 'внизу'; *bən/bənat*¹⁵⁰ 'между'; *hda* 'рядом';

2) предлоги времени: *qbəl* 'до', 'перед'; *bəad* 'после';

3) сравнительные предлоги: *qədd* 'как'; *mtəl*¹⁵¹ 'как', 'наподобие';

4) предлоги исключения и ограничения: *gēr* 'кроме', 'только'; *bla* 'без'.

Примеры: *kanħalli bləgti f'lgulsa qəddām mul lh^ammām* (В.59,21) 'я составляю свои бабуши на лавке перед хозяином бани'; *rəzəza bla l^ahya m'n qāll't lhya* (В.17,21) 'чалма без бороды — от бесстыдства'; *lhadra bən žūž u-ttālət fdōle* 'разговор между двумя, а третий лишний (поговорка)'; *m-qrāha wəhd-əž-ždi* (С.7,ХVII) 'за ней яггерок'; *tədhəl gēr nta* 'войдешь только ты' и т. д.

Многочисленные сложные предлоги представлены в диалекте двумя структурными видами: 1) предлоги, образованные из комбинации простых предлогов (*l + εand, qəddām, fōq, təht; mən + εand, εala; fōq; təht + mən* и т. п.¹⁵²), и 2) предлоги, образованные из комбинации простого предлога с самыми различными частями речи: *b-hāl, f-hāl* 'вроде', 'наподобие', 'как'; *εala-ħsāb* 'в зависимости от'; *mən-dāħəl* 'изнутри чего-либо'; *l-barra* 'вне чего-либо' и т. д. Обычно лексическое значение сложных предлогов оказывается более узким, более «конкретным» по сравнению с исходными простыми предлогами.

Наречия в современных арабских диалектах в отличие от литературного языка выделяются только по семантико-синтаксическим признакам¹⁵³. Их природа может быть самой различной: они могут быть первообразными (очень мало) и производными от имен (особенно качественные наречия); в роли наречий выступают частицы, входящие в обширную группу несобственно предлогов (особенно составных).

Семантически и грамматически (синтаксически и отчасти морфологически) наречия могут быть разделены на обстоятель-

¹⁵⁰ Этот предлог может выражать и временные отношения.

¹⁵¹ Этот предлог довольно редок; как правило, употребляется его диалектный синоним, сложный предлог *f-hāl/b-hāl*.

¹⁵² Образования, очень сходные с аналогичными в русском языке: *из-под, по-над* и т. п.

¹⁵³ См. Г. Ш. Шарбатов, *Современный арабский язык*, стр. 62.

ственные, обозначающие обстоятельства и условия, при которых протекает процесс, и качественные, определяющие характер или качество самого процесса¹⁵⁴.

К первым относятся наречия:

а) места: *hna*, *hnāya* 'здесь'; *l-hāh*, *tamma*, *l-tamm* 'там'; *fāy* 'где', 'куда'; *mīn* 'откуда'; *ʕal-l-imīn* 'направо'; *ʕal-ʔš-šmāl* 'налево'; *nišan* 'прямо'¹⁵⁵; *qəddām* 'спереди', 'впереди'; *m-əl-lōr* 'сзади'; *f-əd-dāḥəl* 'внутри'; *m-əd-dāḥəl* 'изнутри'; *l-dāḥəl* 'внутрь'; *barra* 'снаружи'; *l-barra* 'наружу'; *m-əl-barra* 'извне'; *ḥda* 'рядом'; *l-fōq* 'наверх', 'наверху'; *l-təht* 'вниз', 'внизу';

б) времени: *fōq-aš*, *wōqt-aš* 'когда' (вопросительное); *dā-ba*¹⁵⁶ 'сейчас', 'в данный момент'; *dīk-ʔs-sīʕa* 'тогда', 'в тот момент'; *fə-l-owwəl* 'вначале', 'сначала'; *l-hāṣəl* 'наконец', 'в результате'; *məm-baʕd*; *tamma* 'затем'; *bəkri* 'раньше (прежде)'; *baʕda*¹⁵⁷ 'уже', 'еще нет', 'больше того'; *dīma* 'всегда'; *l-yōm* 'сегодня'; *l-bārəḥ* 'вчера'; *ḡadwa* 'завтра'.

Ко вторым относятся наречия:

а) образа действия: *məzyān* 'хорошо'; *b-ʔs-sīf* 'наверняка', 'непреренно', 'точно'; *kəf-āš* 'как'; *ʕalāš* 'почему', 'зачем'; *hākda*, *hākdaḥ* 'так', 'таким образом'; *qədd-qədd* 'точь-в-точь', 'точно'; *qrīb (bāš)* 'почти';

б) меры и степени: *b-ʔz-zāf* 'очень', 'много'; *šhāl* 'сколь-ко'; *šweyya* 'немного'; *b-šweyya* 'потихоньку', 'понемногу'; *qlīl* 'немного'; *šāfi* 'достаточно', 'довольно'.

Союзы

Сочинительные союзы — соединительный (он же противительный) *u wə* 'и' и разделительные *wəlla* 'или'; *(ə)tma...* *wəlla* 'или... или' — отличаются от литературного языка как количественно (их меньше в диалекте), так и по своему материальному оформлению.

Подчинительные союзы образуют значительно более обширную группу, чем сочинительные. Среди них можно выделить: причинные (*ʕala-hāḥor* 'потому что', 'так как'), целевые (*bāš*

¹⁵⁴ Подробнее о принципах обоснования такого разделения см. А. И. Смирницкий, *Морфология английского языка*, стр. 170—175.

¹⁵⁵ Нередко можно слышать синонимы: *gūd*, *gūda*, *ḥl, dō, ri* (последний турецкого происхождения).

¹⁵⁶ В употреблении этого слова одна из отличительных особенностей марокканского диалекта; его возможный синоним *drūk* характерен главным образом для бедуинских говоров.

¹⁵⁷ Подробная характеристика этого слова дается В. Марсэ в «Танжерских текстах» (Т. 232—233).

'чтобы', реже — *bəuʔəš*), временные (*mnīn* 'когда'; *kīma*, *ġēr* 'как только'; *wəqt-əlli* '(каждый раз) когда'; *ħatta* 'пока не'; *qəbəl-ma* 'до того, как'; *bəad*, *bəad ma* 'после того, как'), условные (*ila* 'если'), сравнительные (*kīf* 'подобно тому, как'). В диалекте не обнаруживаются пространственных и изъяснительных союзов, аналогичных литературным *ħau iu* 'где' и *'anna* 'что'. Соответствующие им связи осуществляются бессоюзно или передаются при помощи различных перифрастических оборотов.

Частицы, междометия, модальные слова

Ранее уже было отмечено, что в традиционной арабской грамматике под частицами понимаются все те слова, которые не могут быть определены ни как имена, ни как глаголы. Особенностью описания языка при таком подходе является то, что приводится список имеющихся частиц с подробной характеристикой каждой из них. При этом обнаруживается, что одна и та же частица может выступать в функции самых различных служебных слов, в том числе и в функции собственно частиц, которые при проведении описания, основанного на функциональной роли служебных слов, удобно выделить в особую группу. В зависимости от отношения говорящего к высказываемому частицы могут быть разделены на:

1) вопросительные: *wāš*, *ā* 'ля': *wāš šriti?* 'ты купил?', 'купил (ли) ты?'; *ā smiəto had-əl-kəddāb?* 'вы слышали этого лгуна?';

2) отрицательные: *mā*, *mā... š*, *mā... ši*, *mā-ši* 'не', 'нет'; *mā... šay*, *mā... wālu* '(ничего) не (категорическое)'; *mā... mā*, *lā... u-lā* 'ни... ни': *mā ʔandə flūs* 'у него нет денег'; *bāqi mā-mšāu-š* 'они еще не уехали'; *mā-təkdəb-š ʔal-ən-nās!* 'не ври людям!'; *mā-ħuwwa-ši sġēr* 'он не маленький'; *mā-ši nta baiħħa?* (В.21,21) 'а разве не ты продал его? (дом.—С.К.)'; *mā-fħəmt-ši dāk-əl-klām* 'я не понял того выражения'; *mā-fħəmt-šay*; *mā-fħəmt wālu* 'я ничего не понял'; *ma-kla*, *ma-šrəb* 'он не ел, не пил'; *ħuwwa lā-šahbi u-lā-ʔaduwwi* 'он мне не друг и не враг';

3) звательные: *ā*, реже *yā* 'о': *ā-lə-fqə!* 'О учитель!'; *ā-uddi!* 'О мой дорэгой!'; *ā sīdi!* 'О мой господин!';

4) выделительные: *ġēr* 'только', 'кроме': *ma-kla ġēr šdey-yeq d-əl-ħəbz* 'он почти ничего не брал в рот' (досл. 'он съел только корочку хлеба');

5) утвердительные: *ra*, *ha* (см. стр. 47—48); *ʔwāh* 'ну', 'так вот', 'действительно': *ʔwāh*, *məlli žāu šāfo* 'действительно, когда они пришли, то увидели...';

6) частица клятвы *wā*: *wā-llāh!* 'клянусь Аллахом!';

7) восклицательная *šhāl d-əl* 'сколько!', 'как много!': *šhāl*

d-ar-ržāl! 'сколько народу!', *šhāl d-əl-flūs εandək!* 'ну и денег у тебя!'

Очень близки к перечисленным частицам модальные слова, имеющие самое различное происхождение и выражающие утверждение, отрицание, долженствование, предположительность и т. д.: *iyeḥ* 'да', 'конечно'; *wəḥḥa* 'да', 'ладно'; *u-kān*, *u-šāfi*, *w-əs-s'lām* 'и только', 'и все'; *lā*; *kəllā* 'нет'.

СИНТАКСИС

ТИПЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В СОСТАВЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В марокканском диалекте можно выделить два типа грамматической связи слов в составе словосочетания: сочинительную и подчинительную.

Посредством сочинительной грамматической связи осуществляется, как известно, выражение смысловых отношений однородных или сходных в чем-либо между собой элементов речи (слов и словосочетаний): *bba w²-ummi ta-isəknu f²ṭtan-ža* 'мой отец и мать живут в Танжере'; *mūr-dik-ši, kēin² zzlo-ssīniya, uke-ikubbo-lqāhwa, ukeḥbdou irēiqo* (Т.45,18) 'вслед за тем ставят поднос, наливают кофе и начинают завтракать'; *wuddār² elli katəmši lha m²n žirānhum wulla m²n ḥbābhum* (В.41,13) 'каждая семья из соседей или из родственников, в которую она приходит...'

Подчинительная связь, посредством которой выражаются смысловые отношения между словами и словосочетаниями, так или иначе зависимыми друг от друга, может быть разделена на четыре разновидности (подтипа): согласование, управление, примыкание и соотношение. В диалекте обнаруживаются все эти виды подчинительной связи, известные и в литературном языке, но характер их реализации часто значительным образом отличается от литературного языка.

Согласование. Один из основных для литературного языка критериев согласования (в числе и в роде)—разделение имен на «одушевленные» (имена, обозначающие людей, божества, духов) и «неодушевленные» (предметы, животные)—в диалекте оказывается несущественным: согласование подчиненного слова с основным, стоящим во множественном числе, происходит независимо от принадлежности подчиняющего слова к какой-либо из этих групп: *rāžəl m²zyān* 'хороший человек'—мн. ч. *r²žāl m²zyānīn*; *ktāb m²zyān* 'хорошая книга'—мн. ч. *ktūb m²zyānīn* [ср. с соответствующими примерами из литературного языка: *riğāl(un) tayyibūna* и *kutub(un) ḥasana(tun)*]. Согласование, подобное тому, которое отмечено в последних примерах из литературного языка (зави-

сим же имя имеет форму единственного числа женского рода, если основное слово, к которому оно относится, принадлежит к неодушевленным именам и стоит во множественном числе), иногда встречается и в диалекте, но при этом, как правило, сосуществует с чисто диалектным способом согласования (число подчиненного слова совпадает с числом основного): *əl-lyāli d-ṛəmdān kulha zāhṛa* (Bur. 81) 'ночи во время месяца Рамадана всегда оживленны'; параллельный возможный вариант — *əl-lyāli d-ṛəmdān kullhom zāhṛən* (Bur. 81).

При согласовании в числе глагола с именем (в роли подлежащего) в диалекте наблюдается исключительно второй (диалектный) способ. Кроме того, в отличие от литературного языка глагол в диалекте всегда согласуется в числе с именем и в том случае, если предшествует ему¹⁵⁸: *mšāu šī-nās iṣṛqo f-əl-līl u-hōma ilqau...* 'несколько человек отправились ночью на воровство и встретили...'; *kāno žūž d-ən-nās sər-rāqa* (С.8, XX) 'жили-были два человека, и были они ворами'; *kāno wāhd əž-žūž d-əl-ḥərrāza mətžāurən* (С.42, VIII) 'двое сапожников были соседями'.

Известно, что в литературном арабском языке согласование имен помимо прочего происходит и в состоянии. Это является следствием того, что здесь «каждое слово, относящееся к категории имен, должно быть отдельно оформлено по категории артикля. Иначе говоря, в арабском литературном языке с артиклем выступают не только имя существительное, но и имя прилагательное и имя числительное»¹⁵⁹. Данное утверждение остается справедливым и для диалектного согласования в определенном состоянии: *kalla, ḥti kā-təḥdəm f-dik əs-skwēla ž-žīda* [совсем] нет — моя сестра работает в той новой школе'; *mālli žāt əl-līla l-lōula...* 'когда наступила первая ночь...'.
 Определенный артикль *l-* предшествует подчиненным компонентам словосочетания и в том случае, если основное слово не имеет его, но определено семантически (например, имя собственное) или при помощи формальных средств (например, слитных местоимений): *Babkar lə-kbir* 'огромный Бубкер'; *əā-iša l-ḥādga* 'аккуратная Аиша'; *dāro l-qdim* 'его старый дом'.

Особенностью марокканского диалекта (общей для многих магрибских диалектов, где наиболее полно проявляется берберский субстрат, а также до некоторой степени наблюдается и в египетском диалекте)¹⁶⁰ оказывается тот интересный факт,

¹⁵⁸ В литературном языке, как известно, глагол, предшествующий имени, независимо от грамматического числа последнего, почти всегда стоит в единственном числе.

¹⁵⁹ Г. М. Габучан, *К проблеме артикля...*, стр. 162.

¹⁶⁰ См. Т. Ф. Mitchell, *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, p. 26.

что в отличие от литературного языка и, возможно, от восточных арабских диалектов слитные местоимения не всегда служат формальными определителями имени. Это касается всей группы имен, обозначающих лиц, связанных родственными отношениями. Такие слова, как «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «дядя», «тетя», «муж», «жена», «невеста» и т. п., никогда не употребляются без слитных местоимений¹⁶¹. Это приводит, с одной стороны, к «невероятным» для арабского языка словосочетаниям (*hālāt-ha d-ēāiṣa* 'тетя Аиша', букв. 'ее, Аиша, тетя'; *dāk-hōh* (С.16, XXXIII) 'этот его брат'¹⁶²), с другой — к тому, что согласование с этими словами в состоянии в атрибутивных словосочетаниях происходит по семантическому признаку или по иным (формальным) признакам (например, наличие неопределенного артикля, предшествующего основному компоненту)¹⁶³: *wāš Brāhīm eandō hōh wāhəd?* 'у Ибрагима один брат?' (букв. 'что, Ибрагим — у него брат его единственный?') — неопределенное состояние); *žā Brāhīm u-dda mēah hōh əs-sgēr* 'Ибрагим пришел со своим младшим братом (букв. 'пришел Ибрагим и привел с собой своего младшего брата') — определенное состояние); *kān waḥd-ət-tāžər la-bās eləh u-eandō wāhed-hōh məskīn* (С.39, LVII) 'жил-был один довольно состоятельный купец, и был у него (его) бедный брат' (неопределенное состояние).

Из последних и приводимых ниже примеров можно видеть, что при согласовании имен в неопределенном состоянии только первый основной компонент словосочетания (определяемое) может иметь формальные признаки неопределенности, в то время как все остальные компоненты (определения) лишены их: *dḥəl waḥd-ət-rāžəl žəbli l-waḥd-əl-mdīna kbīra* 'один горец (горский житель) прибыл в (один) большой город'; *ka-iqra f-waḥd-əs-skwāla ždīda* 'он учится в одной новой школе'.

Управление. Один из важнейших способов выражения этого типа подчинительной связи в литературном языке — падежное склонение имен — отсутствует в марокканском диалекте. Это приводит здесь, с одной стороны, к еще большему закреплению порядка слов при их непосредственной (беспредложной) связи, с другой — к известному усилению предложного управления.

Предложное управление имени глаголом характеризуется

¹⁶¹ Явление столь типичное для берберского языка и составляющее одну из его общих отличительных особенностей — относительно малое развитие слов, выражающих абстрактные или генерализованные понятия (см. замечания по этому поводу: М. Е. Laoust, *Coup d'oeil sur les études dialectales berbères au Maroc*, p. 121).

¹⁶² Указательное местоимение в роли определения перед именем, имеющим местоименный притяжательный аффикс (!).

¹⁶³ Неопределенный артикль перед именем, имеющим местоименный притяжательный аффикс (!).

тем, что нередко по своему материальному выражению оно не совпадает с литературным языком, а в ряде случаев соответствует его беспредложному управлению: *bġīt nʕallāq haḍ ʕkīdār f ʕlm ʕmār dyūli* (B.21,20) 'я хочу подвесить эту клячу на моем крюке' (лит. *ʕallaqa ʕala*); *kandḥol lħ^ammām* (B.21,20) 'я вхожу в баню' (лит. *daḥala* 'входить' в аналогичном контексте — переходный глагол); *kaiziinu lħa* (B.41,12) 'ее наряжают' (лит. *zayyana-ha*); *kānət ʕāndə waḥd-əl-ħmāra mā kā-ihəddəmħa, mā kā-irkəb ʕlḗħa* (C.7,XVIII) 'была у него ослица, которую он не заставлял работать и на которой он не ездил' (лит. *rakaba* — переходный глагол). Глагол *ʕāb* 'привести', 'принести', очевидно, единственный пример, когда непременному глаголу литературного языка (*ġa* + предлог *b*) соответствовал бы в диалекте глагол переходный.

В марокканском диалекте из-за отсутствия падежных флексий особенно проявляется общая для современных арабских диалектов тенденция к сокращению сферы употребления беспредложного управления имени именем. Это относится прежде всего к связи определяемого с несогласованным определением (см. стр. 116—118), а также к словосочетаниям, в которых масдар управляет другим именем; примеры такого управления крайне редки и встречаются преимущественно в нарративной речи: *wamma ḥədmət ʕdār hiya ʕ ʕbəl ʕħwālīz... uḥyāb ʕmāk-la uʕ^azīl ʕħubz* (B.31,8) 'что касается домашней работы, то она включает стирку белья..., приготовление еды, замешивание теста'; *lə-msəlmīn, ḥrām ʕlḗħəm šrəb əl-ħmər* (C. 189) 'мусульманам запрещено пить спиртное' (букв. 'питье спиртного').

Примыкание. Этот тип словосочетания, характеризующийся тем, что синтаксическая связь объединяемых по смыслу слов морфологически не выражена, отличается в диалекте по сравнению с литературным языком, очевидно, только отсутствием обширной подгруппы наречий, образуемых постановкой соответствующего имени в форму винительного падежа: *dāba āna mā ḥəddām-š* 'сейчас я не работаю' (лит. *'al'āna; ḥāliyyan*).

Соотношение. Соотносительная грамматическая связь, т. е. такая смысловая связь, при которой, в отличие от согласования, управления и примыкания, грамматическое оформление определяющих слов не зависит от определяемых членов предложения, характеризует вводные члены предложения и обращения. Не удивительно, что в диалекте, представленном исключительно в живой разговорной языковой форме, этот тип связи встречается особенно часто: *a sīdī, ʕāb nna ʕzīfa wāḥna ʕandna lʕorʕ uqal lek bġa iʕallāqħa* (B.23,5) 'О мой господин! Приволок он к нам эту дохлятину, когда у нас проходила свадьба и, так сказать, захотел подвесить ее...';

kā-iṣādd, ā-ulādi! lā-ḡna kā-iṣādd (С.9,XXI) 'кусается, ой миленький ты мой,— кусается песня' (ср. с русск. *ой мамочка роденькая* и т. п.); *uḏāz ʿala, ḥāṣək, waḥd lā-bḡal meyyil* 'и наткнулся он, извиняюсь, на дохлого мула'; *ḡwa! āmāndra kif ṣabṭo?* (L.P.57,12) 'так! Ну так как ты его нашёл?'; *ā-wīli! n-nḥār bāḡe ma ḥāḡe u-l-mra fīiqatni blā-woqt* (С.11,XXV) 'вот тебе раз! Утро еще не наступило, а жена разбудила меня раньше времени'.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В основу классификации простых предложений могут быть положены структурные признаки предложений: 1) наличие одного или двух главных членов предложения, 2) наличие или отсутствие второстепенных членов предложения (предложения распространенные и нераспространенные) и 3) характер модальных отношений говорящего к высказываемой мысли. В последнем случае предложения делятся на повествовательные, восклицательные, вопросительные и побудительные.

При исследовании диалекта наибольший интерес вызывает рассмотрение предложений по их структурным признакам, так как именно здесь наиболее четко обнаруживаются его отличительные особенности.

По составу, или по наличию одного или двух главных членов предложения, простые предложения могут быть разделены на двусоставные и односоставные.

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Двусоставное предложение как нераспространенное (состоит только из подлежащего и сказуемого без пояснительных слов), так и распространенное (включает пояснительные слова)— основной конструктивный тип предложения в диалекте. В двусоставном предложении смысловая взаимосвязь главных членов предложения заключается, как известно, в выражении предикативных отношений, т. е. в обозначении сказуемым признака подлежащего, которым оно обладает, либо производит, либо воспринимает со стороны. Этот основной признак двусоставного предложения — выявление предикации, или «выражение сказуемости», — был положен в основу его выделения еще в арабской грамматической традиции¹⁶⁴. Согласно этой же традиции, предложения делятся также в зависимости от того, чем выражено сказуемое — глаголом или именем, — на предложения глагольные и именные. Это разделение, основанное прежде всего на принципе «морфологизма», не представ-

¹⁶⁴ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 456.

ляется всегда достаточно последовательным и требует известных оговорок¹⁶⁵. В то же время применительно к арабскому языку такой подход позволяет оттенить, подчеркнуть ряд весьма существенных специфических черт, отличающих друг от друга предложения, в которых предикативность выражена именем, и предложения, в которых она выражается глаголом. Речь идет, в частности, о порядке главных членов в предложении: формулы «группа подлежащего — группа сказуемого» (П — С) и «группа сказуемого — группа подлежащего» (С — П) оказываются соответственно основными для первого и второго типов предложений. При этом в глагольном предложении подлежащее и сказуемое обладают относительно большей свободой передвижения, чем в именном. Но и здесь решающим остается все же твердый порядок, соответствующий формуле С — П: *žā Brahīm* 'пришел Ибрагим'; *dda ʕomar ktūbo* 'отнес Омар свои книги'. Возможный обратный порядок слов в приведенных примерах служил бы средством акцентирования внимания на подлежащем: *Brahīm žā* 'Ибрагим (он, именно он) пришел'; *ʕomar dda ktūbo* 'Омар (он, именно он) отнес свои книги'. Обратный порядок слов в глагольном предложении обязателен, если подлежащее выражено вопросительным или относительным местоимением: *škūn iħaʕḷəṣ-li?* 'кто мне заплатит?'; *lli rkəb ʕal-əž-žmāl ma-ka-iħāf mn-əl-klāb*¹⁶⁶ 'кто едет на верблюде, [тот] не боится собак'.

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Односоставные предложения представлены в диалекте прежде всего группой бесподлежащих предложений: определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных.

Определенно-личные предложения. Хорошо известно, что спрягаемая форма арабского глагола обозначает как действие, так и субъект. Это служит причиной того, что часто нет специальной необходимости выразить субъект самостоятельным личным местоимением — в самой личной форме глагола уже есть указание на этот субъект. Данное свойство арабского языка (в известной мере сходное с русским языком) лежит в основе образования определенно-личных односоставных предложений, которые отличаются тем, что, несмотря на отсутствие грамматического подлежащего, содержат вполне определенное указание на субъект: *šrəbt lma* 'я выпил воды'; *ħhak ʕ^alḡha* 'он засмеялся над ней'; *bāʕd klāu* —

¹⁶⁵ Там же, стр. 472—473.

¹⁶⁶ В случае, если подлежащее выражено относительным местоимением *lli*, само простое предложение входит в состав сложноподчиненного предложения.

ħaržo 'после того как они поели — они вышли'; *wāš eqmto l yōm f-əl-bħar?* 'вы купались сегодня в море?'; *mā-zāl idd-ābzō* 'они все еще ругаются'; *mšēna tamma u žbarna* 'мы пошли туда и (мы) обнаружили'; *ma-nəkmī-š* 'я не курю'; *ka-iħadmu εand ħōya* 'они работают у моего брата'.

Следует отметить некоторую ограниченность употребления определенно-личных предложений в диалекте по сравнению с литературным языком, что является следствием отсутствия в формах спряжения диалектного глагола противоположения между мужским и женским родом для 2-го лица единственного числа как в перфекте, так и имперфекте. В связи с этим факультативное употребление в литературном языке личных местоимений 2-го лица единственного числа становится часто обязательным в диалекте, поскольку по ним здесь в данном случае происходит определение грамматического рода субъекта; ср. лит. *fahimta — fahimti* 'ты понял'—'ты поняла'; *tafham — tafhamīna* 'ты (муж.) поймешь'—'ты (жен.) поймешь' и диалект. *nta fhəmti — nti fhəmti* 'ты понял'—'ты поняла'; *nta təfhəm — nti təfhəm* 'ты (муж.) поймешь'—'ты (жен.) поймешь'.

Неопределенно-личные предложения. Сказуемое в них выражено глаголом в форме 3-го лица мужского рода множественного числа. Эти предложения представлены в диалекте более широко, чем в литературном языке, что имеет своей причиной отсутствие глагольных форм страдательного залога и как следствие этого — отсутствие безличных предложений типа *qila* 'говорится', 'было сказано', 'говорилось', а также отсутствие в диалекте определенно-личных предложений типа *duriba* 'он был избит'. Оба указанных типа предложений компенсируются одним — неопределенно-личными предложениями: *yaqūlu* 'говорят'; *darbūh* 'его избивали' и т. д.

К неопределенно-личным предложениям можно отнести, очевидно, и широко представленные в диалекте предложения, в которых сказуемое выражено причастием глагола *kān* 'быть' в форме множественного числа: *ukāinīn ʿlli kaqidīru ləanbār fatāi* (B.21,7) 'имеются [такие], которые добавляют в чай амбру'.

Обобщенно-личные предложения. В таких предложениях отношение сказуемого в форме личного глагола к источнику выражено обобщенно. Они широко представлены в диалекте, особенно в пословицах, поговорках и подобных им изречениях поучительного, дидактического характера. Типичным морфологическим выражением сказуемого при этом является форма 2-го лица единственного числа (чаще всего повелительного наклонения): *kūn dīb! ma-yākluk əd-dyāb!* 'будь волком — и волки не сожрут тебя!'; *īla kān əl-qāde ħšəmək,*

ġēr žmaε εaqōdāk! 'если судья твой враг — собирай свои пожитки!'; *kūn sbaε u-kūlni! ma-tkūn-ši kəlb u-tmərmədni!* 'будь львом и сожри меня, но не будь собакой и не грызи (не мучай) меня!'

Безличные предложения. Главной отличительной их чертой является не только отсутствие подлежащего, но и отсутствие каких-либо указаний на связь с ним действия-состояния. Эти предложения представлены в диалекте несравненно уже, чем в литературном языке. В диалекте глагол не имеет форм страдательного залога, отсюда, как было упомянуто выше, здесь нет безличных предложений типа литературных: *qila 'an* 'говорят, что...' (букв. 'говорится, что...'); *ħukiya* 'рассказывают...' (букв. 'рассказывается...'); *wuġġiha bihim* 'их направили' и т. д.

В то же время в диалекте широко употребляются безличные предложения, вводимые глаголом *ħəss—iħəss*, в которых выражаются такие модальные отношения говорящего к сообщаемому, как необходимость, желательность какого-либо действия: *ya imma ħəss k tqol l' bb'a* (В.39,18) 'мама, тебе следует сказать отцу'; *u-dāba, ħəssək təmši ħatta nta* (С. 102,XXXVII) 'а теперь и тебе тоже следует пойти'; *ħəssna nāklo qbəlma iži* 'нам следует поесть до того, как он придет'; *iħəssə itžuwwəž* 'ему следует (следовало бы) жениться'; *məlli yeħrož ši-wāħəd məl-əl-ħəmmām ka-iħəssə itbarrəd šwəyu* 'человеку, который выходит из бани, следует немного остыть'¹⁶⁷.

Одночленные номинативные предложения в диалекте, как и вообще в арабском языке, взятом в целом, ограничиваются предложениями, выражающими обычно эмоционально окрашенные обращения, предостережения, побуждения: *allāh!* 'о Аллахах!'; *εandək!* 'берегись!', 'осторожно!'; *bālək!* 'внимание!', 'осторожно!'; *yaħla!* 'давай!'; *bəsməlla!* 'с богом!'; *bəllāti!* 'медленно!', 'тише!', 'осторожно!'.

Назывные предложения в диалекте практически не встречаются.

¹⁶⁷ Функционально глагол *ħəss—iħəss* совпадает с глаголом литературного языка *yaġibu (εalū)* 'необходимо'. Но в отличие от него морфологически он оказывается «менее застывшим», поскольку имеет две формы: перфект и имперфект. Эти формы несут разные довольно четко противопоставляемые друг другу смысловые нагрузки: перфект служит для выражения того, что необходимость, желательность действия относится к данному конкретному моменту, имперфект менее определен в этом отношении, а потому и менее категоричен, при его употреблении наряду с основным значением 'следует', 'необходимо', 'надлежит' всегда существует некоторый «подтекст», передающий добавочное модальное значение 'было бы неплохо', 'следовало бы'. Употребление фреквентатива также вносит дополнительный модальный оттенок 'непременно', 'обязательно'.

**ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ГРАММАТИЧЕСКОГО
ВЫРАЖЕНИЯ**

Подлежащее в марокканском диалекте может выражаться, за исключением личных форм глагола, любой значимой частью речи: существительными, местоимениями, числительными, субстантивированными прилагательными и причастиями, масдарами, количественными сочетаниями, именными сочетаниями: *kān waḥd əl-qāḍe kə-igboḥ ʔrʔšwa* '(один) судья брал взятки'; *kifāš benti? wāš nti kə-tūləd tlāta d-əl-mərrāt f-əl-əām?* (С.101—102, XXXVII) 'как же так, моя дорогая? Ты что же — рожает три раза в год?..'; *škūn ʔigleb ana wulla nta* (В.35,24) 'кто побеждает все-таки — я или ты?'; *ḥrəž əl-louwəl u dhəl ttāni* 'вышел первый — вошел второй'; *mša waḥād fihum f llil ləand lqāḍe uḥda lə mṛāya* (В.83,8) 'один из них отправился ночью к судье и преподнес ему зеркало'; *kəidḥol mēaya m tēalləm* (В.61,3) 'со мной входит мальчик'; *z-zərba mn-əš-šētān* 'поспешность — от шайтана'; *ḥəržə waḥd-ət-tmənya d-lā-əbīd...* (С.27, XLVIII) 'восемь рабов вышли...'; *wulbead m l lulād kəikūnu itsarāu...* (В.43,9) 'а часть детей ходит...'; *dhəl-əl ḥəmmām ma-ši bhāl ḥrūžə* 'вход в баню не то, что выход из нее (поговорка)'.

Сказуемое в зависимости от способа морфологического и синтаксического выражения может быть разделено в диалекте на: 1) простое глагольное сказуемое, 2) сложное глагольное сказуемое, 3) составное сказуемое и 4) комплексное сказуемое.

Простое глагольное сказуемое выражается простыми и аналитическими формами глагола изъявительного наклонения, а также формой повелительного наклонения: *dār lbəggār f gəzzār u qal lə: šbār ə^{al}liya...* (В.19,10) 'обратился молочник к мяснику и сказал ему: «Подожди меня...»'; *waḥd lqət kān mšā l ššārq* (L.P.57,1) 'один кот отправился на Восток...'; *wudd bbāga kəikūnu gālsin... wuddəllāla wāqfin* (В.55,8) 'дубильщики обычно сидят, а перекупщики стоят'; *waḥd nnhār huwa dālz f zzanqa ušāb kiḍār* (В.21,17) 'идет он однажды по улице и натывается на старую клячу'.

Сложное (двойное) сказуемое, так же как и в литературном языке, образуется обычно из сочетания двух глаголов — полнозначного и предшествующего ему глагола со значением (видовым) начала, продолжения, повторения, конца действия или глагола с модальным значением необходимости, намерения, желания (нежелания) совершения действия. К таким

Ллаголам, которые выполняют по существу роль предикативной связки с ослабленным лексическим значением при (сновном глаголе, обозначающем деятельность подлежащего, в диалекте могут быть отнесены: *bda* 'начать'; *mša* 'приступить к совершению чего-либо'; *zād* 'продолжать'; *bqa* 'продолжать'; *zāl* 'исчезать', 'прекращаться'; *ḡād* 'стать'; *ḡāwəd* 'вернуться'; *ḡārəf* 'уметь'; *bḡa* 'хотеть' и т. д., например; *wizidu lha lhalwa wibdau iwulwulu ḡāliha* (B.41,17) 'ей дают еще сладостей и начинают радостно голосить в ее честь'; *ukāib-da ḡdallāl kāidəlləl* (B.61,18) 'аукционист начинает назначать ставки'; *bda ifəttəš* 'он начал искать'; *mšāt kadžri ləand waldil l'mra* (B.35,16) 'она побежала к родителям жены'; *mša qbāṭ yidd ḡhāzžām* (B.33,1) 'схватил руку брата-добрея'; *mšau iddāḡau ḡand ḡlqāde* (B.23,1) 'они обратились к судье'; *u-zād l-āḡor idḡor mn-ḡrāḡom* (C.I,II) 'другой продолжал заходить к ним сзади'; *zādət təbki* 'она продолжала плакать'; *ma-zāl kāiḡdəm* 'он все еще работает'; *ulḡinni dāba... ma bḡau ši iḡeṭṭo byiddum* (B.31,5) 'но теперь больше не вышивают руками'; *ḡād ka-təbda təfham* 'только сейчас ты начинаешь понимать'; *ḡād kanṭle ḡḡmi bi-ššābūn* (B.61,9) 'только тогда я намыливаю свое тело мылом'; *ḡāud lḡḡza mšāt lqār ḡrāzəl* (B.35,22) 'тогда снова старуха пошла в дом мужа'; *ma kanaḡrəf-š nḡalle* 'я не умею молиться'; *mnin kanbḡe nḡsəl wuns ḡḡn ḡdāmi...* (B.59,17) 'когда я хочу помыться и прогреть свои кости...'

Особым видом морфологического выражения сложного сказуемого являются в диалекте сочетания глагола *təmm* 'приступить к совершению чего-либо', 'приняться', 'начать' с причастием активного залога (глаголов движения) или с эквивалентной ему диалектной формой CVCCāC (стр. 72): *qābṭo lqāde mn iddḡ utəmm dāḡəl biḡ lqārḡo* (B.81,21) 'судья взял его за руку и повел (его) в свой дом'; *t'mmət ḡāda ḡṭta uḡl t lwaḡd ḡdār* (B.33,10) 'она отправилась в путь, пока не достигла одного дома'; *təmmḡ dāḡlīn...* (C.5,XIII) 'вошли (оли)...'; *u-huwwa itəmm ḡādi mīḡāḡo l-əl-bīr u-ḡāyḡed ḡwāiḡo... u təmm huwwāḡd mḡā-lə-ḡbəl l-qāḡ-əl-bīr* (C.10,XXIV) 'он тут же отправился (букв. 'отправляется') к колодцу, разделся там... и начал спускаться на дно [колодца]'

Наконец, к разряду сложных сказуемых следует, очевидно, отнести и широко распространенный в диалекте вид сказуемого, которое состоит из глагола (смыслового) и предшествующих ему причастий *ḡādi*, *māši*, играющих роль предикативной связки (см. примеры на стр. 43). Это сказуемое, несмотря на значительную близость к простому сказуемому (выраженному аналитическими глагольными формами), не может считаться таковым, поскольку с одной стороны форма — причастие *ḡādi* (*māši*) + имперфект смыслового глагола — имеет два

временных плана¹⁶⁸, а с другой — и это самое главное — причастия *ġādi* и *māṣi*, сохраняя известную связь со своим исходным лексическим значением, служат еще и средствами передачи модальных оттенков намерения совершить действие или субъективной готовности к нему.

Вообще граница между простым и сложным сказуемыми часто может быть определена весьма условно в силу того, что по своему лексическому значению и по выполняемой функции глаголы «неполного значения» порой очень близки к формообразующим элементам: с одной стороны, они отличаются значительным ослаблением своего основного лексического значения, с другой — служат средствами внесения дополнительных грамматических значений (видовых и отчасти временных). О достаточно интенсивном процессе грамматикализации этих слов свидетельствует и тот факт, что некоторые из них оказываются «неполными» и с точки зрения грамматической формы: например, *zāl* выступает по существу как неизменяемое слово и употребляется только в безотносительном ко времени комплексе *ma-zāl*...

Составное сказуемое, или сказуемое именного предложения, характеризуется в арабском языке тем, что в плане настоящего времени (в утвердительном предложении) не имеет предикативной связки, а состоит только из именной части, непосредственно сопоставляемой с подлежащим. При этом если в литературном языке разобщенность подлежащего и сказуемого по значению определенности — неопределенности выражается соответственно разобщенностью определенного и неопределенного артиклей¹⁶⁹, то в марокканском диалекте она выражается разобщенностью определенного и нулевого артиклей: *uhādi hdiya m'nni lik* (B.83,12) 'а это подарок от меня тебе'; *ṭṭārrāh huwa wuld sġer d'rwiš* (B.63,11) 'подматерье — это маленький бедный мальчик'.

Другая особенность именного сказуемого в диалекте состоит в том, что здесь весьма распространено употребление лексически нейтральной предикативной связки — глагола *kān* в настоящем времени: *u mnin katkūl lbent bāqa sġera*... (B.31,1) 'когда девочка бывает еще маленькой...'; (*wuṭṭānžra kaikun fummha wāsae*), *wuṭṭānžer kaikūn m'šnoe mn'nnhas* (B.23,13) '(горловина танжры бывает широкой), а котел бывает изготовлен из меда'; *umwāēāl lma hūma ḥābya katkun kbīra wulqrātāl kaikūnu m'l lsūd* (B.25,1) 'посуда для воды включает: кувшин — большой, бочонки — из дерева'. Эти

¹⁶⁸ С. *ġādi naddik nbīeak l-əž-žuṭṭeya* (С. 95, XXV) 'я собираюсь отвести тебя на барахалку, [чтобы] продать (тебя)' и *u ddāu-lə duk-el-flūs b-aš kān ġādi išri lə-ḥmār* (С. 95, XXVII) 'и отняли у него те деньги, на которые он собирался купить осла'.

¹⁶⁹ Г. М. Габучан, *К проблеме артикля...*, стр. 169.

примеры во многом могут быть объяснены заметным развитием в марокканском диалекте общей для арабских диалектов тенденции к сужению сферы употребления предложения, в котором непосредственное сопоставление подлежащего и именного сказуемого указывает только на постоянный или временно присущий подлежащему признак, без уточнения временной отнесенности этого признака. В арабских диалектах вообще и в марокканском в частности появляются по сравнению с литературным языком дополнительные средства и возможности для локализации действия или состояния (признака) субъекта во времени и для уточнения их видового аспекта. Это и служит, очевидно, одной из главных причин относительного сужения сферы употребления предложений, в которых отсутствует предикативная связка.

Употребление предикативной связки в плане прошедшего и будущего времени обязательно, поскольку в данном случае она является единственным средством для передачи временной отнесенности состояния или признака: *waḥd ʿlyum kân ʿssbaʿ mrēḏ* (L.P.55,1) 'однажды лев был болен'; *ḥōya ikūn fqē* 'мой брат будет учителем'; *bāntha tkūn ʿzmīla* 'ее дочь будет красивой'.

Различные предикативные связки по степени утраты лексического значения оказываются неравнозначными друг другу. Наиболее формализованной связкой является глагол *kân*, который в диалектном составном сказуемом, подобно литературному языку, не несет никакой лексической нагрузки. Именно поэтому он выступает в качестве самой универсальной связки.

В литературном языке, как известно, имеется еще довольно обширная семья «сестер *kāna*», полузнаменательных глаголов «продолжения или длительности», а также некоторых других. В диалекте эта семья представлена беднее: здесь нет глагола «отрицания существования» *laysa* 'не быть'; литературным глаголам становления *šāra*, 'aṣbaḥa, отчасти — *ʿāda*, *raḡaʿa*, здесь соответствует по существу один глагол *walla* 'становиться', 'сделаться': *walla šfaḥ* 'он стал бледным'; *wullət ʿzmīla* 'она стала красавицей'; многочисленным глаголам продолжения или длительности — *mā dāma*; *mā zāla*; *mā bariḥa*; *mā fati'a*; *mā ʿanfakʿa* — соответствует один *ma zāl*.

Наконец, в роли предикативной связки могут выступать и знаменательные глаголы, обозначающие деятельность, действие, движение, но не выражающие в определенных конкретных условиях полной сказуемости, полного высказывания, а лишь уточняющие основной смысл высказывания, выраженный именной частью: *ḥarʿt ʿlāegūza fārḥāna u mšāt* (B.33,22) 'вышла старуха довольная и пошла...'; *wlḥ-*

rāžal lli kaidūz ʿlloʿwul (B.63,20) 'мужчина, который проходит первым...'; *hrəž ʿlhum rāžal mʿāllāš bʿadmāyūt* (B.35,19) 'вышел к ним муж, вымазанный кровью'.

Именная часть сказуемого может выражаться самыми различными частями речи: *bba həddād* 'мой отец — кузнец' (сущ.); *ukaitness ʿm lkif wāš ʿn hūwa mʿssūs wulla* (B.57,21) 'и пробует киф — пресен ли он или...' (прилаг.); *wamma hədmət ʿddār hiya ʿšbēl lhwaiz... wutt štāb... wutt byēd* (B.31,8) 'что касается домашней работы, то она — стирка белья... подметание [полов]... побелка [стен]' (масдар); *kul-ši la-bās* 'все нормально' (наречие); *wila kənt smītu mhālfā lʿsmīit laebīd* (B.85,16) 'если его имя было несоответствующим тому, которым называли рабов' (причастие); *lʿhām-māmāt f ʿrrbāt kulhum dlʿhbās* (B.61,15) 'бани в Рабате (все они) — из [собственности управления] хабусов' (имя с предлогом) и т. д.

Комплексное сказуемое — в диалекте, как и повсеместно в арабском языке, широко распространен особый вид предложения, которое формально носит характер именного, но сказуемое у него выражается целым предложением (именным или глагольным): *wuttānzra kəikun fummha wāsaʿ* (B.23,13) 'горловина танжры бывает широкой' (букв. 'танжра — горловина ее бывает широкой'); *ʿrrəzza ma kaidīrha rāžəl hʿtta...* (B.17,19) 'человек не надевает чалмы, пока не...' (букв. 'чалма — не носит ее человек, пока не...'); *bəntkum rāha dʿbhā rāžalha* (B.35,18) 'вашу дочь убил (ее) муж' (букв. 'ваша дочь — ее убил муж'); *lʿmra hūt kəizītha lužəʿ* (B.25,12) 'когда у женщины начинаются схватки' (букв. 'женщина — когда у нее схватки...'); *kul gāləb kəizīb lə llāh gəllābə* (Bur.98) 'любому победителю Аллах находит (его) победителя' (букв. 'всякий победитель — находит для него Аллах его победителя').

Подобный грамматический прием, основанный на способности подлежащего получать значение конструктивной основы, на которой разворачивается содержание, выполняет важную стилистическую функцию, позволяя выделить то слово, на которое хотят обратить особое внимание, которое является главным в сообщении.

Комплексное сказуемое, независимо от его внутренней временной отнесенности как отдельного предложения, не содержит никаких указаний на временную отнесенность признака, качества или состояния подлежащего, которое оно выражает. Эту функцию выполняет вспомогательный глагол *kān*, относящийся к подлежащему и согласующийся с ним: *kān waḥd ʿrāžəl kəiqōlu lə Žha* (B.21,12) 'жил один человек, которого звали Жха' (букв. 'был один человек — звали его Жха'); *kān Žha ḥəllāt-lə yimmāh waḥd-əl-hābya məšqōqa* (C.90,XII) 'ос-

тавила мать Жхе треснувший кувшин' (букв. 'был Жха — оставила ему мать...' — перфект глагола *kān* служит указанием на то, что событие относится к прошлому); *kānət waḥd əl-mđina sāknīn fīha šī-nās būḥāla bəzzāf* (С.105, XLII) 'был один город, [в котором] жили очень жадные люди'.

Во всех приведенных примерах глагол *kān* не является предикативной связкой, подобной той, в качестве которой он выступает в именных предложениях, описанных ранее; например, в предложении *dīk ʿssāʿa kānət əl-meīša rḥēša* 'тогда жизнь была дешевой' между глаголом *kān* и именной частью сказуемого существует тесная смысловая и формальная связь. В рассматриваемых же примерах такой связи нет — и по смыслу и формально глагол *kān* непосредственно соотносится здесь с подлежащим и наполнен при этом весьма ощутимым лексическим содержанием: во фразе *kān waḥd ʿrāžəl kai-qōlu lo Žha* глагол *kān* играет не только грамматическую роль (выражает время и категорию лица), но и служит еще выразителем лексического значения признака, характеризующего предмет, — между глаголом *kān* и именем *ʿrāžəl* налицо такая связь, которая ставит это словосочетание на грань между просто словосочетанием в собственном смысле этого слова и словосочетанием, выражающим законченную мысль, т. е. предложением.

Дополнение обычно выражается именем существительным, местоимением или другими частями речи с субстантивным значением. В литературном языке дифференциация подлежащего и дополнения (прямого) происходит прежде всего за счет системы падежного склонения имен; порядок слов при этом имеет дополнительное уточняющее значение. В диалекте, где отсутствует система падежного склонения имен, порядок слов становится тем решающим средством, при помощи которого выявляется дополнение. Основным признаком дополнения (единственным для прямого дополнения) как синтаксической категории является его постпозиция по отношению к сказуемому и подлежащему¹⁷⁰: *d-dīb kān kā-yəkrāḥ ət-tāsləb* (С.126, XVII) 'шакал ненавидел лису'; *kān waḥd-ər-rāžəl, kull-nḥār, kā-ižīb lə-mrāto z-zrāʿ* (С.63, LXX) 'один человек каждый день приносил жене зерно'.

При наличии двух прямых дополнений, обозначающих различные неоднозначные по функции предметы или объекты, на которые переходит действие субъекта, дополнение, выражающее объект (1), находящийся под непосредственным воздействием субъекта, предшествует дополнению, выражающему объект (2), который одновременно подвергается (может под-

¹⁷⁰ Интересно отметить, что и в литературном языке этот признак оказывается главным, когда подлежащее и дополнение не изменяются по падежам.

вергнуться) воздействию объекта (1): *nta ma twukkəl wuld-dək* (1) *ğər lāsnāgər* (2) *lmzyānīn wāna ma ntwukkəl wūldi* (1) *ğər lāhlib* (2) (В. 19, 11) 'ты будешь кормить своего сына только лучшим мясом (из затылочной части), а я буду кормить своего сына только молоком'.

При наличии нескольких косвенных дополнений также соблюдается принцип «старшинства» дополнений — дополнение, выражающее целый объект, предшествует дополнению, выражающему часть этого объекта или поясняющему его: *uq bī t lə f lħitə* (В.35,8) 'и схватила его за бороду'; *nzəl-lə elā dāhḥə* (С.146, XXXVII) 'спустился к нему на (его) спину'.

Что касается совместного употребления прямого и косвенного дополнений, то их взаимное расположение может быть любым и зависит от того, на какой из объектов в данных конкретных условиях делается акцент, обращается большее внимание: *mnin kaiqeyəd lloḥwul f lqaima sm lbāyæ wuš-šāri wuttāmān* (В.55,15) 'когда первый заносит в журнал имя продающего и покупающего и цену'; *kaiqārblu fihum tḥḥən* (В.23,23) 'в них просеивают муку'; *əd kantlə lħmi b ššabūn* (В.61,9) 'только тогда я намыливаю себе тело мылом'; *ħar-rəž dāro l ddallāl* (В.21,13) 'он предоставил свой дом аукционисту'. Во всех приведенных примерах возможна перестановка дополнений с соответствующим изменением смыслового акцента высказываний.

Наконец, совершенно естественно, что прямое дополнение, выраженное слитным местоимением, всегда предшествует любому другому дополнению, относящемуся с ним к одному и тому же глаголу: *kairfdə b lmidā* (В.31,11) 'он кладет его на поднос'; *kaiāṣṣeḥḥa ši ḥāza* (В.41,13) 'дают ей что-нибудь'.

Дополнение может относиться не только к глагольному сказуемому, но и к другим членам предложения. Смысловые функции дополнения при этом во многом зависят от того, какой частью речи выражен тот или иной член предложения, к которому оно относится: (1) при подчинении дополнения имени действия, или масдару, оно восполняет представление о действии, обозначая его объект; (2) при подчинении имени существительному или другому имени, выступающему в его роли, оно восполняет представление о предмете или об определенном представлении (объекте); (3) при подчинении имени пралагательному или другому имени, выступающему в его роли, оно восполняет представление о свойствах-качествах предмета:

1) *wūld lğəzzār m qarḥəd b makəlt lāsnāgər u wūld lbəggār nħili b šrēḥ l ħlib* (В.19,8) '...сын мясника — мускулистый, потому что ел мясо (букв. по причине питания мясом), а сын молочника — щуплый оттого, что пил молоко (букв. по причине питья молока)'; *wamma ḥədmət d dār. ḥiya*

ṭāib (С.189) 'и наливают в них немного горячей воды (кипятку)' (букв. '... воды — она кипячая') *lm̄ ṭeallam k̄ai-εammā li lma ṣhūn* (В.61,4) 'мальчик наливает мне горячей воды' (букв. '...воды — она горячая'); *šāfo ṣ-ṣamεa d-εḏ-ḏāmāε lā-kbir ṭwεla* (С.6, XV) 'ув дели они выс кий минарет большой мечети' (букв. '...минарет большой мечети — он выс кий'). В данных примерах очевь трудно однозначно определить характер отношений между выделенными словами. С одной стороны, это определительная связь, с другой — предикативная. Не случайно в роли выделенных выше определений в аналогичной ситуации может употребляться не только имя, но и глагол: *fōq-manno l-moqrāḏ d-εl-ma k̄ā-iṭēb* (С.189) 'над ним — чайник с кипящей водой' (букв. '...с водой — она кипит').

Определения в арабском языке делятся на согласованные и несогласованные.

Согласованное определение выражается именами прилагательными, причастиями, указательными и относительными местоимениями, порядковыми числительными. Примеры с объяснением основных особенностей согласованного определения были даны в ходе предыдущего изложения.

Несогласованное определение выражается именами существительными, а также другими именами с субстантивным значением, слитными местоимениями.

Несогласованные определения связываются с определяемым словом или путем непосредственного примыкания («дафый способ», или так называемый *status constructus*), образуя с ним сопряженное состояние, или посредством предлогов и специальных служебных слов (аналитический способ). Первый способ, основанный прежде всего на системе склонения имен и столь характерный для литературного языка, в диалекте в значительной мере оказывается пережиточным; непосредственное присоединение несогласованного определения к определенному имени встречается в относительно ограниченном числе случаев (приводятся основные¹⁷³):

а) во фразеологических словосочетаниях, в которых компоненты объединены в один синтаксический комплекс: *mūl-εd-dār* 'хозяин дома', 'глава семьи'; *mūlat tātt snīn* 'трехлетняя'; *bānt hrām* 'грязная девчонка'; *wuld εl-kalb* 'сукин сын'; *yūm εl-qyāma* 'день светопредставления'; *noṣṣ barmil* 'полубочечный'; *bū ləḥya* 'бородач'; *bəlqāsam* (<*bān qāsam*) 'Бель-

¹⁷³ Подробнее со способами связи несогласованного определения с определяемым можно познакомиться в очень интересной работе Ф. Марсе: Ph. Marçais, *Remarque sur un fait syntaxique du parler arabe d'El-Milia*. Статья, несмотря на свой ограничивающий заголовок, по существу посвящена сравнительному анализу особенностей употребления несогласованного определения в магрибских диалектах, взятых в целом.

касем' (имя собств.); *mūl-le-bǧāl* 'владелец мула'; *qalb-əl-mdī-na* 'центр города';

б) в сложносочиненных словах: *rāṣ-əl-hānūt* 'товар (бакалейной лавки)'; *ḥabb-əl-mlūk* 'вишня' (собирает.); *bād-əd-dār* 'парадная дверь (дома)';

в) в словосочетаниях, в которых определяемое слово — имя прилагательное, а определяющее — имя существительное, служащее одновременно средством субстантивации всего комплекса: *qlil-ər-reḥḥ* 'скудность дохода'; *tqāl-əd-dmāǧ* 'тяжесть в голове'; *ḍeḍf-əl-hāl* 'бедность', 'нужда';

г) в словосочетаниях, в которых составляющие их компоненты выражают отношения самой близкой и непосредственной связи или принадлежности: *wuld əl-gəzzār* 'сын мясника'; *wuld əl-bəggār* 'сын молочника'; *sm lbāyǧe* (B.55,15) 'имя продающего'; *ana... šrātt ε^alikum bāil lm šmār m šmār Žha* (B.21,22) 'я поставил вам условием, что крюк — крюк Жхи...'; *žābha lbāb hānūt waḥd lh^ažžām* (B.31,22) 'привел он ее к двери лавки одного брадобрея';

д) когда несогласованное определение выражено слитным местоимением, оно непосредственно примыкает к определяемому слову, как правило, только в том случае, если компоненты данного словосочетания также выражают отношения самой близкой и непосредственной принадлежности (родственная связь, органы тела и т. п.): *waldīha* 'ее родители'; *ḥti* 'моя сестра'; *kərši* 'мой желудок'; *ε^alā ṭahre* (T.65,13) 'на моей спине'; *rəžlō* 'его нога'; *ṣahbo* 'его друг'; *bləǧti* 'мои бабуши'.

Решающим способом связи несогласованного определения с определяемым словом в диалекте, где отсутствует система падежного склонения имен, в противоположность литературному языку становится аналитический («предложный») способ. Основными диалектными средствами связи при этом способе являются частица *d/di* и служебное слово *dyāl*¹⁷⁴; с их помощью осуществляется сочетание имен с именами и имен со слитными местоимениями¹⁷⁵ (за исключением случаев, перечисленных выше): *l-ḥātəm d-əd-dhəb* 'золотое кольцо'; *ma-huwwa ǧər Žha dyālna b-wužḥō* 'это не кто иной, как наш Жха

¹⁷⁴ В бедуинских говорах употребляется в этой же функции *ntū ε* или *mtū ε*. В городских и горских говорах эти слова встречаются в исключительно редких случаях и, очевидно, всегда под влиянием бедуинских говоров. В «Текстах» Л. Брюно нами обнаружено, например, всего два таких случая: *uddallīl mtaε žald lhəgrī* (B. 55, 9) 'перекупщик коровьих шкур', *mtū-na mtaε ḥūdəm* (B. 85, 13) 'посредница в торговле невольницами'; равным образом крайне редко как исключение встречается это слово в «Хрестоматии» Ж. Колена и «Текстах» Э. Леви-Провансаля, а также в «Танжерских текстах» В. Марсэ.

¹⁷⁵ В этом случае, а именно — при сочетании имен со слитными местоимениями — употребляется только *dyāl*.

личной персоной'; *əd-dār dyāli*¹⁷⁶ 'мой дом'; *sqg d-əl-mdīna* 'городской базар'; *l-hauma d-əl-qšba* 'район Касбы'; *waḥd-əl-hānūt dyāl tābāqqālt* (С.89, VIII) 'бакалейная лавка'. Из этих примеров, а также из многочисленных примеров предшествующего описания можно видеть, что *d* и *dyāl* отличаются крайне широким семантическим диапазоном и с их помощью между компонентами атрибутивных словосочетаний может осуществляться самая различная по значению связь: собственно определительная, притяжательная, связь по принадлежности, связь части по отношению к целому и т. п.

Обстоятельства образуют в диалекте обширный класс второстепенных членов предложения. Обычно они выражаются соответствующими наречиями или именами с предлогами.

Обстоятельства могут быть разделены на:

а) обстоятельства времени: *ḡadda yum lqeyāma* (В.83,2) 'завтра будет светопреставление'; *ullagedda hīt hrəž lqāde* (В.83,13) 'на следующий день, когда судья вышел...'; *dik ssāea kaižib li lmətəalləm* (В.61,10) 'в этот момент мальчик приносит мне...'; *um n bead kanəayuyet* (В.61,7) 'затем я зову...'; *waḥd nnhār m l liyām ža leandə waḥd linsān* (В.81, 16) 'однажды пришел к нему один человек'; *uf lmoḡrəb kai-ḡātteu ttānōr d l bīr* (В.41,14) 'после заката закрывают колодезное отверстие'; *f ndāq žžəld kaiə^amār fkun nhar mūr dḡdhōr* (В.55,7) 'фундук кож открыт каждый день, после полудня'; *um n ēām leām kai krihum nnāḡār* (В.61,16) 'из года в год администратор (из управления хабусов) сдает их [внаем]'; *kān Žha əāmro mā-šəlla* (С.90, XI) 'Жха никогда не молился';

б) обстоятельства места: *ḡəlsə qəddāmə* (С.10, XXIII) 'сели они перед ним'; *bda kā-ifəttəš mən-hna u mən-hna* (С.11, XXVI) 'начал искать то там, то здесь'; *kān waḥd ər-rāžəl šeyyād, u kul-nhār kā-ihrəž l-bərḡa* (С.13, XXIX) 'жил один охотник, который каждый день выходил из дому' (ср. с англ. outside); *u ḡəllitha tamma* (С.13, XXIX) 'и он оставил ее там'; *u ḡžəe mən-tamma* (С.13, XXIX) 'и возвращайся оттуда'; *u kānə ḡāmsin tāləb f-dāk əž-žūmae* (С.15, XXXII) 'и было в той мечети пятьдесят студентов';

в) меры и степени: *mšāu b-žūž l-əl-mḡākma* (С.10, XXIII) 'пошли они в суд вдвоем'; *f-əl-lil, nəesət mḡātə ḡēr waḥd-əš-šwīyāš* (С.11, XXV) 'ночью его жена поспала совсем немного (самую малость)'; *lqa waḥd əd-dālya wālda lā-ənəb blā-wəqt* (С.16, XXXIV) 'нашел он лозу, на которой раньше времени (преждевременно) созрел виноград'; *wāš bdit kā-nqərḡəb*

¹⁷⁶ В ряде горских говоров слово *dyāl* под влиянием бедуинских говоров согласуется в роде и числе с определяемым словом: *əd-dār dyāltti* 'мой дом'; *əd-dyūr dyāuli* 'мой дома' и т. п. (См. Е. Lévi-Provençal, *Textes arabes de l'Ouargha*, p. 37).

šī-šwīya? (С.147,XXXIX) 'ну, начал ли я хоть немного приближаться?'; *lli bgāha gāe, hallāha gāe* 'тот, кто хочет иметь все, теряет все' (букв. 'тот, кто хочет всего полностью, теряет все полностью');

г) обстоятельства образа действия: *u-qālət lə gēr b-aš-šwīya* (С.10,XXIV) 'и сказала она ему совсем тихо'; *llāe elē-nl b-əz-zerba* (С.19,XXXVIII) 'он поспешно взлетел на него (дерево)'

В диалекте употребляется специфическая для арабского языка разновидность обстоятельства образа действия, именуемая арабскими авторами термином «абсолютный объект» (*'al-mafēūl 'al-muṭlaq*). Его суть заключается, как известно, в следующем: для выражения интенсивности действия, подчеркивания значения глагола каждый глагол (действия или состояния, переходный или непереходный) может сопровождаться обстоятельством, выраженным односоставным с ним по корню масдаром в форме винительного падежа неопределенного состояния: *daraba-hu darban šadīdan* (лит. яз.) 'он сильно бил его' (букв. 'сильным битьем'). Существенный формальный признак «абсолютного объекта» — окончание *-an*, которое в литературном языке служит одновременно категориальной формой неопределенного состояния и винительного падежа. В диалекте отсутствует система падежного склонения имен, но окончание *-an* по-прежнему остается формальным признаком «абсолютного объекта»: *dār dōrān* 'он кружился' (букв. 'он крутил кругами'); *fšāl fəšlān* 'он ослабел' (букв. 'он ослабел слабостью'); *hāf hōfān* 'он испугался' (букв. 'он испугался испугом'). Совпадение диалектной формы «абсолютного объекта» с литературной оказывается внешним, поскольку в диалекте в его роли выступают масдары модели CVCCan, в то время как в литературном языке — масдары самых различных моделей с падежным окончанием *-an*. Это может быть свидетельством того, что формы падежных окончаний не всегда отсутствовали в разговорной речи: в диалекте в роли «абсолютного объекта» выступают масдары как раз той модели, которая внешне совпадает с литературной формой винительного падежа неопределенного состояния.

Что касается места обстоятельства в предложении, то в живом разговорном языке оно оказывается настолько подвижным, часто зависящим не только от конкретной обстановки, в которой происходит речевая деятельность того или иного субъекта, но и от его индивидуальных особенностей как носителя языка, что применительно к диалекту лучше говорить только о «тенденции» той или иной группы обстоятельств занимать то или иное место: обстоятельства места и времени — в начале или в конце фразы; образа действия, меры и степени и другие — после глагола сказуемого.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вопрос о синтаксической природе сложного предложения в арабском литературном языке вообще и в арабских диалектах в особенности остается недостаточно освещенным теоретически. Это касается как самих принципов отграничения сложного предложения от простого, так и внутренней классификации сложных предложений. Если обратиться к другим языкам, изученным в этом отношении полнее и глубже, например к русскому языку, то обнаруживается очень сходная картина: нет единой теоретической основы, а отсюда и единого учения о сложном предложении. Известно, что А. М. Пешковский отвергал сам термин «сложное предложение», поскольку, по его мнению, этот термин «называет несколько предложений одним „предложением“ и тем создает путаницу...»¹⁷⁷. При этом А. М. Пешковский исходил из того, что «сложные предложения в большинстве случаев строятся по принципу простого нанизывания одних предложений на другие, и только в части сложных предложений, именно в тех из них, где подчинение явно преобладает над сочинением, мы имеем ту же структуру, что и внутри предложения»¹⁷⁸. Но что должно служить критерием того, где «подчинение явно преобладает над сочинением»? Не случайно акад. В. В. Виноградов пишет, что «было бы осторожнее вместо сочинения и подчинения предложений говорить о разных видах сцеплений предложений и о разных степенях их зависимости, выражаемых союзами и другими грамматическими средствами: формами наклонения, формами относительных времен, порядком слов, местоименными словами, интонацией и т. п.»¹⁷⁹. Б. М. Гранде, придерживающийся в своем «Курсе грамматики арабского языка» близких этому принципов, проводит мысль об относительной шаткости границ между сочинением и подчинением, о наличии между ними переходных моментов (особенно при бессоюзной связи)¹⁸⁰. Дополнительно к этому следует отметить, что в арабском языке трудность отграничения в сложном предложении сочинения от подчинения во многом определяется еще той большой функциональной нагрузкой, которая возлагается здесь на соотносительное употребление видо-временных глагольных форм.

Так, именно поэтому сложное предложение, компоненты которого связываются друг с другом при помощи сочинительного союза, не всегда может быть причислено полностью к группе сложносочиненных. Например, грамматически далеко

¹⁷⁷ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, стр. 407.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ В. В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, стр. 708.

¹⁸⁰ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 492—494.

не равнозначны следующие предложения: а) *ḥkā-li ḥkāito u ḥkīt-lō āna ḥkāiti* (С.67, LXXIII) 'он рассказал мне свою историю, а я рассказал ему свою (историю)'; б) *kān waḥd-ər-rāžəl ġādi l-əs-sōq u-huwwa kq-iguwwəd waḥd-əl-māzza* (С.7, XVII) 'один человек шел на базар, ведя с собой козу' (букв. '...и он ведет козу'); в) *ēaudət dūuzət ēandō ēām u-hiyya tūləd-lō bnīta* (С.1, I) 'она провела у него год, и (она) родила ему дочь' (букв. '...и она рождает ему дочь'); г) *ġēr hiyya samsā-to kā-iqūl hād-əl-klām u hiyya tnōd u-tlāhhāf b-hāik-ha* (С. 100, XXXIV) 'услышав, что он говорит такие слова, она встала и завернулась в хаик' (букв. 'только она услышала... она встает и заворачивается...'). В предложении (а) налицо сочиненная связь двух равноправных предложений. В предложениях же (б), (в), (г) такого «равноправия» нет, здесь — уже более или менее выраженная обусловленная связь (обстоятельная, временная, следственно-временная), и средством ее выражения оказывается соотносительное употребление различных видо-временных форм глагола. Вместе с тем предложения (б) и (в) не могут быть, очевидно, признаны и сложноподчиненными, поскольку их компоненты (простые предложения) по смыслу не являются одной частью другого. Что касается предложения (г), то здесь подчинительная связь проявляется как будто достаточно четко, поскольку ни грамматически, ни по смыслу его компоненты не могут быть употреблены друг без друга. И все же это предложение не сложноподчиненное в полном смысле этого слова. Благодаря наличию сочинительного союза здесь происходит переход подчинительной связи в сочинительную¹⁸¹.

Сложноподчиненные предложения можно разделить на две группы: 1) предложения с односторонним подчинением и 2) предложения с двусторонней зависимостью. К первым относятся предложения, в которых в придаточной части разворачивается какой-либо член основной (главной) части: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство. Ко вторым относятся предложения с «придаточными» частями целевого, временного, условного, причинного и уступительного значений.

В предложениях первого типа придаточная часть относится к одному из членов основной части или ко всей этой части, взятой в целом, в то время как в предложениях второго типа подчинение «придаточной» части «главной» не может быть охарактеризовано как чисто одностороннее — здесь боль-

¹⁸¹ Этот переход оправдан и логически: ранее уже отмечалось, что в предложениях типа *ġēr samsāh əl-ġəzlān u hōma ihərbo* (стр. 43), хотя передается действие, обусловленное другим действием и являющееся его следствием, оба действия во временном плане неотделимы друг от друга, одновременны и, таким образом, в известном смысле «равноправны».

ше подошло бы понятие взаимообусловленности, взаимозависимости, взаимоподчинения.

По номенклатуре сложноподчиненных предложений диалект, очевидно, мало чем отличается от литературного языка. Особенности его проявляются главным образом в способах и характере реализации подчинительной связи. Это можно проследить на примере наиболее типичных для диалекта видов сложноподчиненного предложения.

Предложения с придаточными определительными. В качестве союза в этих предложениях употребляется неизменяемое относительное местоимение (ə)lli и подчинительные союзы *f-āš* и *b-āš*: *u-l-fərnātši, lli k̄ā-isəhḥən əl-ma d-əl-bərma w-īsəhḥən əl-hämmām ḥəttā-ḥuwwa, k̄ā-ikūn məbni əl-əbərḥa* (С.193) 'истопник, который греет воду в котле, а также отапливает самое баню, располагается снаружи'; *u-l-lila f-āš k̄ā-ibḡēu iqəllīu, k̄ā-igərrḡo š-šāhma* (С.188) 'в ночь, когда (букв. 'в которую') хотят жарить, нарезают жир...'; *kajäetḡeni ssarūt d'ḥzāna faš nḥ bbi ḥwaiži* (В.59,19) 'он дает мне ключ от шкафчика, в котором я оставляю свои вещи'; *hādi hiyya lə-hrāwa b-āš q̄rəbni* (Вur.94) 'вот та палка, которой он бил меня'; *uddəllāl mtae žəld lbəgri katkūn fidḡo ε^aša bāš kajšīr žžəld lli kajibēε* (В.55,9) 'у перекупщика коровьих кож в руке имеется палка, которой он метит кожу, которую продает'; *kairfəd žūž d'iqbāb wāhād bāš nāḡsəl uwāhād faš nārḡe ḥwaiži* (В.61,3) 'он несет две шайки — одну, в которой я буду мыться, другую — в которую я сложу свои вещи'.

Нетрудно заметить, что в то время как относительное местоимение (ə)lli выступает как лексически нейтральное союзное слово, подчинительные союзы *f-āš* и *b-āš* в известной мере сохраняют лексическое значение тех элементов, из которых они образованы: союз *f-āš* всегда имеет добавочный подтекст «в чем», а *b-āš* — «с чем».

Связь компонентов сложноподчиненного определительного предложения осуществляется обычно их бессоюзным примыканием, если слово, к которому относится придаточная часть, находится в неопределенном состоянии: *šāfo šī-ḡəzlān k̄ā-irḡāu* (С.1,II) 'увидели пасущихся диких коз' (букв. 'коз — они пасутся')¹⁸²; *wās k̄āin tamma šī-bḡəl bḡēt nəšrīh* (С.8, XX) 'найдется ли там осел, [которого] я бы захотел купить?'

Данное правило, неукоснительно соблюдаемое в литературном языке, в диалекте оказывается нерегулярным и может «нарушаться»: *kajäetḡeḥa šī ḥāža lli tfārr ḥha* (В.41,13) 'дают ей какую-нибудь вещь, которая бы обрадовала ее'; *mā-*

¹⁸² Подчинение здесь не только смысловое — соотносительное употребление времен служит в данном случае формальным средством выражения такого подчинения.

ɛändi la ɛäbd wā-la ḥādəm əlli nhärrər (С.89, X) 'у меня нет ни невольника, ни невольницы, которых я мог бы освободить'.

Употребление так называемого возвращающегося местоимения, обязательное в литературном языке, когда относительное местоимение выступает в придаточном предложении в роли дополнения, в диалекте факультативно, если относительное местоимение играет роль прямого дополнения: наряду с *rbətt əl-kəlb lli dṛəbti* 'я привязал собаку, которую ты ударил' может быть: *rbətt əl-kəlb əlli dṛəbtī-h* (Bur.54); *ukan lbəs ḥwaiži lli d'ḥḥəlt mɛaya* (B.61,12) 'и надеваю (свои) вещи, которые я взял с собой'; *mā-ɛändi la ɛäbd wā-la ḥādəm lli nhärrər* (С.89, X) 'у меня нет ни невольника, ни невольницы, которых я мог бы освободить'; *f-āin həd-əl-ḥmār əlli mšiti təšri?* (С.96, XXVII) 'где тот осел, которого ты пошел покупать?'

Примечательно, что и в тех случаях, когда относительное местоимение выступает в роли косвенного дополнения, возвращающееся местоимение также может опускаться, хотя в целом его употребление здесь более регулярно, чем его отсутствие. Ср. следующие примеры: *ha-huwwa r-rāžəl lli qult-lək ɛləh* (Bur.54) 'вот (он) человек, о котором я говорил тебе'; *šāb fih ššārṭ lli qonna* (B.23,3) 'он нашел там условие, о котором мы говорили'; *ss bəa d'zzəgbət lli qāl t lha ləəgūza* (B.35,8) 'семь волосков, о которых говорила ей старуха'.

Выше можно было обратить внимание на то, что при употреблении союзных слов *f-āš* и *b-āš* для связи главной и придаточной частей определительных предложений возвращающееся местоимение исчезает окончательно. И это не случайно — оба слова в отличие от нейтрального *lli*, как уже отмечалось, обладают дополнительным лексическим значением «в чем» и «с чем» и, таким образом, в достаточной степени служат еще и указателями имени, к которому относится придаточная часть сложноподчиненного определительного предложения. Отсюда употребление возвращающегося местоимения, основная функция которого как раз и заключается в том, чтобы служить таким указателем, становится избыточным.

Предложения с придаточным дополнительным в зависимости от характера связи их компонентов могут быть разделены на двучленные и одночленные. К первым относятся предложения, в которых придаточная часть вводится союзом *bāin*, реже — *b-āš*, а распространение основной части придаточной частью не является необходимым (обе части в известной степени независимы друг от друга). Ко вторым относятся предложения бессоюзные или такие, в которых связь компонентов осуществляется при помощи союзного слова

lli или союза *b-əlli* (такие придаточные предложения выступают по существу в функции развернутого члена, дополняющего основное предложение). Ср. следующие предложения с придаточными дополнительными:

а) *šrātt̃ ε^{alikum} baḷl̃ l̃m̃ šmār̃ m̃ šmār̃ Žha maṭtsəll̃ maṭtədh̃a* (B.21,22) 'я поставил вам условием, что крюк — крюк Жхи — не будет ни выдернут, ни забит'; *εād̃ εrəf̃ b-āiñ k̃āiñiñ əš-šəffāra lli...* (C.8,XX) 'только тогда он узнал, что есть грабители, которые...'; *wāš̃ nta duwəwəqt̃ini l-bārəḥ̃ b-āš̃ bḡēt̃ini ndūuqək̃ əl-yūm* (C.90,XI) 'ты угостил меня вчера, что хочешь, чтобы сегодня я угостил тебя?';

б) *šəftha ḡādi iddītha wāhəd̃ āhəṛ* (C.2,IV) 'я увидел, что кто-то еще собирается взять ее'; *bhāl̃ ila k̃āñ k̃ā-ismā-ḥəm̃ āš̃ k̃ā-iqūl̃ə* (C.99,XXXIII) 'как если бы он слышал [то], что они говорят'; *mā-εändi ma nəhdē-lək̃ mən-ḡərha* (C.100,XXXIV) 'у меня нет [ничего], что я мог бы подарить тебе, кроме нее'; *ḡəftina nsərḡə-lək̃ əl-bəḡla?* (C.100,XXXV) 'ты испугался, что мы украдем у тебя мула?'; *šūfə ḡād-əl-məs-k̃iñ əlli mā εändə b-āš̃ išri l-ḡauli* (C.105, XLII) 'посмотрите на этого беднягу, у которого нет [денег], на что он мог бы купить барашка!'; *u-l-ḡāmdū-llā^h əlli mā-žəbtū-ši!* (C.101, XXXVI) 'и слава Аллаху, что я не принес его!'; *wāš̃ ḡāε mā-ḡəfti mn-əllā^h, əlli kəlti-li ulādi?* (C.120,IV); 'а ты совсем не побоялся Аллаха, съев у меня мое дитя?' (букв. '...что ты съел у меня...'); *u-εəlmə b-əlli k̃āñ* (C.97,XXIX) 'и сообщил он ему [о том], что произошло'.

Своеобразным гибридом предложений с придаточным определительным и предложений с придаточным дополнительным [особенно группы (б)] можно считать предложения с придаточным места, которые в большей или меньшей степени включают в себя черты и тех и других: *...twurrini f-āiñ ḡādi nəžbər̃ ḡād-ər-ryāl̃* (C.90,XIII) '...покажи мне, где я найду этот риал'; *mā-bḡāu-ši k̃ā-εərfo la f-āiñ imštu ula f-āiñ ižtu* (C.97, XXIX) 'они больше уже не знали, куда пойти, куда прийти'.

Когда черты определительного предложения оказываются преобладающими, союз *f-āiñ* нередко заменяется относительным местоимением (*ə*)*lli*, и все предложение выступает по существу как определительное: *ra huwəa l-bit̃ lli ḡādi təkəñ fī^h* 'вот та комната, в которой ты будешь жить'.

Предложения состояния, или обстоятельственные, так же как и в литературном языке, обычно характеризуются бессоюзной связью их компонентов. Формальным грамматическим показателем подчинения, а точнее — «неравноправия» этих компонентов, в них служит соотносительное употребление видо-временных форм глагола: *šābhəm̃ ʾiddābzə* 'он застал их спорящими друг с другом' (букв. '...они спорят

друг с другом'). Вместе с тем нельзя не согласиться с мыслью о том, что в целом на эти предложения «надо смотреть скорее как на соединительное звено между предложениями подчиненными и сочиненными. Они стоят на грани между ними. Но тем не менее они не представляют собой единой группы; они как бы располагаются ступенями между двумя крайними положениями»¹⁸³.

Следующие примеры иллюстрируют это положение: *šaf-tə iṣalli* 'я увидел его молящимся' (букв. 'я увидел его — он молится'); *kaiaetḥa m'n bāb dḍār u huwa yug-εod f'leotba* (B.85,20) 'он передает их через дверь (входную) дома, оставаясь на пороге' (букв. '...и он остается на пороге'). Первое предложение сближается со сложноподчиненными предложениями, а второе — со сложносочиненными, но оба они не являются ни теми ни другими.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным подлежащим зависимое предложение предшествует главному, а местоимению *ma* литературного языка соответствует местоимение (*əlli*: *lli ma εandə nār — ka-itsəlləfha mən-εand əḫ-ḫār* 'у кого нет огня, тот занимает его у соседа'; *lli εaddə l-ḥənš ka-iḥāf mən la-ḥbəl* 'тот, кого укусила змея, боится веревки'; *lli εammaṛ rāšə b'klām ən-nās, ma iḫbar f-qin yaεməl dyālo* 'тот, кто забивает свою голову чужими мыслями (букв. 'словами других людей'), не находит места для своих' (букв. 'куда поместить свои').

Сложноподчиненные предложения с придаточным сказуемым оформляются посредством относительного местоимения *lli* с предшествующим личным местоимением, относящимся к подлежащему главного предложения: *l-ḥaddād huwwa lli kə-iṣnāε əl'qmōrāt d-əl-ḥdīd* (C.182) 'кузнец — тот, кто производит изделия из металла'; *wulmra ma ši hiya lli kaṭ-tēyēb l-ḥubz* (B.31,10) 'не женщина (та, кто) выпекает хлеб'.

Сложноподчиненные предложения с придаточным цели вводятся союзом *b-āš*: *ḥəṣṣna nəmšiu l-əs-sōq b-āš nəš-rīu...* 'нам следует пойти на базар, чтобы купить...'; *šhal ḥādi wāna kanf tt'š εalik bāš nšūfu* (B.31,20) 'сколько я уже ищу тебя, чтобы посмотреть...'; *udāba qna naεməl lək šḥor bāš nt'qafə* (B.33,16) 'сейчас я поколдую для тебя, чтобы навлечь на него порчу'.

Особенностью диалектной речи является широкое употребление бессоюзных сложноподчиненных предложений с придаточным цели: *kān Žha mša huwwa u-mrātə iṣəbbnə ḥwā-iḫom f-waḥd-əs-sāqya* (C.92, XVIII) 'пошел Жха со своей женой постирать вещи в ручье'; *bḡētək tabda tṣeyyad-lhom*

¹⁸³ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики...*, стр. 510.

el-əf-twēl-rāt b-ās ilāsbo (С.82) 'я хочу, [чтобы] ты начал ловить им птичек, чтобы они играли...' ¹⁸⁴.

Создается впечатление, что в диалекте употребление союзной и бессоюзной связи в предложениях с придаточным цели оказывается часто свободным, хотя в целом тенденцию к развитию союзной связи следует, очевидно, считать доминирующей. Ср. следующие примеры: 1) *ukan^h dḥol l^h sshūn baš naēṛāq* (В.61,7) 'я вхожу в парную, чтобы пропотеть'; *ukanglās n^h tbərrəd šwiya* (В.61,13) 'я сажусь, [чтобы] остыть немного'; 2) *widdih l^h fārṛān baš kaītəb* (В.31,11) 'и относит его в пекарню, чтобы испечь (его)'; *harrəž dā-rə l^h ddəllāl ibihḥa* (В.21,13) 'он предоставил дом аукционисту, [чтобы] тот продал его'.

Сложноподчиненные предложения с придаточным времени оформляются посредством соответствующих диалектных временных союзов: *mnin s^h meatu kaīd^h bhḥa miēada mšāt kadžri* (В.35,15) 'когда она услышала, что он убивает ее, она тут же побежала...'; *bəad tkəlləm llouwəl užaubu ttūni ža lqāde m^h n žih^h t* (В.83,15) 'после того как выступил первый и второй ему ответил, судья встал на сторону...'; *bəad ža bb^wah, qālt lə* (В.39,21) 'после того как пришел отец, она сказала ему'; *mša qbāt yidd l^h azzām wuqt^h lli kən ihassəl l^h hya lwaḥd rražəl* (В.33,1) 'он схватил брадобрея за руку тогда, когда он брил бороду одному человеку'; *ukāibqau hək^uda h^attā katūled* (В.27,1) 'и продолжают таким образом до тех пор, пока она не родит'; *h^attā iži^h bb^wak u-nqolhā lə* (В.39,21) '[когда] придет твой отец, и я скажу ему об этом' ¹⁸⁵; *hīt kan rtaḥ kanḥallāš mul l^h ammām* (В.61,13) 'когда я отдохну, я расплачиваюсь с хозяином бани'.

Анализ общего содержания придаточных предложений, вводимых временными союзами, часто обнаруживает их двойственный характер, проявляющийся в том, что не всегда возможно отграничить такие предложения от условных или даже причинных. Следующие примеры с достаточной очевидностью могут проиллюстрировать это: *mnin kanbge nāgsel... kand-ḥol l^h ammām* (В.59,17) 'когда (если) я хочу помыться... я иду в баню'; *l^h mra hīt kaīžihā lužəe kaīmšī rāž^h lha iəaiyeṛ l^h qābla* (В.25,12) 'когда (если) у женщины начинаются схватки,

¹⁸⁴ В данном примере связь между главным и придаточным предложениями поддерживается не просто их бессоюзным непосредственным примыканием, но и слитным местоимением *-k* (представляющим субъект действия придаточного предложения), которое присоединено к сказуемому главного предложения.

¹⁸⁵ Данное предложение и по смыслу и формально приближается к сложносочиненному: слово *h^attā* выступает здесь скорее как обстоятельство времени, уточняющее временную отнесенность событий, при этом связь «основной» и «придаточной» частей осуществляется при помощи сочинительного союза *u*.

муж отправляется за акушеркой'; *ulainni dāba hīt k'tro Imwākən ma bəu ši iḥeyto byiddum* (B.31,5) 'но теперь, когда (поскольку) стало много машин (станков), руками больше не вышивают'.

Предложения с придаточным условным делятся на две группы: 1) предложения реального условия и 2) предложения нереального условия.

Предложения реального условия вводятся союзом *ila* 'если': *ila kən wuld kaiwulwulu ε^alēh tlāta d'ttwulwōlāt, wī-la kənt bənt kaiwulwulu ε^aliha twulwōla wahda* (B.27,5) 'если это мальчик, то они радостно голоса́т три раза в честь его, если — девочка, то голоса́т один раз'; *udāba ila bgīti ddaəwa tətfašāl, zid kəda wa kəda* (B.81,19) 'а теперь, если ты хочешь, чтобы дело выгорело, добавь столько-то и столько'; *ila hartūhum kaižē lli šāri lkuntrāda kayahduhūm* (B.57,15) 'если их будут выращивать, концессионер монополии конфискует их'.

Придаточные предложения, вводимые союзом *ila*, нередко по своему содержанию сближаются с временными: *ila ža rražəl f'ullil hallēh h^attā yineas* (B. 33, 19) 'когда (если) муж придет вечером, дай ему заснуть'; *ila šāb f'lfārān ši hūbz tāib kaididh* (B.63,16) 'когда (если) он находит в пекарне готовый (испеченный) хлеб, он относит его...'

Предложения нереального условия, так же как и в литературном языке, безотносительны ко временной отнесенности действия или события, выражаемых глаголом: *kun kən bflūsu fdāk lwoqt kun šra larḍ* (Br.41) '[если] были бы у него тогда деньги, он купил бы землю'; *kun kunt sgēr ubflūsi l-bnāt kul-hom ithatfu εaləya* (Br.41) '[если] был бы я молод и при деньгах, все девушки висли бы на мне'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

*waħd-əl-līla, mša Žha ibāt f-ər-rōda. žūt əš-šta u bda k̄i-ifatteš f-
 āin iḥābba; žbər waħd-əl-qbər məhdüm; dhəl-lō u-dīk-ər-rōda žūt elā-
 frēq-əs-sōq. mn-āin šbāh əš-šbāh, bdāu lə-msūuqən k̄i-idūzo b-əl-bhūim dyū-
 lhōm, rāfdīn lə-ħmāl; u-kull-mən dūz el-ər-rōda, k̄i-ibda irāħħām eāl-l-mū-
 ta u-iqūl-lhōm «ntūma s-sābqən u-hna l-lāħqēn!» smāšhōm Žha: həyyəd
 ħwūižō u-ħāllāhōm f-dūk-əl-qbər u-šədd f-yiddō waħd-əl-ħrāwa u-ħrəž-
 elēhōm u-qāl-lhōm: «el-ūs itəättaltō-elīna, yā-ulūd-əl-klūb?» ġēr səmeq
 hād-əl-klūm, k̄i-ittšāb-lhōm šī-wāħəd mn-əl-mūta nād-lhōm. tḥələq
 u-ħərbo, u-səmhō-lō f-əl-bhūim u-f-əlħmīl. žmae Žha ləħmūl u-l-
 bhūim u-ddūhōm l-dāro (С. 95, XXIV).*

ПЕРЕВОД

Однажды ночью отправился Жха спать на кладбище. Начался дождь, он стал искать, где бы спрятаться. Он нашел одну разрушенную могилу и вошел в нее.

Кладбище то находилось у дороги, ведущей на рынок. Когда наступило утро, направлявшиеся на базар начали проходить [мимо] со своими животными, навьюченными поклажей.

Каждый, кто проходил мимо кладбища, начинал приветствовать умерших словами: «Вы обогнали — мы догоняем!». Услышав их, Жха снял с себя одежду, оставил ее в могиле, взял в руку дубинку и, выйдя к ним, сказал: «Так почему же вы опаздываете, сукины дети?». Когда [люди] услышали эти слова, им показалось, что кто-то из мертвецов зовет их. Ужас схватил их, и они обратились в бегство, оставив ему животных и поклажу. Жха собрал товары и животных и отправил все это домой.

СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ К ТЕКСТУ

waħd-əl-līla 'однажды ночью'
mša '[он] пошел'
ibāt — форма 3-го л. ед. ч. м. р.
 имперфекта глагола *bīt* 'спать',
 'проводить ночь'
f — предлог 'в'
rōda — 'кладбище'
žūt — форма 3-го л. ед. ч. ж. р.
 перфекта глагола *ža* 'приходить'
šta 'дождь'

žūt šta 'пошел дождь'
bda '[он] начал'
k̄i-ifatteš — форма 3-го л. ед. ч.
 м. р. фреквентатива глагола *fāt-
 tāš* 'искать'
f-āin 'где'
iḥābba — форма 3-го л. ед. ч.
 м. р. имперфекта глагола *ħabba*
 'прятаться'
žbər '[он] нашел'

- qbār* 'могила'
məhdūm 'разрушенный'
dḥal '[он] вошел'
dīk 'та'
žūt əla — здесь 'лежало на'
frēq-əs-sōq 'дорога на базар'
mn-āin 'когда'
šbah 'наступило (об утре)'
šbah 'утро'
bdāu '[они] начали'
msūuqēn—форма мн. ч. от *msūwəq*
 'тот, кто направляется на базар'
b—предлог инструментальности 'с',
 'на'
bhūim 'животные (домашние)'
bhūim dyūlhōm 'их животные'
rūfdīn 'везущие'
kull-mən 'каждый'
dūz əl '[он] проезжал (проходил)
 мимо'
kū-ibda — форма 3-го л. ед. ч.
 м. р. фреквентатива глагола
bda 'начинать'
irahham əal—форма 3-го л. ед. ч.
 м. р. имперфекта глагола *raḥham*
əala 'приветствовать кого-либо'
mūta 'мертвецы'
iqūl—форма 3-го л. ед. ч. м. р.
 имперфекта глагола *qūl* 'гово-
 рить', 'сказать'
ntūma 'вы'
sābqēn 'обогнавшие'
hna 'мы'
lāḥqēn 'догоняющие'
sməḥōm '[он] услышал их'
ḥayyūd '[он] снял'
ḥwūl-žo 'его вещи', здесь — 'свои
 одежды'
ḥall āhōm '[он] оставил их'
dūk 'тот'
šədd 'зажать', 'взять (крепко)'
(y)iddo 'его рука'
hrāwa 'дубина'
ḥrež-əl-ḥōm '[он] вышел им на
 встречу'
əl-āš 'почему'
teattəlto-əlīna 'вы опоздали к
 нам'
yā 'о!' (звательная частица)
ulād-əl-klūb 'сукнины дети'
ḡēr 'как только', 'едва'
sēmto '[они] услышали'
klām 'слово', 'речь'
kū-itṣhāb—форма 3-го л. ед. ч.
 м. р. фреквентатива глагола
tṣhāb 'казаться', 'почудиться'
šī-wāḥəd 'кто-то'
mn—предлог 'из'
nād-l-hōm '[он] позвал их'
tṣhaleo '[они] испугались', 'при-
 шли в ужас'
ḥarbo '[они] убежали'
səmhō-lō '[они] оставили ему'
ḥmāl 'поклажа', 'товар'
žmae '[он] собрал'
dda-hōm '[он] отправил их'
dārō 'его дом'

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Hespéris — «Archives berbères et Bulletin de l'Institut des Hautes
 Études marocaines», Rabat.
 JAOS — Journal of the American Oriental Society.
 MSOS — Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen.
 RAfr. — Revue Africaine, Paris.

СОКРАЩЕНИЯ ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- В. 41, 12 — Brunot L., *Textes arabes de Rabat*, p. 41, ligne 12.
 Br. 39 — Brunot L., *Yallah! Ou l'arabe sans mystère*, p. 39.
 Bur. 81 — Buret M. T., *Cours gradué de l'arabe marocain*, p. 81.
 С. 92, XII — Colin G.-S., *Chrestomathie marocaine*, p. 92, texte XII.
 L. P. 134, 17 — Lévi-Provençal E., *Textes arabes de l'Ouargha*, p. 134,
 ligne 17.
 Т., 78, 10 — Marçais W., *Textes arabes de Tanger*, p. 78, ligne 10.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградов В. В., *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, М.—Л., 1947.
- Габучан Г. М., *К проблеме артикля в арабском литературном языке*, — сб. «Проблемы общего и частного языкознания», М., 1960, стр. 160—178.
- Гранде Б. М., *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*, М., 1963.
- Завадовский Ю. Н., *Арабские диалекты Магриба*, М., 1962.
- Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении* изд. 6-е, М., 1938.
- Сегаль В. С., *Некоторые вопросы звукового состава и орфоэпии современного арабского литературного языка*, канд. дисс., М., 1964.
- «Семитские языки», М., 1963.
- «Семитские языки. Материалы конференции», М., 1965.
- Смирницкий А. И., *Морфология английского языка*, М., 1959.
- Старинин В. П., *Лингвистические заметки арабиста*, — сб. «Семитские языки», М., 1963.
- Старинин В. П., *Структура семитского слова*, М., 1963.
- Шарбатов Г. Ш., *Современный арабский язык*, М., 1961.
- Abdelaziz Benabdallah, *Lexiques des origines étymologiques arabes et étrangères du parler magrebin*, Rabat, 1964.
- Alarcon-y-Santon, *Textos arabes en dialecto vulgar de Larache*, Madrid, 1913.
- Basset A., *Articles de dialectologie berbère*, Paris, 1959.
- Blachère R. et Gaudelroy-Demombines M., *Grammaire de l'arabe classique (morphologie et syntaxe)*, 3-me éd., revue et remaniée (nouveau tirage), Paris, 1952.
- Brockelmann C., *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, Berlin, 1908.
- Brockelmann C., *Arabische Grammatik*, Leipzig, 1960.
- Brunot L., *Textes arabes de Rabat*, Paris, 1931.
- Brunot L., «*Yallah!*» *Ou l'arabe sans mystère (dialecte du Maroc)*, Paris, 1933.
- Brunot L., *Notes sur le parler arabe des Juifs de Fes*, — «Hespéris», t. XXII, Rabat, 1936.
- Brunot L., *Sur le thème fāl en dialecte marocain*, — «Mélanges W. Marçais», Paris, 1950, pp. 55—62.
- Brunot L., *Introduction à l'arabe marocain*, Paris, 1950.
- Buret M. T., *Cours gradué d'arabe marocain*, Casablanca, 1952.
- Cantineau J., *Les parlers arabes du département d'Oran*, — RAfr., LXXXIV, 1940, pp. 220—231 et carte.
- Cantineau J., *Cours de phonétique arabe*, — в кн. «Études de linguistique arabe (Mémorial Jean Cantineau par J. Cantineau)», Paris, 1960, pp. 3—125.
- Cantineau J., *Reflexions sur la phonologie de l'arabe marocain*, — «Hespéris», XXXVII, 1950, pp. 193—207, а также см. в кн. «Études de linguistique arabe (Mémorial Jean Cantineau par J. Cantineau)», Paris, 1960.
- Cantineau J., *Études de linguistique arabe (Mémorial Jean Cantineau par J. Cantineau)*, Paris, 1960.
- Cohen D., *Le dialecte arabe Hassāniya de Mauritanie*, Paris, 1963.
- Cohen M., *Le parler arabe des Juifs d'Alger*, Paris, 1912.
- Colin G.-S., *Notes sur le parler arabe du Nord de la région de Taza*, — «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale», XVII, Le Caire, 1920.

- Colin G.-S., *Étymologie magribines*, — «Hespéris», 1er trimestre 1926 et 1er trimestre 1927.
- Colin G.-S., *Notes de dialectologie arabe*, — «Hespéris», 1930, pp. 91—120.
- Colin G.-S., *L'opposition du réel et de l'éventuel en arabe marocain*, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», XXXVI, 1935, pp. 133—140.
- Colin G.-S., *L'arabe*, — в кн.: «Initiation au Maroc», Paris, 1937, pp. 208—227.
- Colin G.-S., *Chrestomathie marocaine, textes citadins en transcription latine*, 2-e éd., revue et corrigée, Paris, 1955.
- Erwin W. M., *A short reference grammar of Iraqi Arabic*, Washington, D. C., 1963.
- Feghali M., *Le parler arabe de Kfar 'Abida (Liban, Syrie)*, Paris, 1919.
- Fischer A., *Marokkanische Sprichwörter (Rabat)*, — MSOS, I, 1898, S. 188—230.
- Fischer A., *Zum Wortton in Marokkanischen*, — MSOS, II, 1899, S. 275—286.
- Fischer A., *Zur Lautlehre des Marokkanisch-Arabischen*, Leipzig, 1917.
- Harrell R. S., *A short reference grammar of Moroccan Arabic*, Washington, 1962.
- Harrell R. S., Tewfik L. Y., Selim G. D., *Lessons in colloquial Egyptian Arabic*, Washington, 1963.
- Harris Z. S., *The phonemes of Moroccan Arabic*, — JAOS, LXII, 1942.
- Kampffmeyer G., *Untersuchungen über den Ton im Arabischen. Der Magrib (1. Spanien, 2. Marokko)*, — MSOS, XI, 1908, S. 1—58.
- Kampffmeyer G., *Marokkanisch-Arabisches Gespräche im Dialecte von Casablanca*, Berlin, 1912.
- Lévi-Provençal E., *Textes arabes de l'Ouargha, dialecte des Jbala (Maroc septentrional)*, Paris, 1922.
- Marçais Ph., *Remarque sur un fait syntaxique du parler arabe d'El-Milia*, — «Actes du II-e Congrès de la Fédération des Sociétés savantes de l'Afrique du Nord», Alger, 1936, II, pp. 1047—1055.
- Marçais Ph., *Le parler arabe de Djidjelli (Nord constantinois, Algérie)*, Paris, 1956.
- Marçais W., *Le dialecte arabe parlé à Tlemcen*, — «Publications de la Faculté des Lettres d'Alger», t. XXVI, Paris, 1902.
- Marçais W., *Le dialecte arabe des Ūlād Bṛāhim de Saïda (Dép. d'Oran)*, Paris, 1908.
- Marçais W., *Textes arabes de Tanger*, Paris, 1911.
- Marçais W., *Textes arabes de Takroûna*, — «Bibliothèque de l'École des langues orientales vivantes», t. VIII, Paris, 1925.
- Marçais W., *Articles et conférences*, Paris, 1961.
- Mercier H., *L'arabe par l'image (Textes ethnographiques)*, Rabat, 1946.
- Mitchell T. F., *An introduction to Egyptian colloquial Arabic*, London, 1956.
- Monteil V., *L'arabe moderne*, Paris, 1960.
- Socin A., *Zum arabischen Dialekt von Marokko*, — «Abhandlungen der phil.-hist. Classe der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig, 1893.
- Stumme H., *Grammatik des tunisischen Arabisch*, Leipzig, 1896.

«اللسان العربي» مجلة دورية للابحاث اللغوية ونشاط الترجمة
والتعريب في العالم العربي — الرباط (المغرب الاقصى).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	8
Система транскрипции и обозначений	16
Основные сведения по фонологии и фонетике	17
Морфология	37
Глагол	37
Видо-временные формы	37
Глагольные породы и их значения	50
Четырехсогласные глаголы	58
Аномальные (неправильные) глаголы	60
Имя	64
Классификация имен	64
Модели имен	67
Род	78
Число	80
Артикль	86
Имя числительное	89
Местоимение	91
Служебные слова	94
Синтаксис	100
Типы грамматической связи в составе словосочетания	100
Простое предложение	104
Сложное предложение	120
Приложение	128
Образец текста	128
Словарь-комментарий к тексту	128
Условные сокращения	129
Сокращения цитированных источников	129
Библиография	130

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
15	11 сн.	الفصحي	النصحي
33	16 сн.	<i>haraġa>haraġ>hraž</i>	<i>ħaraġa>ħaraġ>ħaraž</i>
36	18 св.	CVC	CVC
38	21 св.	<i>dūr</i>	<i>dūr</i>
38	5 и 4 сн.	207—208	220—231
51	23 св.	временного	временного
54	6 св.	<i>thallaš</i>	<i>thəllaš</i>
54	7 св.	<i>ħallaš</i>	<i>ħəllaš</i>
54	7 св.	<i>th llət</i>	<i>thəllət</i>
54	8 св.	<i>ħallət</i>	<i>ħəllət</i>
59	7 св.	C ₁ VC ₂ C ₁ C ₄	C ₁ VC ₂ C ₁ VC ₄
62	15 сн.	<i>yəħbi</i>	<i>yəħbɔ</i>
62	14 сн.	<i>təħbi</i>	<i>təħbɔ</i>
62	13 сн.	<i>təħbi</i>	<i>təħbɔ</i>
62	12 сн.	<i>nəħbi</i>	<i>nəħbɔ</i>
69	11 св.	<i>šġera</i>	<i>šġera</i>
69	16 сн.	CVC	CVC
73	9 св.	CCiWC	CCiWC
75	5 сн.	M. Cohen	D. Cohen
77	17 сн.	CCVCi	CCVCi
79	19 св.	<i>bēt</i>	<i>bīt</i>
79	19 св.	<i>zēt</i>	<i>zīt</i>
85	2 св.	<i>bēt</i>	<i>bīt</i>
95	21 св.	<i>dūr</i>	<i>dār</i>
96	1 св.	<i>nnħas</i>	<i>˘nnħas</i>
99	6 св.	<i>ħay tu</i>	<i>ħaytu</i>
104	3 св.	<i>udāz</i>	<i>ud.iz</i>
108	9 св.	<i>iqbɔt</i>	<i>iqbaʔ</i>
114	4 сн.	<i>bšrəḥ</i>	<i>bšrəb</i>
118	1 св.	<i>əd-dūr</i>	<i>əd-dār</i>
127	3 сн.	<i>šġer</i>	<i>šġər</i>